

Леонид Липавский
Исследование
ужаса

Леонид Липавский
**Исследование
ужаса**

УДК 821.161.1-3 Липавский
ББК 84 (2Рос=Рус)-4
Л61

*Редактор-составитель,
автор примечаний и послесловия*
В. Сажин

Художественное оформление
А. Бондаренко

Ведущий редактор
А. Иванов

ISBN 5-93321-103-6

© Издательство «Ад Маргинем», 2005

Трактат о воде

В ресторане невольно задумываешься о пространстве.

Чемпион взял стальной волосок и проткнул им наискось яблоко.

— Вот мир, — сказал он, — которому нет названия. Он лежит ниже исходной границы человеческого языка. Это один из неосуществившихся миров.

— Между тем, он имеет свой вид, свои очертания, — сказал капитан. — В них, очевидно, и состоит его жизнь. Это изумительный мир, если хотите, ему можно молиться... Или они ничего не значат? Нет, я этому не верю.

— Не достаточно ли без хитрости переходить от одного стеклышка к другому? — спросил маленький грек. — Сквозь стекло все видно нежной долькой апельсина. А если стекла будут менять свой цвет по часам, как спектр? Я буду жить в цветной беседке, как помещик, не зная бед.

— Они могут менять степень преломления, — сказал капитан.

— Мне понятно это, — сказал четвертый собеседник. — Мы разлучены пространством и временем — навсегда, наглухо. Но безумное любопытство сжигает

меня. Мы хотим быть всеми предметами и существами, температурой, волной, преобразованием. Неистощимая жажда увидеться не покидает меня.

Тогда встал чемпион и поднял рюмку:

— Я пью за тропическое чувство.

— Какое тропическое чувство?

Рассказ чемпиона

Вы идете в жаркий день по лугу или через соседний лес. Все пространства приветствуют вас на своих языках. День стоит в своей верхней точке.

Кругом трава, длинная, как волосы. Вы идете и припоминаете песенку. Муравьи перебегают дорогу. И косым полетом выпархивают кузнечики из-под ног.

Цветы поражают нас своим ароматом. Они отступают с дороги и клонятся назад. Тепло как в ванне. Пространство само плывет навстречу и стелется вам под ноги. Так идете вы долго через луг или редкий лес. Муравьи перебегают дорогу.

Вдруг предчувствие непоправимого несчастья охватывает вас: время готовится остановиться. День наваливается на вас свинцом. Каталепсия времени! Мир стоит перед вами как член. Вы оглядываетесь кругом: какое всюду мертвое цветение! С ужасом и замиранием ждете вы взрыва. И взрыв разражается.

— Взрыв разражается?

— Да: вас зовут по имени (это есть у Гоголя).

Все выпили по рюмке. И маленький грек спросил:

— Почему?

Все улыбнулись.

— Потому что вы попали в Стоячую Воду. Это сплошная вода, которая смыкается над головой как

камень. Вы шли легко как песенка и попали в переполненный день, где свет, запах, тепло на пределе: стоят как толстые лучи, как рога. Там нет разделения, нет движения, нет ряда. Это вода твердая как камень.

Но кто же назвал нас по имени? Конечно — сами. В смертельном страхе вспомнили вы о последнем делителе, обеими руками схватили свою душу. Гордитесь, вы присутствовали при противоположном вращении.

— Не об этом ли, — сказал четвертый собеседник, — хотят поведать все сказки об уснувшем царстве. Помните, в котором даже часы останавливаются и лакей застывает с блюдом на одной руке? Там — еще чердак со слуховым оконцем, обиженная старуха и капелька крови от укола. Потом все царство зарастает до поры деревьями и цветами. Но при чем тут укол? По правде говоря, я не берусь объяснить сказку, она слишком пуглива и косноязычна.

И все же это в конце концов объясняется той кривой сопротивления, которой нет на схеме. Кривой, которая правит всеми нашими ощущениями, делая их то больше, то меньше. Иначе сказать, она создает время. А если не время, то что же рождает раздельную мысль?

Я хочу сказать, если бы все было одного напряжения, жизнь протекла бы в один бесконечный мир, как глоток, как звук камертона. Растения тем и отличаются от животных, что для них нет времени.

Не поэтому ли нужен укол? Он дает выход крови. Она медленно выходит из плена и начинает свою безындивидуальную жизнь, такую же, как деревья и цветы.

— Я знаю другую жизнь, которая тоже хотела разлиться и растворить время, — сказал чемпион. — Я го-

ворю о Будде. Бедный Будда, он тоже родился на юге и остановился перед северной границей. Почему он сидит скрестив ножки, как в утробном пространстве? Он хочет превратиться в водяной шар.

— Да, есть особая форма, которая и есть сам ужас, — сказал капитан. — Она приближается к параболе.

— Она есть в цеппелине, котле и клопе.

— Обсудим это обстоятельство, — сказал четвертый собеседник.

Исследование ужаса

— Я видел девочку, которая выбежала из-за стола во время обеда. Она перекосила рот и, растопырив пальцы, замерла в бессмысленном ужасе.

На просторном белом блюде в прекрасных руках горничной лежало, слегка подрагивая, желе. Оно было подобно глубоководному чудовищу, вытасченному сейчас сетями из темных морских долин. Оно еще сохранило свою зыбкую форму медузы. И дрожь его была мелким и частым дыханием, медленная смерть.

Оно задыхалось.

— В списке животных, вызывающих ужас, почти все — безногие или многоногие.

Паук — круглое брюхо, висящее на восьми тонких, колеблющихся, похожих на усы ногах. Спрут — мускулистый и злобный морской паук. Краб — обросший панцирем паук. Таракан, многоножка, сколопендра, клоп, вошь — все эти черные, красные, прозрачные капельки, движущиеся на перебираемых, точно усики, ногах. Наконец, гусеница, червяк, змея. Исключение — только летучая мышь: темный человечек, запутавшийся в собственных крыльях.

— Танк, — почему танк своим видом обращал в бегство целые полки людей? Потому что у него гусеничная передача. Можно составить себе об этом представление, перевернув бутылку с маслом, касторовым или прованским: сок истечет медленным безостановочным потоком. А если бы оно еще крутилось! Так движутся винты машин: они то выпячиваются, то втягиваются назад в свое металлическое ложе. Они текут. Если бы были жидкие животные, они передвигались бы точно так.

Живот жабы напоминает желе. И человеческий зад — тоже. Бедная девочка, перепугавшаяся сладкого, как бы она испугалась, войдя в неурочный час в комнату и застав горничную со своим братом. Ведь тогда человеческие тела похожи на двух подводных чудовищ, встретивших друг друга после долгой разлуки. И движения их — движения гусеницы перед окукливанием.

Девочка замечает качание белой наколки на голове горничной.

— Все эти существа связаны с темнотой. Темнота образовала их тело, она проникает в его форму и консистенцию. Это заметно с первого взгляда. Но не определяет ли она и их ход? Ход наглый и неуверенный, при неподвижном туловище, ход с чистыми и резкими остановками и переменами направления — всегда боком, наискосок. Так движутся на ощупь. Так бежит, например, крыса — как заводная. Она точно соскальзывает с негладкой поверхности.

— Вы говорили, нет жидких животных, — сказал четвертый собеседник, — они почти есть. Я подразумеваю наши внутренности. Чем отвратительны кишки? Своим движением. Но все вещи, о которых мы говорили, страшны именно особым способом своего движения.

Способ их движения называется перистальтикой. Прибавьте сюда страх при падении и дурноту (когда все перед вами и в вас плывет) и боязнь мертвецов. Мы боимся бесформенной жизни, жизни пустоты. Увы, я не открыл ничего нового. Почему?

На этом кончается исследование ужаса.

Впрочем, можно рассуждать и по-иному. Можно считать, что в степи на открытом месте стоит большое село; на краю, на ветреном месте, — четырехугольная изба. В этой избе живет ужас. Он сидит и прядет на веретене, он поет и работает всю ночь. Он распевает удивительные истории. Но почему юношу посадили за работу девушки? Звери, растения и линии подходят к темному крыльцу. Они стараются заглянуть в окошко и спрашивают друг у друга:

— Кто это там так хорошо поет, кто это заливается, не жалея сил?

Можно, значит, рассуждать и так.

Маленький грек заморгал глазами: я хочу рассказать свою историю.

Рассказ

Вот повесть о моих страданиях. Когда жена засыпала, — теперь она покойница, — я надевал тихонько туфли и выходил в ванную комнату. Жена спала одетая в постели. Почему я видел ее из другой комнаты? Даю вам честное слово, я видел ее из другой комнаты через закрытую дверь. Она спала при маленьком свете, небольшое божье создание. Кто мне скажет, что это значит: она спала. Человек находится рядом, но он дальше, чем если бы на другой звездной системе. А если любишь этого человека...

— Если бы вы были жидкостями, вы бы знали, что делать: вы бы просто слились.

— Да, если бы мы были жидкостями. Но будьте вы прокляты, капитан, со своими советами. Я обнимал холодную колонку ванны и думал: что делать?

Потом я вернулся в комнату и откинул одеяло, прежде чем потушить лампочку... передо мной лежало тело, что я говорю, сама душа. Волна, душа, лепесток, световой зайчик, сама душа лежала на простыне передо мной, распустившаяся волосами, лучами ног и рук, колышками грудей, стеблями, дудочками кровеносных жил. Так лежала душа передо мной как раковина...

На корабле было душно. Корабль шел тяжело и неровно. Я колыхался в гамаке рядом с какими-то проплеванными больными. При каждом ударе наши гамаки расходились и потом быстро неслись навстречу друг другу, как два маятника соседних часов. Было полутемно. Старики и старухи раскладывали свои бутерброды на грязных лавках. Широкие плески волны шли на корабль. Корабль раскачивался как тухлое яйцо. Но я не сердился: я знал, что это мышление моря. Оно несло нас в чужую страну.

Мы вошли в порт перед полуднем. Жара управляла этим городом. За столиками прямо на набережной, заложив ногу на ногу, сидели смуглые подлецы. Они переговаривались на смешанном языке и стряхивали пепел в воду. От таких можно всего ожидать. Разве я не прав? У них стерлось воспоминание о самих себе. Они хлопали себя по коленям руками и бросали с размаху на стол деньги. Они сами были переходящими из рук в руки и безжалостными, как деньги. Толстые рюмки с разноцветными винами стояли перед ними как аптечные шары.

Недалеко от строения я заметил пальму. Голый негр с седеющими висками сидел под ней и писал на пишущей машинке; клетка с попугаем висела тут же, привязанная веревкой к стволу пальмы. Попугай сидел в клетке, наклонив голову, безмолвно тоскуя.

(Маленький грек говорит еще долго в таком же роде.)

В это время из-за соседнего столика встал молодой человек и подошел к собеседникам. Он приветствовал их поклоном.

— Я прихожу к вам как посол дружественной республики. Я уверен, что вы трудитесь над наиболее важными и благородными задачами, даже не подозревая, что трудитесь. Мои друзья поручили мне сказать: не сдвинуть ли нам столики вместе? Не важно, кто из нас скорее придет к финишу. Мы объединимся, как две жидкости.

— Мы очень обязаны вам за приглашение, — сказал четвертый собеседник. — Мы рассуждаем о противоположностях севера и юга — неисчерпаемая тема. Мы задаем природе прямые вопросы, от которых она не имеет права уклоняться. И она всегда дает нам точные ответы, точные, хотя и непонятные. Но посмотрите, время уже позднее. Оркестр доигрывает свои последние пьесы по расписанию. И к чему нам увеличивать труды официантов?

— Конечно, вы правы, — сказал молодой человек. — Что касается нас, то мы изучаем оперения. Мы пытаемся понять тот голос, которым свободно и ясно говорит природа. Она говорит травой и листьями: да, я существую как одна волна. Она говорит или поет желтым цветом: я — срез, я — пластинка. Сейчас мы удивляемся тому, что значат задние голубые крылья бабочки пятнистой совки.

Мы составляем как бы маленький словарь, изучаем лица и выражения лиц всех вещей. Итак, желаю вам счастья.

— Вы думаете, я ничего не помню, — продолжал маленький грек. — Нет, я помню все. Когда я хоронил жену, был сильный ветер. Я шел всю дорогу без шапки, как дурак.

Четвертый собеседник:

— Пусть вас не омрачают эти страшные воспоминания. Горе, которого вы не сумели пережить своевременно, отравляет теперь каждый ваш день. Но я даю вам слово: нас всех ждет необычайная радость, на которую мы даже не можем рассчитывать.

— Счастье — это свеклосахаренные заводы, — сказал один. — Плантации распространяются до самого неба и заходят в него.

— Счастье — полет с трапеции на трапецию, — сказал другой. — Когда вы не чувствуете тяжести, для вас перестает существовать скорость и вы плывете в сияющем пространстве как морская звезда.

— Счастье — в парусной лодке, — сказал третий. — Она не чувствует движения. Вам кажется, вы плывете по морю. Я не уверен, не плывете ли вы по времени. Желтая полоска заката протянулась невдалеке и кажется легко достижимой.

— Все это осуществимо, — сказал чемпион. — Когда маленький грек разбогатеет, он купит себе свеклосахаренные заводы с плантациями до самого горизонта и парусную лодку: а под куполом своей комнаты устроит трапеции. Тогда он будет знать все это точнее. Мы, конечно, составляем маленький словарь и, кажется, приближаемся к узлу. Во всяком случае, счастье в сыпучих и зыбких средах. Говорят, когда у муравьев боль-

шой праздник, они взбираются на крутую песчаную горку и скатываются с нее. И почему собака в восторге переворачивается на спину и машет в воздухе всеми четырьмя? Я думаю, что это неплохая коммерческая идея — устроить сеновалы при курорте. Во всяком случае, ресторан отличается от столовой — чем? Головокружением.

— Как превосходно здесь в ресторане. Официанты, серьезные как ангелы, возникают здесь и там между столами. Женщины с лицами цветов склонились над раструбами бокалов. А там в полукруге помещается звуковое солнце. Оно пульсирует как настоящее солнце. Здесь, как ночью в заливе, много различных источников света. Здесь больше запахов, чем в тропическом лесу. Все едят как неторопливые победители, как ученые. Здесь жидкости, резина и стекло. Здесь отражения, стремнина и вращение, разнообразие пространства.

Рыба не знает, что она движется, когда работает плавниками. Она думает, она загребает назад океан. Или — думает она — я меняю плавниками вид океана. Оркестранты считают, что они управляют игрой. Это неверно. Время проходит через их инструменты, через струны и пустоты труб, бронхи и пальцы. Смотрите, они покачиваются, они приплясывают. Время проходит жалобно и весело сквозь все сопротивления. Иногда раздаются гудки. Ведь близко железнодорожная линия. Но когда мы умрем, мы очутимся все на вокзале, и он будет совсем не так непохож на обыкновенный. Что же нас ждет дальше? Невероятный расцвет или все то же самое? Мы превратимся в число, в подводных птиц, морские течения? Что ждет нас дальше, спрашиваю я вас. Печь или сад? Или мы будем ходить по посыпан-

ной песком дорожке и чертить на ней все мировые истории, не обращая внимания на ветер?

— Я всегда любил стихотворения, — сказал капитан и заволок дымом компанию. — Когда я был ребенком, я однажды ехал на извозчике. Пролетка поравнялась с трамваем и не могла его перегнать, не могла отстать. Какой-то восторг овладел мной. Мне казалось, это будет продолжаться бесконечно. Мне казалось, весь город со всеми церквями и мостами помещается у меня на круглой ладошке. Я думаю, это сродни известному чувству уже виденного, ложному воспоминанию.

— Это сродни всему, — сказал чемпион, — и воспоминанию, и тропическому чувству, и резиновым перчаткам и многому другому.

— Я же любил стихотворения, — продолжал чемпион. — Когда я был ребенком, я ехал трамваем в заграничном городе. Шел косой летний дождь, и я заметил, что через влажные трамвайные стекла город выглядел особенно прекрасным. Потом я приехал на вокзал. На вокзале, как водится, была суета, поезда подходили и отталкивались назад от врытых в землю стоек, люди бегали в разные стороны, их траектории пересекались. «Неужели, — подумал я, — через несколько минут меня вдруг не будет тут на вокзале? Нет, этого не может быть».

С тех пор прошло столько лет и нечего говорить, я не видел больше того заграничного города. Он так и остался навсегда при косом дожде, светлым сквозь закапанные трамвайные стекла. Но все-таки я думаю: я и сейчас стою на вокзале, предвосхищая проходящее будущее.

Безумная надежда свидеться не покидает меня. Ведь волна движется вверх и вниз и все-таки не сходит с места.

— Вода — это свет, — сказал чемпион. — Заметьте, по преданиям, мертвецов перевозили через темную воду. Они все забывают. Конечно, мы бы сказали теперь: время; а тогда говорили: вода. Что правильнее, я не знаю. И вдруг подземная вода — сияющая?

— Для берегов Харон, — сказал капитан, — а по-русски мы могли бы назвать: старый хрыч. Старый хрыч стоит, терпеливо управляя шестом на пароме. От него несет луком. Маленькие мужики стоят с края гурьбой и клюют носом. Им наплевать, что они переезжают через Лету: они и так все равно ничего не помнят.

— В древние времена мертвецов сажали на лодку, — сказал маленький грек, — и отталкивали в море. Провожаящие толпились на берегу, посылая разные советы, и бесновались. Говорят, некоторые лодки ветром и течением доносило до Америки. Потом стали накладывать в лодки сено и зажигать его. Огонь плыл по воде, и человеку было удобно переходить в дым.

Четвертый собеседник. Если бы мы захотели нарисовать сон, нам пришлось бы нарисовать водяной шар. Потому что сон — единственный в нашей жизни пример замкнутой системы, если не считать игр. Самое странное во сне, что сновидец лежит как бревно, и он же как герой выделяет в то же время всякие штуки. При этом он виден со стороны. ОН ВИДИТ СЕБЯ СО СТОРОНЫ. Он первичная проекция еще до пространства.

В этом именно смысле надо понимать выражение: большому сну снится, что он маленький сон, маленький сон, которому снится большой сон. Последний ему снится, однако, по кусочкам. Вот эта схема: (цилиндр).

Чемпион. Нашей беседе приходит конец. Нашей замкнутой системе приходит конец. Произведем анализ.

Посередине моря ждет грузовой пароход. В его горячем трюме два единственные пассажира играют в карты. Проигравший с отчаянием глядит на обчистившего его молодца. Но тот не сжалится. Этот взгляд и есть маленький грек.

Теперь — капитан. Он три раза пересек море туда и назад. Он сам знает свое трижды повторенное гнусное убийство. Но на вашем смуглом лице нет и тени раскаяния. Пусть так. Петухи еще не поют: на них напало отвращение. А я сам, чемпион? Я — разговор, решивший, что он существует.

Маленький грек (после небольшого молчания). К чему же приводит наш разговор?

Четвертый собеседник. Вы знаете притчу о человеке, у которого был чек на большую сумму. Он всегда покупал в одном магазине, скажем обувном, и думал, что это чек на обувь. Потом он открыл, что это чек на деньги, то есть на несуществующее, на что угодно. Он был рад.

Или иначе: мы можем при жизни довольно точно представить, как видят мир наши уже умершие друзья. Вот, пожалуй, все, к чему приводит наш разговор.

Маленький грек. А для нас лично?

Четвертый собеседник. Ни к чему хорошему, поверьте мне.

<Нач. 1930-х>

Исследование ужаса

1

В ресторане невольно задумаешься о пространстве.

Четыре человека сидели за столиком. Один из них взял яблоко и проткнул его иглой насквозь. Потом он присмотрелся к тому, что получилось, — с любопытством и с восхищением. Он сказал:

— Вот мир, которому нет названия. Я создал его по рассеянности, неожиданная удача. Он обязан мне своим существованием. Но я не могу уловить его цели и смысла. Он лежит ниже исходной границы человеческого языка. Его суть так же трудно определить словами, как пейзаж или пение рожка. Они неизменно привлекают внимание, но кто знает, чем именно, в чем тут дело.

Это один из неосуществившихся миров, таких нет, но они могли бы быть, со своей жизнью, со своими чувствами.

Интересно знать, счастлив он или нет; в чем его страсть; в чем его терпение.

Я знаю одно: он имеет свой вид, свои очертания. В них, очевидно, и состоит его жизнь. Нет сомнений, это изумительный мир! Если хотите, ради него стоит

идти на жертвы, ему можно даже молиться. Разве не молились люди разноцветным камням и деревьям?.. Или все это не важно, и за внешним видом, улавливаемым глазом, не кроется ничего, он ничего не значит? Нет, я этому не верю.

Мне кажется, что любое очертание есть внешнее выражение особого, независимого от нас чувства. Мне кажется, геометрия есть осязаемая психология.

Послушайте, мне пришла в голову странная мысль. Чем отличается треугольник от круга? В них заложены разные принципы построения, в каждом из них свой внутренний закон, своя душа. И вот душа круга встречается с душой треугольника, у них завязывается разговор. О чем они могут говорить, что они могут сообщить друг другу?..

Так началась застольная беседа о высоких вещах.

2

Зачем идти так далеко? Не достаточно ли, например, просто глядеть то в одно стеклышко, то в другое: сквозь зеленое стекло все вещи кажутся отлитыми из густого живого раствора; сквозь желтое — нежной долькой апельсина. А если стекла к тому же меняют свой цвет при созревании дня? Я буду жить как мушка, отливающая золотом, между двумя рамами, как помещик, не зная бед, как крохотный паучок среди растянувшейся по цветной беседке паутины. И весь мир будет протекать, пересыпаться сквозь меня, как песок сквозь горлышко песочных часов.

Да, это возможно. К тому же стекла могут менять степень своего преломления. Это будет их возмужание и рост, юность и старение, их жизнь, полная событий.

— Мне понятно все это, — сказал четвертый собеседник. — Тоска по дорогим, преждевременно отбывшим, не дает мне покою. О, это постоянная неиссякающая боль, ничем не возместимая потеря! Мы разлучены пространством и временем, навсегда, наглухо. Но безумное любопытство сжигает меня. Мы хотим быть всеми предметами и существами — температурой, волной, преобразованием. Неистощимая жажда увидеться не покидает меня.

Тогда встает говоривший прежде и поднимает рюмку:

— Я пью за тропическое чувство.

Какое тропическое чувство.

3

Есть особый страх послеполуденных часов, когда яркость, тишина и зной приближаются к пределу, когда Пан играет на дудке, когда день достигает своего полного накала.

В такой день вы идете по лугу или через редкий лес, не думая ни о чем. Беззаботно летают бабочки, муравьи перебегают дорожку, и косым полетом выскакивают кузнечики из-под ног. Цветы поражают вас своим ароматом: как прекрасно, напряженно и свободно они живут! Они как бы отступают перед всеми, из вежливости давая дорогу, и клонятся назад. Всюду безлюдно, и единственный звук, сопровождающий вас, — это звук вашего собственного работающего внутри сердца.

Тепло и блаженно, как в ванне. День стоит в своей высшей, самой счастливой, точке.

В жаркий летний день вы идете по лугу или через редкий лес. Вы идёте, не думая ни о чем. Беззаботно

летают бабочки, муравьи перебегают дорожку, и косым полетом выпархивают кузнечики из-под носа. День стоит в своей высшей точке.

Тепло и блаженно, как в ванне. Цветы поражают вас своим ароматом. Как прекрасно, напряженно и свободно они живут! Они как бы отступают, давая вам дорогу, и клонятся назад. Всюду безлюдно, и единственный звук, сопровождающий вас, это звук собственного работающего внутри сердца.

Вдруг предчувствие непоправимого несчастья охватывает вас: время готовится остановиться. День наливается для вас свинцом. Каталепсия времени! Мир стоит перед вами как сжатая судорогой мышца, как остолбеневший от напряжения зрачок. Боже мой, какая запустелая неподвижность, какое мертвое цветение кругом! Птица летит в небе, и с ужасом вы замечаете: полет ее неподвижен. Стрекоза схватила мушку и отгрызает ей голову; и обе они, и стрекоза и мушка, совершенно неподвижны. Как же я не замечал до сих пор, что в мире ничего не происходит и не может произойти, он был таким и прежде и будет во веки веков. И даже нет ни сейчас, ни прежде, ни — во веки веков. Только бы не догадаться о самом себе, что и сам окаменевший, тогда все кончено, уже не будет возврата. Неужели нет спасения из околдованного мира, окостеневший зрачок поглотит и вас? С ужасом и замиранием ждете вы освобождающего взрыва. И взрыв разражается.

— Взрыв разражается?

— Да, кто-то зовет вас по имени.

Об этом, впрочем, есть у Гоголя. Древние греки тоже знали это чувство. Они звали его встречей с Паном, паническим ужасом. Это страх полдня.

4

Вода, твердая как камень

Да, вы попали в стоячую воду. Это сплошная вода, которая смыкается над головой, как камень. Это случается там, где нет разделения, нет изменения, нет ряда. Например, переполненный день, где свет, запах, тепло на пределе, стоят как толстые лучи, как рога. Слитный мир без промежутков, без пор, в нем нет разнокачественности и, следовательно, времени, невозможно существовать индивидуальности. Потому что если все одинаково, неизмеримо, то нет отличий, ничего не существует.

Но кто же в последний момент назвал вас по имени? Конечно, вы сами. В смертельном страхе вспомнили вы о последнем делителе, о себе, обеими руками схватили свою душу.

Гордитесь, вы присутствовали при Противоположном Вращении. На ваших глазах мир превращался в то, из чего возник, в свою первоначальную бескачественную основу.

В этот миг вы встретились не только с Паном, но и со своей собственной душой. Какой слабый голос у нее, слабый, но довольно приятный.

Боязнь безиндивидуальности объясняется также неприязнь к открытым сплошным пространствам: однообразным водным или снежным пустыням, большим оголенными горам, степи без цветов, синему или белому небу, слишком насыщенному солнцем пейзажу. Величественное всегда сурово и неудобно.

О, особая тоска южных стран, где природа чрезмерно сильна и жизнь удивительно бесстыдна, так человек теряется в ней и готов плакать от отчаяния! Не за нее ли платят двойной оклад отправляющимся служить

в колонии, но и это не помогает, они так быстро теряют желание жить, погружаются и гибнут.

Тропическая тоска находит свое выражение в истерии, свойственной южным народам: в припадках пляски или судорожного бега, когда человек бежит не останавливаясь с ножом в руке, — он хочет как бы разрезать, вспороть непрерывность мира, — бежит, убивая все на пути, пока его не убьют самого или изо рта у него не хлынет кровавая пена.

Снежная тоска известна зимовщикам полярных станций. Она вызывает также судорожные пляски и особую болезнь менерик, при которой человек, не выдержав вечной муки, уходит от стоянки напрямик в темноту, в снег, на гибель.

5

Кровь и сон

Меня интересует, кто придумал сказку об уснувшем царстве. Ведь был же человек, который ее придумал, кому впервые пришла в голову эта странная мысль. И очевидно, он попал в точку, если эта сказка производит впечатление на всех, обошла весь мир.

Помните, там даже часы останавливаются, слуга застывает на ходу, протянув ногу вперед, с блюдом в одной руке. И тотчас же из-под земли поднимаются деревья, вырастают травы, длинные, как волосы, и точно зеленой паутиной или пряжей застилают все вокруг. Да, там еще чердак со слуховым оконцем, злая старуха за пряжей и спящая красавица: она заснула, потому что укололась, и капелька крови вытекла из ее пальца.

При чем тут укол, какая связь у него с остановкой времени, со сном?

Но сначала о пряже. Говорят, пряжа похожа на судьбу; но еще более она похожа на растение. Как растение, она не имеет центра и бесконечна, неограниченно продолжаема. В ней есть скука, и время, не заполненное ничем, и общая, родовая жизнь, которая ветвится и ветвится неизвестно зачем; когда ее начинаешь вспоминать, не знаешь, была она или нет, она протекла между пальцев, прошла, как бесконечный миг, как сон, вспоминать нечего.

Любопытно, что и до сих пор очень многие люди боятся вида крови, им становится от нее дурно. А что бы, казалось, в этом страшного? Вот она выходит через порез, содержащая жизнь красная влага, вытекает свободно и не спеша и расползается неопределенным, все расширяющимся пятном. Хотя, пожалуй, в этом действительно есть что-то неприятное. Слишком уж просто и легко она покидает свой дом и становится самостоятельной — тепловатой лужей, неизвестно — живой или неживой. Смотрящему на нее это кажется столь противоестественным, что он слабеет, мир становится в его глазах серой мутью, головокружительным томлением. В самом деле, здесь имеется нечто противоестественное и отвратительное, вроде щекотки не извне, а в глубине тела, в самой его внутренности. Медленно выходя из плена, кровь начинает свою, исконно уже чуждую нам, безличную жизнь, такую же, как деревья или трава, — красное растение среди зеленых.

Тем самым разоблачается, что наше тело более чем наполовину растение: все его внутренности — растения.

Но безличная жизнь не имеет времени. В ней нет несовпадений и толчков. И растения тем и отличаются от животного, что для них нет времени: все для них

протекает в единый бесконечный миг, как глоток, как звук камертона.

В этом причина страха крови, отвращения к ней, испытываемого многими людьми: боязнь несконцентрированной жизни.

Укол — и порывается интимная связь между стихийной и личной жизнью; кровь устремляется в открывшийся для нее выход, настает ее странное цветение; настает обморок мира, безвременный сон. Вот все уже заткано равномерно, как пряжей или паутиной, иной молчаливой зеленой жизнью. Мир снова превращается в то, что он есть, в растение. Какой у него бурный и неподвижный рост! И так было и будет всегда, во веки веков, пока не придет вдруг создатель новой неравномерности со своим избирающим поцелуем, не возникнет снова иллюзия происходящих событий.

6

Рестораны строят поближе к воде, чтобы открывался широкий кругозор, и, когда их располагают над самой водой, их называют поплатками. Коммерсанты — это практические философы, они понимают, что нужно человеку. А что же нужно человеку? Ему нужно созерцание. На миг приподнять голову, оглянуться кругом и вдохнуть свежий воздух. А потом снова плыть среди бурной пены, пока хватит сил и радость не перейдет в изнеможение, в смерть. Ведь никто никогда не жил ни для себя, ни для других: все жили для одного — для трепета.

Есть нечто торжественное в тех явлениях природы, когда ее стрелка как бы перепрыгивает с одного деления на другое; в смене дня вечером, например, в подъе-

ме луны из-за горизонта. Даже легкомысленный тогда замолкает и задумывается неизвестно о чем, и все глядят на темнеющее море и ждут: вот-вот покажется маленькая лодочка, причалит к сходням, из нее выйдет седобородый хозяин мира и скажет: «Я вижу, гости меня заждались. Простите за невольную заминку. Но теперь настала пора раскрыть вам сюрпризы, которые я для вас приготовил».

Однако это никогда не случается.

За одним из столиков встретились несколько человек и вели разговор на изложенные здесь темы.

Как прекрасна бескорыстная беседа! Никому ни от кого ничего не нужно, и каждый говорит когда и что захочет. Она подобна реке: она не торопится и течет в направлении к морю то медленно, то быстро, иногда прямо, иногда выгибаясь вправо или влево. Две богини стоят за плечами собеседников: богиня свободы и богиня серьезности. Они смотрят на людей благосклонно и с уважением, они с интересом прислушиваются к разговору.

7

Что касается чувств ужаса, отвращения, любви, радости и т.п., то при рассуждении о них делаются всегда следующие три ошибки.

Первая ошибка заключается в их утилитарном толковании. Люди, скажем, боятся змей, потому что они опасны. На возражение, что змей боятся и те, кто не знает, что они опасны, отвечают ссылкой на инстинкт, на передачу страха к определенным вещам по наследству. Все это искусственно и наивно, попросту неумно. Есть множество безвредных вещей, возбуждающих

непосредственно страх, и множество опасных и вредных, его не возбуждающих. Да и само явление страха вовсе не так уже полезно для сохранения жизни: страх расслабляет, парализует либо лишает обычной толковости, изматывает все силы в кратчайший срок. Интересно, какую пользу приносит кролику сковывающий его страх под взглядом змеи? Или кенгуру, который при внезапном испуге умирает от разрыва сердца? Все это говорит за то, что страх возник не как полезное приспособление, он первичен, вездесущ и самостоятелен, и только частично, в небольшой доле использован полезно, в целях предосторожности среди бесчисленных опасностей жизни. Такое использование стало возможным потому, что где-то, в самой глубине, ужасность все же связана с тенденциями зловещими и губительными для индивидуальной жизни. Но, как всякая тенденция, это верно только статистически, вообще, а не для каждого случая.

Вторая ошибка связана с первой и заключается в утверждении субъективности чувств. Если вещь страшна, потому что она нам вредна, то ясно, что она страшна не сама по себе, это наше субъективное ощущение ее: кому она не вредна, тому и не страшна. С нашей же точки зрения, ужасность, т. е. свойство порождать в живых существах страх, есть объективное свойство вещи, ее консистенции, очертаний, движения и т.д. Как можно сказать о вещи или веществе, что оно твердое или мягкое, светящееся или темное, так же можно о ней сказать, страшное оно или нет.

Наконец, третья ошибка, связанная с предыдущими, заключается в том, что ужасность рассматривается как печальное свойство, как рубрика, в которую попадают совершенно разнородные вещи. Гром, например,

страшен по одной причине, мышь совершенно по другой, Пан по третьей. Страх, таким образом, является именем собирательным. С нашей же точки зрения, страх есть имя собственное. Существует в мире всего один страх, один его принцип, который проявляется в различных вариациях и формах.

Все сказанное о чувстве страха относится и ко всем другим чувствам.

8

Все, что грозит нам ущемлением (боль, неприятности, уничтожение), страшно. Это страх по связи, опосредственный. Но имеются и такие события и вещи, которые страшны сами по себе.

Тому можно привести множество примеров.

Желе.

Ребенок плачет от испуга, увидев колеблющееся на блюде желе. Его испугало подрагивание этой, точно живой, аморфной и вместе с тем упругой массы. Почему? Потому ли, что он счел ее живой? Но множество иных, подчас опасных действительно, живых существ не вызывает в нем страха. Потому ли, что жизненность здесь обманчива? Но если бы желе на самом деле было живым, оно было бы никак не менее страшным.

Пугает здесь, следовательно, не вообще одушевленность (подлинная или имитация), а какая-то как бы незаконная или противоестественная одушевленность. Органической жизни соответствует концентрированность и членораздельность, здесь же расплывчатая, аморфная и вместе с тем упругая, тягучая масса, почти неорганическая жизнь.

Это страх перед вязкой консистенцией, перед коллоидами и эмульсией. Страх перед однородностью,

в которой появляются кратковременные сгущения, тяжи, нити напряжения, зыбкой самостоятельности, структуры.

Примерами веществ и сред, рождающих этим страх или отвращение, могут служить: грязь, топь, жир — особенно тягучие жиры, как рыбий или касторовое масло, — слизь, слюна (плевание, харканье), кровь, все продукты желез, в том числе семенная жидкость, вообще протоплазма.

На последнем следует остановиться.

Живая плазма не случайно возбуждает брезгливость. Жизнь всегда в самой основе есть вязкость и муть. Живым веществом является то, о котором нельзя сказать, одно ли это существо или несколько. Сейчас в плазме как будто один узел, а сейчас уже два. Она колеблется между определенностью и неопределенностью, между индивидуальностью и индивидуализацией. В этом ее суть.

На высших ступенях органической жизни это может заслоняться, но оно никогда не исчезает. Из этого следует, во-первых, что во всяком живом существе скрыто нечто омерзительное и, во-вторых, что великое множество живых существ явно омерзительно, возбуждает беспричинный страх.

Что касается первого, то, помимо всего перечисленного, отвратительны и страшны вообще все внутренности: мозг, кишки, легкие, сердце, даже живое мясо, все вообще соки тела.

Что касается второго, то противны на прикосновение все несложные организмы, особенно бесскелетные, как, например, морские. Особенно резко это заметно на паразитах, которые испытали вторичное и, таким образом, чрезмерное упрощение. Клопы и гли-

сты отвратительны своей консистенцией, тем, что они почти жидкие.

С консистенцией может быть связан и характерный цвет, также вызывающий страх: мутно-прозрачный, часто бело-желтый. Такой цвет имеют, например, бельевые вши. Это цвет эмульсии.

9

В основе страха, вызываемого консистенцией и цветом, лежит страх перед разлитой, неконцентрированной жизнью. Такой жизни должны соответствовать и специфические звуки: хлюпанье, глотанье, засасывание, — словом, звуки, вызываемые разрежением и сдавливанием. Но жизнь вообще молчалива, и о ее звуках рассуждать трудно.

Гораздо характернее для нее пространственная форма. И это второй главный страх: первый — консистенции, второй — формы.

Разлитость жизни выражается в ее равномерном растекании во все стороны, т. е. отсутствии предпочтительного направления, т. е. симметрии.

Жизненная симметрия может осуществляться в трех формах: пузырь, отростки во все стороны, ряд (сегменты). Очень часто эти формы сопутствуют друг другу.

Паук, клоп, вошь, осьминог (пузырь + отростки ноги); жаба, лягушка (пузырь), гусеница (пузырь, сегменты, отростки); краб, рак (сегменты, отростки); многоножки, сколапендры (сегменты, отростки); живот, зад, женская грудь, опухоль, нарыв (пузырь).

О пузырьчатости. Это основная форма живой консистенции. Но она обычно недостижима из-за неравномерности окружающей среды (земное тяготение, по-

граничность земли и воздуха, движение вперед). В соответствии со всем этим пузырьчатость превращается в то, что можно назвать «обтекаемостью». Но всюду, где живая ткань остается непрактичной, неспециализированной и верной себе, она приближается к форме пузыря. И там, как известно, она наиболее эротична.

Страх перед пузырьчатостью не ложен. В ней действительно видна безындивидуальность жизни. Размножение и состоит в том, что в пузырьке появляется перетяжка и от него обособляется новый пузырек.

Об отростках. Мы имеем в виду жгутики, усики, щупальца, ножки, волосистость тела. Страх перед ними не ложен: в них действительно некоторая самостоятельность жизни — оторванная нога осьминога, паука-сенокосца и т.д.

О кольцах. И в них самостоятельность жизни: ганглии в каждом из сегментов. Дождевой червь, разрезанный надвое, расползается в разные стороны, это в высшей степени непристойно.

10

Разительным, хотя и искусственным примером страха, вызываемого безындивидуальной жизнью, является впечатление от опытов по переживанию изолированных органов: палец, растущий в физиологическом растворе, голова собаки, скалящая зубы, и т.п.

Поэтому же так неприятны мысли о том, что у мертвеца еще растут ногти, продолжается жизнь отдельных клеток.

Вообще страх перед мертвецом — это страх перед тем, что он, может быть, все же жив. Что же здесь плохого, что он жив? Он жив не по-нашему, темной жиз-

ню, бродящей еще в его теле, и еще другой жизнью — гниением. И страшно, что эти силы подымут его, он встанет и шагнет[?] как одержимый.

Этим же страшны сомнамбулы, лунатики, идиоты и т.д.

Первый страх — перед консистенцией, второй — перед формой, третий — перед движением.

Обычное наше движение — концентрированное: к одному концу приложена сила, другой конец под ее воздействием пассивно меняет свое положение. Это движение по принципу рычага.

Но глубже и истиннее его колыхательное движение жизни, при котором нет деления на активные и пассивные элементы, все по очереди равноправны. Такое переливающееся по телу движение называют, в зависимости от того, к чему оно относится, перистальтикой, судорогами, спазмами, перебиранием жгутиков или ног, пульсацией, ползанием разных видов. Но суть его одна: нерасчлененность на периоды (шаги) и отсутствие центра толчка. Этим противны гады. Ведь движение змеи — это движение кишки, да и форма та же.

Как известно, эротические движения — колыхательные.

Такое же непрерывное, переливчатое движение можно наблюдать у винтов и рычагов машины, которые то выпячиваются, то снова втягиваются в свое металлическое, политое маслом ложе.

Так льется густая жидкость из бутылки. И так же, равномерно и неумолимо, стелется гусеничная передача трактора или танка.

В этом, между прочим, кроется одна из причин, почему танк внушал безотчетный ужас людям на войне.

12

Многоногость неприятна уже сама по себе, но особенно неприятно, когда эти ноги начинают двигаться, животное как бы кишит ногами. Тут соединяются впечатления кольчатости, множества симметричных отростков и колыхательного движения. Быстрота перебирания ножек не позволяет различить отдельных шагов, туловище при этом остается как бы не участвующим в движении, получается какой-то ровный, автоматический ход. Ровен, впрочем, только сам ход, в противоположность, скажем, ходу лошади или человека; остановки же, пускание в ход и перемены направления получаются, благодаря обилию ног, наоборот, необычайно резкими, судорожными, мгновенными. Получается дергающийся бег с внезапными паузами и зигзагами; такой, например, у крабов.

Вот этот-то подрагивающий бег более неприятен.

Как это ни странно, но этот судорожный характер бега присущ и некоторым четвероногим, именно мышам и крысам. Мышь бежит как заводная. И боятся именно бегущей, мечущейся мыши или крысы. Достаточно вообразить, что у мыши иные ноги, что она ходит как другие, более крупные животные, — и все, что есть в ней неприятного, пропадает.

В чем тут дело, почему такой характер движений присущ именно мышам и крысам, я не знаю.

13

В человеческом теле эротично то, что страшно. Страшна же некоторая самостоятельность жизни тканей и частей тела; женские ноги, скажем, не только сред-

ство для передвижения, но и самоцель, бесстыдно живут для самих себя. В ногах девочки этого нет. И именно потому в них нет и завлекательности.

Есть нечто притягивающее и вместе отвратительное в припухлости и гладкости тела, в его податливости и упругости.

Чем неспециализированнее часть тела, чем менее походит она на рабочий механизм, тем сильнее чувствуется ее собственная жизнь.

Поэтому женское тело страшнее мужского; ноги страшнее рук, особенно это видно на пальцах ног.

14

Жизнь предстает нам в виде следующей картины.

Полужидкая неорганическая масса, в которой происходит брожение, намечаются и исчезают натяжения, узлы сил. Она вздымается пузырями, которые, приспособиваясь, меняют свою форму, вытягиваются, расщепляются на множество шевелящихся беспорядочно нитей, на целые цепочки пузырей. Все они растут, перетягиваются, отрываются, и эти оторванные части продолжают как ни в чем не бывало свои движения и вновь вытягиваются и растут.

15

В основе ужаса лежит омерзение. Омерзение же не вызвано ничем практически важным, оно эстетическое. Таким образом, всякий ужас — эстетический, и, по сути, он всегда один: ужас перед тем, что индивидуальный ритм всегда фальшив, ибо он только на поверхности, а под ним, заглушая и сминая его, безличная

стихийная жизнь. Это подобно тому, как если бы мы разговаривали с нежно любимым другом, вспоминали то, что нам ближе и важнее всего, и вдруг сквозь черты его лица выступило бы другое, чуждое, по-обезьяньи свирепое и хитрое лицо идиота. Мы обманулись: он не тот, за кого мы его принимали. С этим невозможно столкнуться просто потому, что он даже не понимает слов, он весь устроен не по-нашему.

Он не тот, а оборотень.

И всякий страх есть страх перед оборотнем.

16

Рой страхов вьется надо мною, как мухи над падалью, не дает мне покою. Среди них я узнаю те, что давно знакомы: страх темноты, и тесноты, и пустоты.

Страх темноты. Когда человек идет ночью по лесу, этот страх понятен. Но даже ребенок сознает, что темноты в комнате нечего бояться. Между тем боится.

Приглядываясь к этому страху, я замечаю в нем: тоску изоляции или одиночества; ожидание неизвестных угроз; тоску однообразного фона.

Из них последняя мне ясна. Разве не говорил я о ней, рассказывая о страхе послеполуденных часов? Однообразие — оно уничтожает время, события, индивидуальность. Достаточно длительного гудка сирены, чтобы мы уже почувствовали, как весь мир отходит на задний план вместе со всеми нашими делами, прикосновение небытия.

Ту же тоску вызывает темнота, снег или туман. Человек очутился в тумане среди озера. Кругом все одно и то же: белизна. И невольно возникает сомнение не только в том, существует ли мир, но существовал ли он вообще когда-нибудь.

Что-то есть в этом полном окружении, что плотно охватывает, останавливает часы, проникает в самые кости, останавливает дыхание и биение сердца.

Есть в чувстве изоляции особая тоска полного и плотного охвата, погасания надежд, как мы это хорошо понимаем.

Возможно, что это именно вызывает абсолютную неподвижную покорность животных при вызывании каталепсии прикосновением или поглаживанием.

В этой изоляции особенно чувствуется потребность в человеческом лице, голосе, в крайнем случае, хоть не человека, а просто живого существа.

Так дети в темноте просят: «Посиди со мной!»

Почему мы так плохо переносим одиночество? Отчего любые удовольствия и подвиги становятся пустыми и безвкусными, если их не с кем разделить, о них никто не узнает? Даже такой тупой человек, как Робинзон Крузо, и то тяготился одиночеством.

Не странно ли, что значение события, наше собственное значение, приобретает силу для нас только тогда, когда оно отразится в чужих глазах, по крайней мере, есть хотя бы возможность этого.

Так два зеркала, поставленные друг против друга, создают ощущение разнообразной бесконечности. А интересно только то, за чем чувствуется неопределенное продолжение, бесконечность...

Так из чего же происходит боязнь одиночества?

В тумане, в темноте всем существом ощущается ответ на этот вопрос. Другой человек разрывает одним своим присутствием плотный чуждый охват, смертельное однообразие.

В конце концов, индивидуальность — это самое крупное событие, наверное, других событий и не бы-

вает, не может быть. А если появляется событие, воскресает время и с ним все остальное, наша маленькая жизнь.

В конце концов, чувства — единственно достоверное в мире, ничего другого в нем, наверное, и нет. Но безындивидуальные чувства нам так чужды, что ими мы жить не можем.

Следовательно, событие для нас то, чему можно сочувствовать: соседняя жизнь.

Наиболее остро ощущается соседняя жизнь в телесном сочетании. В этом была суровость монастыря: лишение телесного сочетания и всего, связанного с ним.

Если же отрезают вообще от всякой соседней жизни, это считается тягчайшим наказанием: одиночное заключение.

Если же присоединяют к этому еще однообразие темноты, становится еще хуже: карцер. Потому что исчезают даже намеки на индивидуальную жизнь — вещи. Настает полный охват...

Но еще я говорил, что в темноте или тумане возникает ожидание неизвестных опасностей. И это тоже нужно объяснить.

Это то чувство, когда в детстве боялся высунуть голову из-под одеяла, потому что окажется, что рядом стоит грабитель, или привидение, или кто-то еще совсем чужой. И боялся не столько его, сколько того страха, который тогда нахлынет и которого не вынести.

Это чувство, говорил я, бывает и тогда, когда остаешься один на один с мертвым телом, даже при свете. И тут тоже так хочется еще кого-нибудь, живой души.

И тут и там причина одна: страх перед не нашей, безличной жизнью. Сама темнота кажется живой. И если

подумать, это уж не так нелепо. Что такое темнота? Это среда вокруг нас, которую мы днем видим расчлененной по практическим признакам на различные предметы разных цветов, а ночью — сплошной и черной. Она существует. А кто мне скажет, что значит существует, если это не значит живет?

Следовательно, страх темноты — это тот же страх перед обратным.

17

Страх пустоты, иначе страх падения.

Человек, бросающийся с парашютной вышки, знает точно, что он не разобьется, никакой опасности ему не грозит. И все же ему страшно.

Если тут можно сослаться на воображение, уже совершенно ясно, что страх перед большими пустотами, перед пропастью не имеет никакого основания.

Страх этот сопровождается головокружением.

Человеку, никогда не испытывавшему головокружения, было бы очень трудно объяснить, что это такое. Ибо никакого кружения предметов на самом деле не видно, скорее, есть уплывание. Но и уплывания, собственно говоря, нет, ибо ничто своего места не меняет.

Любопытно, что на это, кажется, никогда не обращали внимания.

Поясним примером. Человек на карусели или «чертовом колесе» видит действительно кружение мира вокруг него, поочередное прохождение предметов перед его глазами. Но это не головокружение, нужно еще что-то иное. И это иное совсем не требует кружения мира: оно может настать и на карусели, и после нее, и совсем без нее, скажем, при опьянении или при дурноте.

Я хочу сказать, что кружение есть движение, а всякое движение имеет направление и состоит в изменении местоположения.

Между тем, при головокружении может быть ощущение движения без ощущения его направления.

«Все завертелось перед ним», — спросите его, в какую сторону завертелось, и окажется, что он на это ответить не может. Стены плывут перед глазами пьяного, но нет точного направления их проплывания. Падающему в обморок кажется, что он летит неизвестно куда, вверх или вниз.

Главное же, нет изменения местоположения, поочередного прохождения предметов перед глазами. Если смотришь на печь, то, как бы сильно ни кружилась голова, будешь все время видеть все ту же печь, а не сначала печь, потом стену, дверь, окно и т.д.

Короче говоря: при головокружении имеется ощущение какого-то особого, ложного, «неподвижного движения». К этому основному ощущению иногда присоединяются обычные ощущения движения (направление, смена предметов из-за произвольных движений глаз и т.п.), иногда же нет.

Ощущение ложного движения возникает, я полагаю, таким образом: при движении предмета всегда происходит смазывание его очертаний — от незаметного до такого, когда предмет превращается в мутную серую полосу. Это смазывание очертаний предмета происходит оттого, что мы не успеваем фиксировать его точно, крепко держать его глазами.

Головокружение и состоит в ослаблении, колебании фиксации, смазывании очертаний, которое и создает ощущение движения, хотя самого характерного и необходимого для ощущения движения налицо нет, —

«неподвижное движение». Почти то же ощущение можно получить, глядя на отражение в текучей воде: тут тоже смазывание очертаний без перемещения их.

Но зрительная фиксация есть в последнем счете мускульная, фиксация воображаемым ощупыванием, держанием в руках. Нарушение зрительной фиксации есть следствие нарушения всей мускульной фиксации.

Поэтому головокружение чувствуется и при закрытых глазах. Наше пролонгированное во все стороны тело, наши воображаемые, проецированные руки начинают как бы дрожать, слабеют и уже не могут крепко держать предметы; мир выскользывает из них.

Мир был зажат в кулак, но пальцы обессилели, и мир, прежде сжатый в твердый комок, пополз, потек, стал растекаться и терять определенность.

Потеря предметами стабильности, ощущение их зыбкости, растекания и есть головокружение.

<Нач. 1930-х>

Объяснение времени

Тот, кто хочет ответить на вопрос, что такое время, должен предварительно ответить на вопрос, что такое преобразование. Преобразования бывают двух родов: движения, т. е. преобразования местоположения, и изменения, т. е. преобразования качества (и силы). Так как нам придется при исследовании преобразований часто прибегать к мысленным экспериментам, то мы для этой цели будем пользоваться двумя моделями мира, упрощенными по сравнению с реальным, но принципиально однородными с ним. Первый мир, назовем его D , будет совершенно бескачественным и состоять из пяти точек (D_1 и D_2 — покоящиеся, D_3 — движущаяся медленно, D_4 и D_5 — движущиеся быстро). Второй мир, назовем его T , будет совершенно беспространственным и состоять из пяти беспредметных температур (T_1 и T_2 — неизменных, T_3 — изменяющаяся медленно, T_4 и T_5 — изменяющиеся быстро).

На этих мирах мы будем проверять наши рассуждения.

1

О том, что такое время, сведений нет. Яснее всего это видно из того, что никому еще не удалось вложить хоть какое-либо содержание в понятие, противоположное времени, в понятие вечности. Определения времени, если не считать различных уподоблений, нет.

Основным затруднением здесь является всеобщность и однородность времени. Его нельзя, хотя бы в воображении, выключить. Здесь дело обстоит даже хуже, чем с понятием пространства. Можно идти как угодно далеко, все равно из пространства не выйдешь. Но имеются зато хотя бы явления или ощущения, не занимающие пространства, например, звук. Имеется возможность говорить о пространственности в сравнительной степени: зубная боль, например, не носит столь пространственного характера, как боль от ожога пальца, и тоска еще менее пространственна. Ко времени, согласно принятым представлениям, сравнительная степень неприложима.

2

Делалась, правда, часто попытка вневременности или, лучше сказать, безвременности в идеях, скажем, в числах и т.п. Однако это самообман. Когда высказывается какая-либо общая идея, вроде « $1+1=2$ », то это сокращенная фраза. Дополнением, которым может служить любое конкретное указание на соответствующий факт, относящийся к тому или иному времени, — но все же факт во времени. Так что безвременность формулы есть лишь фикция, удобная условность. Это же относится ко всякой идее.

Реального выключения времени это не дает.

3

Если все это так, то непонятно и удивительно, почему мы все же имеем какое-то, хотя бы и смутное, представление о времени, почему есть это слово. Представим себе рыбу, которая никогда не высывалась из воды, — причем вода всюду на ее пути одинаковая, — она просто не могла бы заметить воду.

Очевидно, мы имеем, в каком-то смысле, возможность высываться из времени.

Но это значит, что обычное представление времени есть не просто ощущение, а с примесью ложной теории.

4

Обычное представление о времени, если не упоминать таких бессодержательных признаков, как бесконечность его или бесконечная дробность, — сводится, как было уже сказано, к всеобщности и однородности: все, и при том в одинаковой степени, погружено во время, оно подобно реке, несущей весь мир, в том числе и нас самих, из небытия через небытие снова в окончательное небытие. Лента-транспортёр, безостановочный конвейер, к которой прикреплены все вещи и существа.

Ясно, что время представляется как нечто извне приложенное к миру (река, лента) и властвующее над ним.

Но это неправильно.

5

Начнем с известного воображаемого опыта: весь мир, все в нем вдруг остановилось, застыло как в сказке о спящей красавице. Спрашивается, этот застыв-

ший, пребывающий мир обладает временем или он безвременный?

Возможно, что некоторым покажется, будто и в этом случае время сохраняется. Но эта ошибка произойдет потому, что они забудут выключить в воображении собственную личность, ее изменчивость. И тогда получится, как при скуке: несоответствие внешней обстановки ходу личности заставляет особо остро ощущать время, вызывает томление, — как воздух ощущается острее при его нехватке, когда задыхаешься.

Но мы в этом опыте должны, конечно, выключить или остановить все механизмы, даже собственные душевные.

И тогда, если это непривычное усилие воображения сделано, станет ясно: пребывающий мир — безвременный.

Это значит: время, как некая чуждая сила, как река, несущая мир, — только эмблема. На самом деле время есть какое-то особое отношение внутри мира.

Надо приучить к этому свое мышление. Мир заснул, он пребывал, затем вновь зашевелился. Сколько времени продолжалась его летаргия, сразу ли он проснулся, через минуту, год или тысячу лет? Это бессмысленный вопрос, категории времени здесь нет, хотя во фразе и были употреблены слова «затем» и «вновь».

Пребывание есть точка, а точка не большая и не маленькая, она не подвергается измерению и у нее нет размера.

6

Видоизменим опыт: сложим воображаемую картину из двух неравных частей, тот же летаргический мир,

а кроме того, еще один-единственный камень точильщика, продолжающий вращаться. Будет ли и в этом случае наличествовать время?

Вероятно, большинство ответит утвердительно. Достаточно одного изменения, чтобы безвременность исчезла. Мы уже можем сказать, сон мира продолжается столько-то оборотов камня, а это все равно, что обороты часовой стрелки. В мир вошло время.

Но это все не так просто. Стоит только раздвинуть, рассечь картину надвое, так, чтобы получились две вселенные, не имеющие между собой никакой связи: одна мир прежний, многообразный, летаргический; а второй — состоящий лишь из вращающегося точильного колеса. И сразу станет видно: в первом времени нет, во втором есть. То есть в изменении заключено настоящее время, а в пребывании только условное, зависящее от связи с изменением. Второй мир бросает ответ своего времени на первый, когда они соединены. Удалим второй мир, и ответ на первом пропал.

Так дорога, на которую падает тень забора, выглядит чересполосной. Но на самом деле чересполосна не она, а забор.

7

Надо очень точно понять, что пребывание, будучи по сути безвременным (точкой), благодаря соседству изменения, кажется временным (прямой). Тот самый мир, о котором нельзя было даже поставить вопроса, сколько времени он спал, теперь, при соседстве изменения, приобретает этот признак: можно ответить, он спал столько-то оборотов точильного колеса, или, что принципиально то же самое, столько-то минут, часов, лет.

Но это время — фиктивное. Оно реально только для колеса, а не для неподвижного мира. Так, видя двух людей, одного, прошедшего сто шагов вперед, а другого, стоявшего на месте, мы можем для удобства считать: и он тоже прошел сто шагов — сто шагов на месте. Однако правильнее будет сказать, что он не шагнул на месте, а просто стоял.

К этому надо привыкнуть: к тому, что пребывающее само по себе безвременно.

8

Мы приходим к весьма важному выводу: источником времени является изменение. Весь вопрос о времени сводится к вопросу об изменчивости.

Это вывод важен еще потому, что в нашем мире вместе с изменением имеется и пребывание. День темнеет и вновь светлеет, а твердость скалы пребывает (в этом случае не играют роли рассуждения о том, что в действительности и скала меняется, только незаметно).

Таким образом, то представление о времени, как о чем-то, что с одинаковой силой движет весь без исключения мир, что — потустороннее миру, всеохватывающее и однородное, — это представление, делавшее исследование природы времени безнадежным, исчезает.

9

До сих пор мы, собственно говоря, не уклонялись от обычных человеческих немудрящих представлений. Чему приписывается пребывание? Предметам. А взгляд на временную природу предметов запечатлен в языке: имена существительные. Нелепо спрашивать, какого

времени — стол? Он не подходит под категорию времени. Под эту категорию подходят процессы, действия.

Здесь мы, однако, должны пойти дальше, чем немудрящий взгляд. Пропасть между предметами и процессами конечно искусственная и условная.

Мы должны высказать следующее неожиданное утверждение: многие процессы безвременны. Именно, все те процессы, в которых нет колебания, изменчивости в качестве или в силе.

Возьмем, к примеру, температуру или запах. Это не предмет, скорее, процесс. Но они могли бы быть и в летаргическом мире: постоянная определенная температура и постоянный не меняющийся запах. О них удобнее сказать: длятся; но, как видим, дление равнозначно пребыванию.

Отсюда уже легко перейти к таким несомненным процессам, как усилие, давление или звучание. Если бы весь мир состоял только из ровного длящегося звука, это был бы неподвижный, неизменный, безвременный мир. Нам это трудно представить потому, что мы привыкли привязывать звуки к предметам, притом именно к движению или изменению предмета. Но изолируем мысленно звук от всего, и это препятствие исчезнет.

Но то, что относится к воображаемому миру — звуку, относится к любому реальному частному звуку, если только он не меняется.

Дление, как было сказано прежде о пребывании, должно быть обозначено прямо, с тем, что эта прямая, взятая сама по себе, является точкой.

Итак, ни в пребывании, ни в длении времени нет. Оно порождается только изменениями. И нам, сле-

довательно, надо изучить строение изменений, выяснить, чем они отличаются от пребывания и дления.

Все изменения правильно будет распределить на следующие группы.

Первое: те, что меняются в силе, и те, что меняются в качестве.

Второе: те, что меняются постепенно (пластические), и те, что меняются резко, внезапно (мозаичные).

Третье: те, что не достигают ни на каком этапе существования, и те, что достигают.

Четвертое: те, в которых имеется порядок, и те, в которых порядка нет.

Этим исчерпывается характеристика изменений, поскольку это нужно для выяснения природы времени.

Разумеется, множество изменений будут комбинированными, например, частью пластическими, частью мозаичными, или меняющимися и в силе и в качестве и т.п., но это нового не вносит и интереса не представляет.

Исследование изменений удобнее всего производить графически, принимая прямую за дление, и помня, что прямая в этом случае является условным образом точки.

11

Исследование первое: изменение в силе. Пример первый. Мы видим две лодки в море, первая сначала опережает вторую, потом начинает отставать. Мы считаем, что ход второй был ровным, а ход первой меняется в силе, т. е. графически . Следовательно, ход второй был длением, а ход первой изменением, т. е. сам по себе временным.

Однако ясно, что выбор хода за ровный, основной для отсчета условен. Можно считать, наоборот, . Это есть принцип относительности движений, их скоростей: ускоренное — это значит ускоренное по отношению к какому-то движению, принятому произвольно за равномерное, т. е. за основное. К этому наше мышление уже привыкло, это возражений не вызывает.

Но это утверждение можно сформулировать иначе, и тогда оно приобретет новый и более важный смысл. Ведь ускорение есть изменение (в силе), а равномерная скорость есть движение. И следовательно, —

Имеются несомненно такие процессы, которые оказываются, в зависимости от выбранной точки зрения, либо протекающими во времени (кривой, изменением), либо безвременными (длением, прямой, т. е. точкой).

12

Прежде, чем перейти к другому примеру, мы должны сделать одно примечание. Хотя теоретически при любой относительности выбор основного элемента совершенно свободен, на деле мы почти никогда не колеблемся в этом выборе. Так, например, никто из идущих по улице не сочтет, что он находится в покое, а движутся дома, хотя логически такое предположение неопровержимо. Имеется, следовательно, какой-то фактор, дающий предпочтительность, практически решающий выбор. Впоследствии мы укажем, что это за фактор. Сейчас же мы можем установить, что этот фактор, как бы он ни был силен, не достигает абсолютности. И, следовательно, свобода выбора все же остается

и наша формулировка об относительности некоторых изменений остается верной.

Теперь — дальше.

Пример второй. Кому-то кажется, что кругом стало холоднее, потом теплее, т. е. произошло температурное изменение, — изменение в термической силе. Но он может считать и иначе: колебалась температура его собственного тела, а кругом температура оставалась постоянной.

Легко увидеть, что это все тот же принцип относительности, но уже не ограничивающийся движениями, как это понимали до сих пор.

Приведенный пример хорош тем, что в нем нет ничего специфического. Если так обстоит дело с изменением в силе термичности, то также оно должно обстоит и с изменениями светосилы, силы запаха, вкуса, звука и вообще с любыми изменениями в силе, — хотя уяснение этого было бы гораздо сложнее и потребовало бы устранения множества ошибочных возражений, чем мы здесь заниматься не будем.

Итак, мы можем уже расширить подтверждение предыдущего параграфа; а именно —

Всякий процесс, поскольку речь идет о его силе, может произвольно считаться либо протекающим во времени (т. е. изменением, кривой), либо безвременным (т. е. длением, прямой — точкой).

До сих пор мы говорили лишь об изменениях в силе, но это было излишнее ограничение. Уже на примере температуры была видна искусственность разделения

на силу и качество. Почему температурную разность считать разностью в силе, а не в качестве? Это различие просто словесное, а не реальное.

В иных случаях качество и сила, правда, не совпадают. Но все же они столь близки, что все выводы, сделанные при исследовании силовых изменений, могут быть с полным правом распространены и на качественные.

Так, например, изменения в светосиле кажутся принципиально отличными от изменений в цвете. Но их связь, то, что они две стороны одного и того же, становится ясным на простом уподоблении: волны, бьющие о берег. Их общий напор составит из размаха волн и их частоты, соответственно — светосилы и цвета. И действительно, известно, что обе эти стороны так тесно связаны, что нельзя изменить цвет, не меняя вместе с тем яркость, и наоборот. То же можно сказать о звуке, и можно было бы сказать об иных качествах, если бы их строение было более последовательно.

Следовательно, наши выводы можно распространить также и на качественные изменения, говоря вообще, на изменения в напряжении, а таким будет всякое изменение.

Любое изменение можно принять за неизменность, любую кривую за прямую.

14

Назовем формой события его отношение ко времени, т. е. то, что события бывают либо ровными (стабильными, пребывающими, безвременными), либо неровными (нестабильными, изменчивыми, временными). Тогда наши выводы можно формулировать так:

форма события есть не собственный его признак, а относительный и, до некоторой степени, произвольный.

Это утверждение должно показаться наиболее странным и неправдоподобным из всех, какие когда-либо высказывались. Ибо, во-первых, оно противоречит основной привычке нашего мышления — привычке к определенности, — а во-вторых, противоречит фактам.

Этим оно, однако, не опровергается.

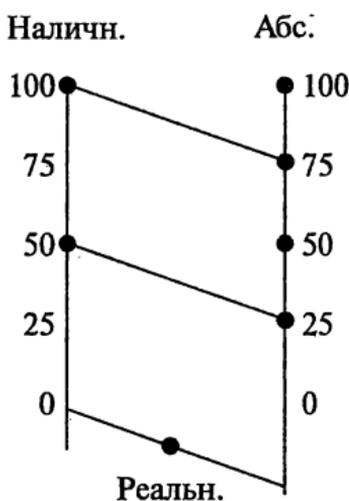
Приведем уподобление. То, что в нашем поле зрения всегда имеется значительный пропуск (слепое пятно в глазу), опровергается всем житейским опытом, бесчисленным количеством фактов. Подтверждается же это единичным и весьма искусственным случаем. И все же его достаточно. Ибо этот случай иначе необъясним, во всех же остальных фактах ненахождение пропуска объясняется дополнительным фактором — вниманием. Именно из-за наличия слепого пятна мы всегда автоматически смотрим так, чтобы пропуск оказался вне зоны внимания (ясного зрения), этим он и маскируется.

Так же обстоит дело и с относительностью формы события. Дополнительный фактор, определяющий вероятность выбора той или иной формы, столь могуществен и действует так многократно, что произвольность выбора на практике маскируется.

И все же в некоторых случаях эта относительность становится заметна: в редких, но зато заметных случаях наблюдается полное смещение: ровность события превращается вдруг в неровность или наоборот; в более частых случаях имеет место частичное смещение, — событие оказывается чуть заметно, — менее или более неровным, чем следовало ожидать согласно обычному опыту.

Что касается частичного смещения, то оно, очевидно, проявляется в нашей жизни непрерывно и во всех ее областях. Ибо, если бы не было бы его, не было бы причин для ошибок в определении изменчивости событий, т. е. темпа, т. е. времени. А между тем, наше ощущение времени подвержено сильным колебаниям.

Законы, управляющие этим смещением, те же, что законы, управляющие вообще всяким смещением разности. *Первый закон:* формы событий смещаются с тех мест, какие они занимают на абсолютной шкале (т. е. всех возможных форм), к местам, какие они заняли бы на наличной шкале (т. е. форм, имеющих в наличии). Иначе говоря, они стремятся расположиться симметрично на всем диапазоне шкалы.

Второй закон: форма, которой придается наибольшее значение, смещается по направлению к основе шкалы, т. е. к ее нулю.

Эти смещения, в тех случаях, когда они замечаются, подводятся обычно под категории привычки или контраста, как будто эти слова хоть что-либо объясняют.

Было бы очень любопытно и плодотворно, особенно для понимания сути искусства, подробно и конкретно разобрать возможные случаи смещения форм событий. Однако мы это минуем.

16

Случаи полного смещения, естественно, очень редки. Вот несколько примеров.

Человеку, долго бывшему на корабле, по выходе на твердую землю она сначала кажется покачивающейся: пребывание гравитации преобразовалось в ее изменение.

Тому, кто смотрел на стремнину и затем перевел взгляд на землю или на спокойную воду, она видится текущей в обратную сторону.

После прекращения продолжительного и громкого колеблющегося звука тишина кажется странной: она как бы пульсирует.

Человек просыпается при остановке поезда.

И т. п.

17

Надо точно понять, в чем состоит относительность и произвольность формы события.

Относительным признаком, в отличие от собственного или абсолютного, называется такой, который присущ явлению лишь тогда, когда оно берется в определенной связи с другим явлением и исчезает вместе с исчезновением этой связи. Примерами относительных событий могут служить «племянник», «старший», «верх».

Первой относительностью формы события, а соответственно, и ее произвольностью, будет, следовательно-

но, связь, сравнение формы с другой формой. Само по себе, единственное, событие не может иметь формы, как человек сам по себе не может быть племянником.

Из этого вытекает безвременность мира в целом. История мира в целом не имеет формы, она есть точка.

Из этого вытекает также бесформенность, безвременность любого события, взятого изолированно. Изоляция уничтожает время. Если мы этого не наблюдаем в чистом виде, а всего лишь как тенденцию, то происходит это потому, что полная изоляция недостижима, она нарушается воображаемым сравнением.

Произвольность заключается здесь в возможности уменьшать или увеличивать изоляцию события, рассматривать его само по себе или соотнося с другими.

Второй относительностью, а соответственно, и произвольностью формы события, будет выбор связи. Если посмотреть на тарелку с одной стороны, она окажется вогнутой; если же с другой, то выпуклой. Такой-то может рассматриваться старшим, если мы имеем в виду одного его брата, и младшим, если имеем в виду его отношение к другому. То же и о форме событий.

Третьей относительностью, а соответственно, и произвольностью, следует считать возможность переворачивания отношения. Не всякая связь обладает этим свойством: имея, например, пару «дядя — племянник», мы не можем поменять их роли на обратные. Но в паре «верх — низ» это вполне возможно. Ибо это условность, что считать верхом, а что низом.

То же присуще и форме. Имея, например, пару событий, из которых одно пребывает, а другое изменчиво, мы можем считать пребывающим произвольно первое либо второе.

Иными словами: за основное может быть принято любое событие.

18

Относительность, а соответственно, и произвольность формы события, ограничивается двояко: практически и теоретически. О практическом мы упоминали: фактор вероятности.

Теоретическое ограничение состоит в следующем: если мы расположим несколько событий по степени их изменчивости, то положение любого события относительно других будет оставаться тем же самым, независимо от того, какое событие мы сочтем основным.

Поясним примером.

Пребывание	Малая изменчивость	Большая изменчивость
A_1	B	C_1
A_2		C_2

Так выглядит схема, если за основное принято событие A . Примем за основное — C_1 или C_2 . Тогда C будут пребывающими, B — малоизменчивым, A — сильноизменчивыми. Но все равно оба A остались в одной и той же категории, также оба C , B занимает среднее положение. Примем за основное B . C станут изменчивыми в одном направлении, A тоже изменчивыми, но в другом направлении.

Но расположение любого события в ряду изменчивости все же осталось неизменным.

Назовем это свойство события, определяющее его положение в ряду событий, построенным по признаку степени изменчивости.

Назовем это неварьирующееся свойство события его степенью.

Важно понять, что степень события глубже его формы: событию можно приписать ту или иную форму, а степень останется та же.

Время

I. Признаки времени: предметность (или изменяемость), порядок (очередность) — совместность (широта, охватимость) или несовместимость — стадии; остальные признаки — тавтология.

II. Отраженное время — всеобщее воображаемое сравнение темпов (аморфное), благодаря включению в связку индивидуальности (временной гребень, «тень забора»).

III. Собственное время — темп изменения (относительное количество стадий), густота событий, степеней кривизны, степень пестроты, мера изменения, коленчатости, количество углов, глотков, цепь ходов, отклонения ритма, количество перемен, различных ступеней, пересечений, поворотов, выборов.

События, пребывающие непрерывно и равномерно (прямая) — не имеют стадий, невременные (собственно);

- “ длящиеся непрерывно и равномерно — “ “ “ “ „
- “ изменяющиеся непрерывно и равномерно — имеют неопределенные стадии по сравнению с прямыми, могут рассматриваться и как временные, и как невременные (собственно);
- “ изменяющиеся непрерывно и неравномерно (кривая последующих степеней) — имеют неопределенные стадии по сравнению с кривыми предшествующего порядка, могут рассматриваться и как временные и как невременные (собственно);
- “ перемена прерывности (коленчатая) — имеют определенные стадии, благодаря пересечению несуществованием переходного качества или качества вообще, временные (собственно).

IV. Собственное изолированное время.

Дление есть то же пребывание (прямая). Так как оно не имеет никаких пересечений, то, само по себе, не имеет и никакой величины (прямая оказывается точкой). С этим связано особое чувство.

Изменение (волна) отличается от длениа (прямой) неоднородностью качества, его кривизной. Так как эта кривизна возникает из сравнения с качеством, принятым за прямую, и, след., относительно (напр., ощущение теплоты), то, само по себе, оно не имеет кривизны: изменение (волна) окажется длением (прямой). С этим связано особое чувство.

Изменение (кривая последующей степени) отличается от изменения (волны) характером неоднородности качества (искривлением кривизны). Так как это искривление возникает из сравнения с изменением предшествующей степени и, в конце концов, с изменением, принятым за волну, и, след., относительно, то, само по себе, оно не имеет искривления: изменение (кривая последующей степени) окажется изменением (волной). С этим связано особое чувство.

I Примечание: Беспорядочное изменение, варьирующее вокруг какого-то определенного изменения (статистическая прямая), легко воспринимается как дление (напр., снегопад). С этим связано особое чувство.

II Примечание: Совпадение изменений темпов легко воспринимается как дление (напр., извозчик и трамвай). С этим связано особое чувство.

Перемена (коленчатое) отличается от изменения тем, что оно прерывно, т. е. пересечено несуществованием переходного качества или вообще какого угодно качества. Так как это несуществование возникает из сравнения с изменением, т. е. с тем, что принято за непрерывное, и, след., относительно, то, само по себе, оно не имеет прерывности: перемена (коленчатое) окажется изменением.

Результат: Относительность отраженного времени: за время принимается только сравниваемое количество колен, углов, стадий, а не сами события между ними.

Относительность собственного времени: оно зависит от сравниваемой неоднородности качества, его кривизны.

Относительность качества (кривизны): оно зависит от сравнения с качеством, принятым за основное.

Относительность правила изменения (искривления): оно зависит от сравнения с изменением, принятым за основное.

Относительность прерывности (коленчатости): оно зависит от сравнения с изменением, принятым за непрерывное, от сравнения существования с несуществованием.

Относительность несуществования и существования: оно зависит от отличимости по отношению к индивидуальности или тому, что принято за основное (положительное качество, отрицательное, нулевое).

Изоляция (взгляд не со стороны, совпадение) уничтожает сравнение и, тем самым, стадии: кривизну, искривление, коленчатость, — время. Так как отклонение имеет степень, то и время имеет степень.

Время не рамка событий, а его содержание.

Длит. при общении.

Растение, его чувство времени.

V. Мгновение — один глоток (физиологически нераздробимый), схваченный ритм, создающий качество.

VI. Отклонение (несовпадение) ритма — волна (созревание, рост) — от мирового ритма (струна, путь, пульс): несправедливость, неохватываемость, трение, толчок, — происходящие от взгляда со стороны.

Таким образом, время сводимо (мысленно и на деле) к отношению мира и индивидуальности, их несовпадению.

VII. Основа времени: формула ритм > темп, симметрия, гармония (душа > рост > изменение > движение). Формула мира — неразвернутый мир.

1. Сначала время кажется всеобщим, одинаковым и несводимым, о нем нечего сказать.
2. Но это время — воображаемое, отраженное. Оно появляется благодаря проецированию и обобщению отдельных темпов, собственного времени.
3. Это проецирование основано на всеобщей перекрестности индивидуальности и на чувстве единства мира (об этом дальше).
4. Собственное время есть временное отношение, количество стадий в элементе.

5. Элементы бывают: пребывающие, длящиеся (прямая) и изменяющиеся (кривая) – непрерывно меняющиеся (изогнутые) и прерывно меняющиеся (коленчатые). Будет ли это по интенсивности или качеству, роли не играет.
6. Пребывающие времени не имеют («колесо горшечника»); время падает на них подобно тени забора.
7. Длящиеся ничем не отличаются от пребывающих; они пока не имеют времени.
8. Изогнутые и коленчатые имеют время, ибо имеют кривизну (стадии).
9. Кривизна – относительный признак; если одно принято прямым, другое получает кривизну, и наоборот.
10. Изогнутость имеет неопределенную кривизну (стадиальность), поэтому само по себе, без перевода в коленчатость, оно не имеет кривизны, времени.
11. Разностный знак – то, что заставляет некоторые элементы получать кривизну по сравнению с другими.
12. <...>

<1930-е>

Приложение

Объяснение времени

Время есть изменение

(кач. или, напр., пластичн. или мозаичн.).

Изменение относительно: кривизна.

Кривизна зависит от двойственного взгляда.

Изоляция дает безвременность.

Ритм и его фигура.

Чувство безвременности.

Несуществование.

Пребывание.

Дление.

Пластичное \sum силовое \sum без нуля (2) } 10
 Мозаичное Δ качеств. Δ с нулем (8)

темперированное состояние

смещение

сценка и исчезновение

1. Результат временности.
2. Обычн. представление времени (и безвременности).
3. Пребывание.
4. Фиктивное время (его основание).
5. Дление.
6. Изменение напряжения.
7. Кривизна (основное и отклонение).
8. Изменение качества.
9. Смена напряжения (включая перемежаемость нулем).
10. Смена качества (" " ").
11. Углы.
12. Темп (конкр. и абстр.).
13. Всеобщий темп.
14. Двойственный взгляд.
15. Направление времени.
16. Ритм и пустота времени.
17. Фигуры.
18. Ощущение.
19. Действит. признаки времени.
20. Несуществование.

I. Миг.

II. Наст. вр.

III. Формула.

Пласт. и мозаичн.

Несуществование.

Уничтожение.

Рост.

Смерть.

1. Стабильность (покой, пребывание) — безвременна.
2. Преобразование относительно и частично произвольно.
3. Поляризация.
4. Стабильность есть совпадение.
5. Преобразование есть отклонение от совпадения.
6. При стабильности имеется внутреннее отклонение (место, качество).
7. Фигура отклонений есть угол случайности.

Время

2. Одинаково и всеохватывающе — нет.
- 3.5. Пребывание и дление безвременны.
4. Они приобретают фикт. время: заимствованное.
4. Заимствованное время — из-за личности единства мира.
7. Время есть изменение.
7. Изменение есть отличие от основного, кривизна, — внешняя и внутренняя.
14. Кривизна появляется при двойном взгляде (сослагат. наклон.)
- 9.10. Непрерывность (пластичность) или прерывность (мозаичность, перемежаемость чем-либо) кривизны относит.
12. Частное и общее заимствованное время.
12. Конкретное и абстрактное время (темп).
- 15.20. Стороны времени: преходящесть, очередность, соотношение, охват, несовместимость).
5. Прямая есть точка. С этим связано особое чувство.
20. Пребывание, дление, ритм (непрерывн. или прерывн., простая или сложная, напряж. или качественная) вне-ритмич. изменение или смена.
11. Время только углы, а не линии между ними.
- 4.14. Изоляция уничтожает сравнение и, тем самым, время.
14. Время, как нарушение прямизны, ритма, т. е. толчок, искажение, несовпадение личности с миром (двойной взгляд).
- I. Относительность мига (перелом личности).
20. Неискаженность — безвременность — несуществование.
- 17.18. Основные ритмич. фигуры и их чувство.

14. Нарушение ритма, т. е. совпадение мира с личностью, т. е. разностижимость мира, т. е. время.
14. Время — когда посторонний взгляд, когда возможность случайности.
- I. Внутримгновенное время — качество, густота событий.
20. Безвременность — несуществование — счастье.
19. Бесконечность, продолжение и бесконечность. Дробимость времени — абстракция, отсутствие дополнит. условий.
17. Волна — основание ритмич. тип времени, молчание, несуществование.
- II. Настоящее время — пока один ритм.
- III. Как формула становится ритмом.
14. Для тех, у кого нет выбора (свободы) нет времени (случайности).
20. Мир в целом — безвременный; почти в целом — река времени.
11. Угол несоответствия.
19. Время не аморфно: струна (индивид.).
19. Время: частное, фиктивное (отраженное), личное, условное, мировое, абстрактное, обыденное.
- I. 20. Время не рамка, а материал мира.
14. Двойной взгляд: личный и мировой (большого и малого миров).
- 16.20. Реально всюду имеется колебание между временем и безвременностью: неоднородность времени, его густота.
- 14.20. Время — мятежность.
- 11.20. Пауза есть пребывание, безвременность, несуществование.
- 14.20. Время — чувство чуждости события, боль вселенной.

<1930-e>

<О преобразованиях>

I.

Происходящие в мире преобразования бывают двух родов. Одни, называемые движениями, характеризуются как временными, так и пространственными признаками. Другие, называемые изменениями, характеризуются только временными признаками. Примером первого рода преобразований могут служить прыжки мяча. Примерами преобразований второго рода служат: нагревание котла, музыкальная пьеса, смена грустного настроения веселым и т.п.

Некоторые полагают, что имеются еще третьего рода преобразования, не протекающие во времени: логические и математические. С этим нельзя согласиться. В тех случаях, когда происходит реальное логическое или математическое действие, это есть временное событие, движение или изменение. Если же дело ограничивается одним утверждением, формулировкой, то содержание такого утверждения выглядит вневременным только потому, что само утверждение неполно, оно есть удобное сокращение: не указано время, т.к. подобные события могут происходить в различные времена, дата нас в

этом случае не интересует. Но, конечно, если бы мы захотели развернуть это утверждение, придать ему реальность, то мы должны были бы включить в него указание на даты. Вневременность или, точнее говоря, безвременность в этих случаях, следовательно, фиктивная. С тем же правом безвременным можно считать что угодно, например, биение сердца. Ведь в самих этих словах «биение сердца» нет указания на дату, на время.

Итак, мы приходим к следующему выводу: все происходящее в мире происходит во времени. Тот, кто хотел бы доказать безвременность мира, должен был бы, по меньшей мере, доказать, что в мире ничего не происходит. Но неизвестно, можно ли это доказать.

2

Доказать, по меньшей мере, что в мире нет никакого преобразования. Мы внесли эту оговорку — по меньшей мере — потому, что вряд ли даже такое доказательство убедило бы всех. Ведь обычное, общее представление о времени приписывает ему некоторую самостоятельность, независимость от преобразований: пустое время, река времени. Время несет из будущего в прошлое, из небытия в небытие события, как река несет плоты или лента транспортера поставленные на нее предметы. Можно их убрать — река будет продолжать течь, лента вращаться.

Верно ли такое представление?

3

В действительности мы никогда не встречаемся со временем, начисто лишенным событий. В глубоком подzemелье, куда не проникает ни свет, ни звук, находится узник. Казалось бы, в этом изолированном

мире не происходит ничего, нет событий. И следовательно, если время течет и тут, то это пустое время. Но нет, это не так. Можно толстым слоем земли изолировать тело человека, но нельзя изолировать его знание и воображение. Остальной волнуемый мир незримо присутствует в подземелье. Да и в самом теле узника происходят события, он принес в подземелье свое преобразование, свое время.

Реальный опыт, следовательно, не может ответить на вопрос о самостоятельности или несамостоятельности времени. Зато на этот вопрос может ответить воображаемый, мысленный опыт.

4

Представим себе, что в мире все, без исключения, остановилось, замерло, застыло, как в сказке о спящей красавице, когда она уколола себе палец. Для того, чтобы не внести незаметно внутренних преобразований, представим, что и мы сами заснули вместе с остальными существами и предметами или, по крайней мере, погрузились в то, словно отсутствующее, состояние, когда человек вперился во что-либо и как бы забылся. Спрашивается: будет ли в этом летаргическом мире течь время?

Чтобы судить об этом, представим себе, что мир вновь проснулся, пришел в движение. Если перерыв будет замечен по каким-либо, хотя бы и косвенным, признакам, то, значит, время не прекращало течь внутри паузы и это было пустое время. Если же таких признаков нет и не может быть, то самое понятие длящегося перерыва событий — понятие фиктивное, пустое время — бессмыслица.

Итак, некто приходит в себя, просыпается вместе со всем миром. Если бы это был обычный сон, он мог бы догадаться о нем и судить о его длительности по перемещению тени, изменению света, исчезновению чувства усталости, особому ощущению, которое оставляет сон после себя, — словом, по внешним или внутренним преобразованиям. Но в этом случае всего этого нет и не может быть. Он не мог бы заметить паузы, и не потому, что у него нет подходящих для этого приборов, а потому, что это принципиально невозможно. Ее не могло бы заметить никакое существо в мире, и никакой предмет не имел бы отпечатка, указывающего на то, что протекло какое-то время.

Короче говоря, — если кто-нибудь все же настаивал бы, что время при паузе было, то на это следовало бы ответить: оно было совершенно так, как если бы его не было, без каких-либо признаков. Но тогда оно оказывается просто словом без содержания, фиктивным понятием.

Так решается вопрос о возможности пустого, существующего само по себе времени.

5

Первый кардинальный факт: самостоятельного времени нет; *источник времени — в событиях, т. е. в преобразованиях.*

6

Прежде чем идти дальше, следует устранить одно недоразумение. Из предыдущего следует, что отсутствие событий должно сопровождаться отсутствием

времени, безвременностью. Между тем, известно, что при отсутствии событий, при скуке время ощущается особенно сильно. Это как будто утверждает существование пустого времени, воспринимаемого вне событий.

На это следует ответить так. Во-первых, отсутствию событий вовсе не всегда соответствует именно скука: чаще ему соответствует сон. Так, птица засыпает, если накрыть клетку темной тканью. Во-вторых, скука наступает и при наличии событий. Так, скучают ученики на уроке, который не соответствует их желаниям. В-третьих, скука и вообще обостренное ощущение времени возникает тогда, когда имеется внутреннее беспокойство, которому нет выхода, например, при ожидании.

Словом, скучают не те, у кого нет интересов, а те, у кого они есть, но из-за неподходящих условий не могут быть реализованы. Так же, как кончают самоубийством обычно не те, у кого нет жадности к жизни, а те, у кого она мучительно сильна, потому что не может быть удовлетворена.

При скуке душа мечется как бабочка, бьющаяся бесплодно о стекло, не понимающая, что же мешает ее свободе. События — внутреннее напряжение и поиски — имеются, поэтому и время есть. Эти события не находят себе отклика во внешней обстановке, оттока внутреннего напряжения не происходит, поэтому время ощущается сильно. Нужных внешних событий не находится, поэтому время и кажется пустым.

7

Разбирая пример — летаргический мир, — мы пользовались двумя словами, которые как будто противопо-

речат друг другу: пауза и безвременность. В самом деле, если пауза не имела никакой длительности, то естественно считать, что вообще паузы не было. Может быть, это и так. Но имеются все же основания сохранить это понятие. Во-первых, переход от преобразования к остановке всех процессов и затем вновь к преобразованию, может быть, все же будет ощущаться как событие, как толчок или щелчок, подобный толчку при переходе поезда с одних рельсов на другие. Пауза, следовательно, будет, но мгновенная. Во-вторых, и это главное, несуществующая или мгновенная пауза, поскольку она рассматривается изнутри летаргического мира, приобретает полную реальность и определенную длительность, если ее рассматривать извне. Для этого достаточно представить, что кроме стабильного мира имеется еще где-то иной, нестабильный мир, откуда астроном наблюдает подверженный летаргическим припадкам мир. Для него паузы не были бы ни безвременными, ни мгновенными, он бы заметил их, и каждая из них имела бы свою особую длительность.

По всему этому мы поступим правильнее, если будем считать, что пауза произошла, но она изнутри мира не может быть охарактеризована временем. Графически ее в таком случае удобнее всего обозначить элементом, не имеющим измерения, точкой.

8

До сих пор речь шла об изменчивом мире, для которого полная стабильность была только эпизодом. Но можно представить себе и такой мир, для которого полная стабильность была бы его единственным и нена-

рушимым состоянием. Совершенно ясно, что сказанное о паузе изменчивого мира в полной мере приложимо ко всему существованию стабильного мира. Графически вся его история должна быть обозначена точкой.

9

Второй кардинальный факт: *пребывающий мир — безвременный.*

10

Можно представить себе, что к стабильному и, следовательно, безвременному миру присоединился изменчивый элемент, например, точильщик со своим вращающимся колесом. Любопытно и достойно внимания, что этот один-единственный изменчивый элемент как бы пересилит все остальные бессчетные стабильные элементы: с его появлением в мире появится время, отсчитываемое оборотами колеса. Стоит остановить колесо, и время исчезнет. Обозначая графически: при наличии хотя бы единственного преобразования история мира уже не может изображаться точкой, а должна изображаться линией, прямой.

Такая безграничная властность преобразования, такое решающее влияние его, доминирование кажется странным. Ведь, по сути, все прежние элементы мира остались такими же стабильными. И все же достаточно привнесения одного преобразования для того, чтобы все они приобрели время, подобно тому, как достаточно одной зажженной свечи для того, чтобы все предметы в комнате, бывшие до того темными, засветились.

В том мире, который мы сейчас рассматривали, имеется время. Кажется, что оно всеобъемлюще, свойственно в одинаковой мере и точильному колесу, и всем другим — стабильным — элементам этого мира, например, скале. Ведь если мы будем глядеть на колесо и на скалу, то мы скажем, что прошло одинаково времени и для того и для той. Отнесемся, однако, с недоверием к этому своему представлению: не выделили ли мы время в нечто самостоятельное, идущее вне и над событиями. А ведь мы уже установили, что время порождается самими событиями.

Действительно, простой мысленный опыт убедит нас в том, что временной характер скалы и временной характер вращающегося колеса различны. Уничтожим скалу — с колесом ничего не произойдет, оно сохранит свой временной характер. Уничтожим колесо — и со скалой, а также со всеми остальными стабильными элементами, со всем миром произойдет превращение: они снова обретут свою исконную безвременность.

Так же точно, если уничтожить или задуть свечу, все предметы в комнате станут вновь темными; если же разрушить всю комнату за исключением свечи, она будет продолжать излучать свет, как будто ничего не случилось.

Это ощущаемое нами непосредственно различие и заставляет нас называть одни вещи покоящимися и неизменными, а другие движущимися и меняющимися.

Преобразования имеют свое, не зависящее от окружения, собственное время; стабильные элементы приобретают время только при наличии преобразований, поэтому такое их время можно назвать отраженным.

12

Ясно, что собственное время является основным, первичным, а отраженное — производным от него, вторичным. Это, однако, не объясняет сути отраженного времени, почему и как оно возникает.

Чтобы ответить на это, произведем следующий мысленный опыт.

Представим себе, что мы начинаем отодвигать точильный круг от остальных предметов стабильного мира. Вот он отодвинулся от остального мира уже настолько, что почти неразличим. Не окажется ли натянутым и искусственным, если мы все еще будем с ним считаться и рассматривать наш мир как имеющий время? Круг ушел еще дальше, мы уже не знаем, существует он или нет. Наконец он перешел далеко за пределы Галактики, он не только не воспринимаем, но и не может быть воспринят. Очевидно, с ним нельзя больше считаться, он и остальной мир не могут быть охвачены одним взглядом, хотя бы умственным. И мир становится вновь безвременным. А где-то, может быть, существует другой, временной мир, состоящий из одного точильного круга.

Очевидно, дело тут не в километрах, а именно в охвате одним взглядом. Но если это так, то точильный круг сам по себе не оказывает никакого влияния на стабильный мир в смысле возникновения в нем времени, отраженное время не является реальным продуктом собственного. Не оно, а мы сами — виновники появления отраженного времени.

Мы поступаем так в целях единообразия. Когда мы смотрим на стабильный элемент раз, другой и говорим — да, это тот же самый элемент, но часом спустя, — то,

приписывая ему подвластность времени, мы, по сути, уравниваем его с изменяющимися элементами, считаем, что и с ним нечто произошло, хотя вложить в это утверждение реальный смысл не в состоянии.

Так, командир давал одну команду и один счет всем солдатам, но, желая, чтобы одни шли вперед, а другие оставались там, где стоят, заставляет последних производить шаг на месте. Вернее, солдаты в действительности стоят спокойно, но он считает, что они шагают на месте.

13

Третий кардинальный факт: *отраженное время — вообразимое; реально только собственное время.*

14

Поскольку приписывание или неприписывание отраженного времени зависит от охвата одним взглядом, нам нет надобности удалять куда-либо изменчивые элементы для того, чтобы остальной мир стал безвременным. Они могут оставаться тут же и все же не проецировать свое время на иные элементы. Не играет также роли, какова будет пропорция между стабильными и нестабильными элементами. Таким образом, все вышесказанное приобретает силу и для нашего реального мира, в котором наряду с изменчивыми элементами имеются и стабильные, хотя бы в некоторых фазах своего существования. Мы уже можем теперь говорить не о мирах, а об отдельных элементах нашего мира: одним из них свойственно время, другим — нет.

15

Четвертый кардинальный факт: *все, что пребывает, — безвременно, т. е. не имеет длительности.*

16

Когда мы говорили о паузе мира, мы уже отмечали, что она, не имея сама по себе никакой длительности, приобретает вполне определенную, длительность, если смотреть на нее извне, из нестабильного мира. То же можно сказать об истории стабильного мира и вообще о всем, что пребывает.

Такая противоречивая характеристика кажется невозможной. Но мы можем привести самый обыденный пример того, как одно и то же явление может представлять в противоположных аспектах. Так, цветное и бесцветное — противоположность. Но черное является бесцветным и, следовательно, бесцветным. Однако, это цвет. И дело тут вовсе не в словесном парадоксе, а глубже. Когда перед нами сплошная чернота, т. е. темно, она колеблется между цветом и его отсутствием: «черно» и «безвидно». В сочетании она становится вполне цветом. Для слепорожденного она всегда только отсутствие, неправильно сказать, что он видит черноту, — он не видит ничего. Особенно показательна эволюция ослепшего: сначала отсутствие светового раздражения воспринимается им как постоянная темнота, а затем это ощущение незаметно переходит в нулевое, он уже не видит этой темноты, как мы не видим ее спиной.

Короче говоря: отсутствие чего-либо, взятое изолированно, есть отсутствие ощущения, признака; но взятое в связи, в контексте оно само становится особым признаком, ощущением.

Возвращаясь к пребыванию: оно нерасчлененно и, значит, не имеет этапов, периодов, фаз, временного измерения. Поэтому и правильно его обозначать точкой. Но если мы припишем ему фазы, пользуясь для этого соседством какого-либо преобразования, то пребывание фиктивно расчленится. В точке появятся различные части, т. е. она станет линией, прямой.

Так дорога, на которую падает тень забора, выглядит полосатой, составленной из отдельных, положенных рядом, полос, и можно сосчитать их количество. Пропадет тень, и окажется, что считать нечего.

Так о человеке, стоящем на месте, можно сказать: он проделал столько-то шагов, если считать, что он шагал на месте. Но на самом деле он не шагал, а стоял, и число потеряет свой смысл.

17

Пятый кардинальный факт: *прямая (отраженное время) тождественна точке (безвременности).*

18

В обычном, не отличающемся ясностью представлении о времени скрываются две совершенно различные тенденции. Первая из них приписывает времени независимость и универсальность. Ее мы отвергли. Вторая утверждает, что различные элементы мира имеют резко различное отношение ко времени. Эту тенденцию развивали и мы.

В самом деле, мы резко разграничили пребывание от преобразований, признавая временную природу последних и отрицая временную природу первого. Но пребывающее — это то, что в общепринятых категори-

ях рассматривается как предмет, а преобразование — то, что считается действием, процессом. Взгляд на временную природу тех и других ясно запечатлен в языке: имена существительные и глаголы. Первые не имеют признака времени, вторые, наоборот, имеют. Нелепо спрашивать: какого времени «стол»? — в нем нет временного признака.

В предшествующем изложении мы оставались, таким образом, в пределах обычного здравого смысла. Но сейчас мы должны двинуться дальше и выйти за его пределы.

Мы должны выставить следующее положение: категория предметности — фиктивна, в мире имеются только процессы. Стол — это тоже процесс, фонтан моторного сопротивления, поддерживающий определенную постоянную фигуру и постоянной силы.

Следовательно, предметность не может служить основанием для безвременности. У нас имеются два выхода: либо вообще отказаться от приписывания безвременности пребыванию, либо найти для этого иное основание взамен предметности.

Первый выход исключен: оттого, что категория предметности рушится, наши изложенные выше опыты и рассуждения не теряют своей силы. Остается другой выход: найти, какая особенность процесса, называемого «стол», заставляет нас признать его пребывающим, в отличие, скажем, от процесса, называемого «мигание света».

Особенность эта в постоянстве или, точнее говоря, в ровности первого процесса. Если бы стол менял, например, свою твердость, его уже нельзя было бы считать пребывающим. Именно потому, что в этом процессе нет внутренних различий, мы можем обо-

значить его прямой, что, как установлено, тождественно точке.

Ровность процесса — вот в чем основание безвременности. Но в таком случае это же основание мы можем найти во многих таких процессах, которым никогда никем не приписывалась предметность и к которым слово «пребывание» обычно не прилагается.

Возьмем, к примеру, температуру и запах. Разве они не присутствовали бы в летаргическом мире, несколько не нарушая его безвременность, — стабильная температура и стабильный запах. Между тем, о них не принято говорить, что они пребывают, скорее, они длятся.

Отсюда легко перейти к свету, звуку, давлению, вообще любому процессу, лишь бы он не имел изменений в силе или в качестве, не обозначался бы искривленной линией. Если бы весь мир состоял из ровного дрящегося звука, это был бы неизменный, безвременный мир. Но то, что относится к воображаемому миру-звуку, относится и к любому частному ровному звуку.

19

Шестой кардинальный факт: *деление тождественно пребыванию, обозначается прямой — точкой, безвременно.*

20

Мы начали с обычного представления, будто время вездесуще. Мы пришли к тому, что реальным временем обладают только одни преобразования. Это как бы жилище времени, крепость, из которой его не выбить.

Однако эта крепость при ближайшем рассмотрении оказывается весьма странной: всегда можно выбрать такой угол зрения, при котором она перестает существовать.

Преобразованиями называются движения и изменения. Начнем с первых.

Представим себе два воздушных шара, находящихся на такой высоте, что земли уже не видно. Любой из них можно произвольно принять за неподвижный, т. е. безвременный, а другой — за движущийся, т. е. временный.

То же относится вообще ко всяким движению и покою. Установление факта движения или неподвижности во всех случаях в принципе произвольно. Мы говорим — в принципе, так как практически на выбор весьма сильно влияет стремление к единообразию. Но суть дела от этого не меняется.

Изложенные здесь мысли не являются новыми, а повторяют то, что уже принято современной наукой. Поэтому задерживаться на них не стоит.

Перейдем от движений к изменениям.

21

Сначала приведем предыдущий пример с шарами в более общий вид.

Имеются два элемента, А и В, каждый из которых не имеет никаких иных свойств, кроме возможности оказываться дальше или ближе к другому элементу и сознавать это. Ясно, что А, приближаясь к В, может с равным правом истолковать это как собственное движение и покой В, или собственный покой и движение В, или обоюдное движение. То же и о В.

Заменим в вышеизложенных условиях возможность двигаться возможностью изменяться, например, температурно. Предположим, А ощущает, что В, воспринимавшееся прежде теплым, воспринимается теперь прохладным. Ясно, что А может истолковать это с равным правом как похолодание В и собственную неизменность, либо как собственное потепление и неизменность В, либо как обоюдное изменение температур. То же и о В.

Заменим температуру давлением. А будет ощущать изменение сопротивления В. А может истолковать это как изменение напора В при собственной стабильности, либо как изменение собственного напора при стабильности В, либо как обоюдное изменение напоров. То же и о В.

Заменим давление световым напряжением. А замечает потускнение В. Остается в силе тройное истолкование.

То же касается и любых иных изменений силы. Понятно, что свобода толкования во всех случаях имеется только в принципе.

22

Седьмой кардинальный факт: *изменение в силе, подобно движению, относительно.*

23

До сих пор мы говорили о силовых изменениях, и наше рассуждение сводилось к следующему: так как величины сил относительноны и определяются из взаимного их сравнения, то изменение этой величины мож-

но приписать любой из сравниваемых сил, приняв другую за неизменную.

В мире существуют, однако, не только силовые изменения, а и качественные, принимаемые всеми за абсолютные.

Но такой взгляд, отрывающий качество от силы, неправилен. Имеются следующие четыре факта, подтверждающие относительность качественных изменений и их однородность с силовыми.

Первый факт. Некоторые изменения можно с одинаковым правом считать силовыми либо качественными: например, температурные. Их относительность несомненна.

Второй факт. При изменении в качестве изменяется и сила. Так, например, если мы переведем лампу из одного цвета в другой, ее яркость изменится. Наоборот, если мы изменим яркость, то изменится и цвет, т. е. качество.

<Сеп. 1930-х?>

Последовательности

1. Последовательности бывают четырех родов:

Преобразования (например, математические действия);

Изменения (например, чувств, запаха или температуры);

Охватывания (сюда относятся: рост, течение, излучение);

Движения (вращение и передвижение волн и тел).

Надо выяснить: чем отличаются одни роды последовательностей от других; как они возникают; сводимы ли одни на другие.

2. Темп.

Сравним преобразование с изменением: шахматную партию, как она запечатлена в записи, с ее разыгрыванием, хотя бы мысленным. Различие ясно: изменение происходит быстро или медленно, оно длительно или кратко, т. е. обозначается временем.

Разберем, в чем заключается измерение временем. Изменение, взятое одно, его не имеет. Оно приобрета-

ет обозначение временем лишь при сравнении с другим изменением: нужны часы. Причем часами может быть любое изменение, охватывание или движение.

Преобразование само по себе не измеримо временем. Однако оно имеет темп. Он появляется при сравнении одного преобразования с другим подобным; например, часами для шахматной партии с одним количеством ходов будет другая партия с другим количеством ходов. Соотношение количеств ходов и будет темпом. Но чтобы сравнение могло состояться, надо, чтобы начальные и конечные ходы обоих преобразований были в каком-то смысле однородными.

В чем же отличие темпа преобразования от темпа (времени) изменения. В том, что возможность сравнения для преобразований ограничена, для изменений безгранична.

Время есть всеобщий темп.

Откуда берется эта всеобщность? Оттого, что последовательность изменения всегда включается в связку последовательностей, называемую индивидуальностью. Это и дает однородность и, следовательно, сравнимость всем изменениям, охватываниям и движениям. Индивидуальность — перекресток последовательностей.

Теперь понятно, почему преобразование никогда не является само по себе, а всегда воплощенным в каком-нибудь изменении. Потому что, включаясь в индивидуальность, оно приобретает всеобщность темпа.

Тут возникают два вопроса. Если преобразование всегда воплощено в изменении, то существует ли оно вообще независимо? И если темп изменения зависит от того сравнения, какое получает изменение в индивидуальности, то можно ли ему придавать значение, независимое от индивидуальности?

Ответ на второй вопрос. В индивидуальности не заметно ничего такого, про что можно сказать: вот это не мир, а индивидуальность. Вернее всего, что индивидуальность — это ограниченный вариант разворота мира. Следовательно, всеобщий темп индивидуальности — это вариант всеобщего темпа мира.

Ответ на первый вопрос. Преобразование существует независимо. Хотя в записи шахматной партии не обозначено время, потребное для ее разыгрывания, и оно может варьировать<ся>, оно все же зависит от этой записи.

Но у нас есть точное ощущение, что изменение, например, температуры, действительно существует, а алгебраическая задача нет. Верно ли это?

Это верно по отношению к примеру, алгебраической задаче, и неверно по отношению к преобразованию вообще. Ибо ведь и изменения не всегда существуют в действительности, а могут воображаться или вспоминаться, мыслиться. Алгебраическая задача — это воображаемое преобразование. Но настоящие преобразования существуют, и для нас они в настоящих изменениях. О тех же преобразованиях, которые, ввиду ограниченности индивидуальности, не доходят до нее в настоящих изменениях, можно догадываться.

3. Величина.

Теперь, после исследования различия между преобразованием и изменением, нетрудно найти отличия охватывания от изменения.

Различие ясно: охватывание, в отличие от изменения, становится слабее или сильнее, больше или меньше, т. е. измеряется величиной.

Но само по себе оно не имеет величины, а приобретает ее лишь из сравнения. Если одно охватывание

обозначается как рост, другое, связанное с ним, как уменьшение. При этом любое охватывание сравнимо с любым другим охватыванием, т. е. все они входят в одну связку.

Изменение тоже имеет величину, т. е. силу (например, звук). Но измерение величиной возможно лишь для подобных друг другу изменений.

И преобразования могут иметь величину; но для них сохраняется то же условие, что и для изменений.

Что же дает охватываниям всеобщность сравнения?

То, что они входят в связку охватываний индивидуальности; эти охватывания могут быть лишь мускульными.

4. Чем отличается движение от охватывания? Тем, что оно происходит в направлении и на расстоянии, т. е. обозначается пространственно. При этом пространственность получается лишь из сравнения; тело движется, это значит, меняется порядок всех сил; поэтому движение и можно всегда приписывать любому из тел совокупности, изменившей порядок.

Но и охватывание может иметь порядок; и изменение и преобразование. Однако этот порядок нельзя еще назвать пространством, т.к. это не всеобщий порядок.

Всеобщность порядка при движениях получается из выбранного индивидуальностью порядка, основанного на зрительно-мускульном соединении.

5. Сводимость.

Таким образом:

Преобразование есть последовательная разность.

Изменение есть преобразование, которое, благодаря включению в связку индивидуальности, приобрело всеобщий темп.

Охватывание есть изменение, которое, благодаря включению в связку индивидуальности, приобрело всеобщую величину, размер.

Движение есть охватывание, которое благодаря включению в индивидуальность приобрело всеобщий порядок, пространственность.

Эти выводы противоречат обычному утверждению, что основным является движение, а остальные виды последовательностей производны или даже фиктивны. Такой взгляд мешал; в частности, мешал исследованию фигур природы, которые не соответствуют нашей геометрии, но соответствуют геометрии охватываний, а также исследованию слов, которые происходят исключительно из охватываний.

Мы, наоборот, считаем, что движение сводимо на охватывание, охватывание на изменение, изменение на преобразование. И следовательно, наше время и наше пространство не что-либо основное, но производны и сложны. Их корень в последовательной разности.

Можно ли свести еще к чему-то последовательную разность, можно ли считать ее и совместную разность вариантами, зависящими от какого-то ракурса, — это требует особого исследования.

<Сер. 1930-х>

<Определенное (качество,
характер изменения, постоянство
или изменяемость)...>

1

Определенное (качество, характер изменения, постоянство или изменяемость) есть чувство закона (в соотношении, связи, сравнении). Но каждый закон есть вместе с тем чувство определенного нарушения другого закона. Так, изменчивое ускорение по отношению к постоянному ускорению; постоянное ускорение по отношению к скорости; скорость по отношению к покою (т. е. несовпадение скоростей по отношению к совпадению). Без этого постоянное (равномерное) изменение или постоянно ускоряющееся, — вообще изменение, имеющее закон, — и не чувствовалось бы как изменение, не было бы изменением.

Составить таблицу нарушений, несовпадений, кривизны.

2

Качество — несовпадение элементов мира друг с другом. Время — несовпадение с их индивидуальностью.

3

Ритм — определенное, закон соотношения. 1. Прямое качество (спектрально чистый цвет), время (гудок сирены), пространство (море, небо, степь), чувство (во сне, в детстве). 2. Волна качества (радуга), времени (камертон), пространства (дорога, купол, дерево), чувства (прощание). 3. Рябь качества (иллюминация, песок, мех), времени (снегопад, фонтан, пена за кораблем, фейерверк), пространства (толпа и город с вышки, парад), чувства (ресторан, вокзал, манифестация). 4. Вариация качества (аккорд), времени (марш), пространства (сад, узор), чувства.

Связано всегда: с ощущением паузы, нереальности, беспредметной задумчивости, цветением и уничтожением (интерференцией, энтропией), особым миром, восхищением (в букв<альном> смысле), головокружением, искусством.

4

Ощущение игрушечного мира; его связь с ритмом, потерей масштабов, совпадением движений, ложным воспоминанием, эротич<еским> чувством.

5

Невообразимая жестокость жизни.

6

Распутывание тела.

7

Душу всегда представляли материальной, особой материей, иначе и не могло быть.

8

Историч<еский> стиль.

9

Система координат — то, что вне математики называется индивидуальностью.

10

Значение чисел: способы расчленения и проецирования.

11

Нравственен или безнравственен рост дерева?
Нравственна или безнравственна история людей?

12

Теория фальш<ивой> ноты.

13

Единств<енная> реальн<ость> жизни; остальное — наблюдение этого извне.

14

То, что одному кажется (есть для него) изменяющимся, другому — неизменным; так же, очевидно, — существующим и несуществующим, как для мира в целом?

15

Есть только разность (качеств, качественная), а сами качества — углы зрения на эту разность (проецирование ее). Качество — проецированная разность.

16

Иерархия разностей: разность разностей и т.д. — пирамида разностей, которой каждый следующий вниз этаж есть разнообразие углов зрения на предыдущий (проецирование его). (Подобно скорости и степени ускорения, рассматриваемым обратно, не от покоя, а от высш<ей> степени ускорения как нулевой.) Время — разностостижимость.

17

Вопрос — изменяется или движется? — это значит: разностостижимо ли только для чувств или и для мускулов? Пространство и есть отношение этих двух разностостижимостей, причем одна из них берется постоянной.

18

То, что не изменяется, — действительно невременное.

19

Все правила относит<ельно> движений должны быть расширены и на изменения.

20

Неправильно говорить: движется по отношению к этому, принятому за неподвижное; нужно говорить: эта пара находится между собой в движении. Первый способ выражения принят потому, что дает самым простым образом измерение движения, математичен.

21

Время — только когда ломается ход (толчок при этом); отсчет изломов, коленчатости — сочленений.

22

Когда-то ко всем словам было такое же отношение, их можно было производить так же разнообразно и свободно, как сейчас только ласкательные формы и уменьшительные имена.

23

Возрасты искусства.

• Эклектизм, рассчитанный на успех; для этого и попытки оригинальности.

24

Время — отклонение (от достижимости).

Время — когда посторонний взгляд.

Время, бесконечная дробь.

Время — угол возможности (могло бы быть и иначе...).

25

Расшифровка Евангелия.

26

Физиологический такт.

27

Внутрилическое пространство, время.

28

Время: периодизация; тогда, когда есть случайность.
Pres. perf.

Четыре стороны времени: порядок (раньше, позже),
периодизация, изменение, уничтожение.

29

Интерес — свойство роста; отношение к тому, за счет
чего или в чем возможен рост (напряжение роста, пре-
одоления сопротивления, чувства).

30

Сопротивление: рассматриваемое извне — рост; рас-
сматриваемое изнутри — чувство.

Рост — волна — отклонение — разность — сопротивление — чувство — существование.

31

Неопределенная надежда, чувство роста; когда она пропадает, тогда — старость.

32

Искусство — вызывание ритмических состояний.

33

Внутренние пейзажи — временные иерогифы — особые состояния (ритмические), состояния искусства.

34

Исторические вспышки.

35

Есть ли звук, цвет и т.п. — свойства самих вещей или только создание глаза, уха под влиянием воздействия волн? И то и другое не верно. Качество есть схваченный ритм волн, разностей. Это ясно чувствуется, когда частота-дрожание переходит в частоту-звук (бывает на площадке трамвая). Таким образом, это не субъективный вымысел и не изолированное свойство вещей, а отношение, качество. Правильнее говорить не звук, а высота или схваченная частота, ритм.

36

Воздействует, очевидно, не длина волн, а их частота, ритм (высота гудка приближающегося паровоза, смещение спектра).

37

Внутри мгновения нет времени: чередование изменений (волн) схвачено как нечто неизменяющееся; потому что схвачен ритм, и он действительно, по крайней мере приблизительно, статистически, неизменен. Почему так нельзя воспринимать час, день? Потому что появляется сравнение с разными другими изменениями.

38

Внутримгновенные ритмы и дают звуки, цвета и другие качества мира. Можно сказать: внутримгновенное время (оно было бы временем, если бы мы успевали его включить в связь сравниваемых изменений, — тут есть предел, зависящий от устройства тела) превращается в качество.

39

Солнечные часы или прилив и отлив дают природный ритм, часы со стрелками — абстрактный ритм, т. е. не совпадающий с жизнью. Поэтому люди, жившие по солнечным часам, чувствовали внутреннюю необходимость жить в этом ритме и меньше ощущали толчки времени об их жизнь, были счастливее.

40

Внутрирмгновенные ритмы дают отличие качества от отсутствия его и диапазон качества; а рассечение диапазона качества (на цвет, тона) мы совершаем сами.

41

Внутри мгновения мы ощущаем не смену волн, а их «формулу».

42

Мгновение — пока не происходит изменения индивидуальности.

43

Мир, как ритм, — был бы невременным.

44

Искусство — иерархия ритмов.

45

«Нести яйца» от нести («класть»), подобно тому, как летать («растягиваться»).

46

Воображаемый гребень времени (результат обобщения процесса включения), неопределенно большое количество (бесконечность времени) его зубцов, и нео-

пределенно большая частота его зубцов (бесконечная дробимость времени).

47

Кинематографическая и пластическая теория времени (прерывистость и непрерывность изменений).

48

Опровергают неизменность, — будто это только видимость. Например, фонтан кажется застывшим, а на самом деле капли все время сменяются. Но форма фонтана, расположение его капель — действительно застывшее.

49

Неизменность и изменение в таком же соотношении, как выпуклое и вогнутое: если смотреть с одной стороны — это выпукло, то вогнуто, если смотреть с другой стороны — наоборот.

50

Конечное или бесконечное только то, что имеет вообще размер; размер же возникает только при включении (в «гребень»); если включение воображается неопределенно продолжающимся, тогда и получается бесконечность. Качество, например, запах среди других запахов, не конечно и не бесконечно, т.к. не имеет в этом отношении размера. Если бы избавиться от представления времени, как гребня, то не было бы ни конечности, ни бесконечности времени.

51

Конечно, равномерным — т. е. основным темпом — можно выбрать и признать какое угодно изменение (темп). Но это только в абстракции, в игре. Действительно же берут то, а не другое. Почему? Говорят: потому что удобнее. Но ведь это удобство не случайно: значит, в мире есть основной темп. Иначе было бы все равно, какой темп признать основным... В этом оправдание «абсолютного времени», реки времени, основного течения мира.

52

Вся наука отвергает бессмертие. Философия, если удастся ее правильно построить, кажется, тоже приведет к этому (игра небытия). Что остается? Остается еще очень узкая область фактов. Эти особые факты настолько противоречат не только науке и философии, но и всякому нашему остальному опыту, что их поэто-му-то и стараются не принимать за факты (не будь этого противоречия, в них, конечно, никто бы не сомневался). Самое странное, что эти факты противоречат и всем человеческим представлениям о бессмертии, какие мы знаем. Между тем, естественным образом их тоже не объяснить.

53

История относительности, да и вообще вся наука, не анализирует времени, а только пользуется им так или иначе, беря за основу обыденное представление времени.

54

Кривизна (изменяемость): изогнутая (непрерывная) и коленчатая (прерывная).

55

Временное отношение: внутреннее (свой темп) и внешнее (начало и конец, т. е. включение в чужой темп; при этом получается и отраженный внутренний темп, воображаемый).

56

Неизменяющееся не имеет внутреннего временного отношения, кроме воображаемого, — тень от забора, делящая дорогу на полосы.

57

Внутримгновенная кривизна (микровременное отношение) дает качество, его отличие от небытия и других качеств; макровременная кривизна — изменение качества.

58

Задача исследования времени: возможна ли обратимость кривых в прямые, и если возможна, то при каких условиях.

59

Если время уподобить основной жидкости, то события будут взвешенными в ней капельками, эмуль-

сия или раствор. Мы можем и не различать отдельных капелек, не считать их (внутривременное отношение), а ощущать густоту раствора. Так, например, мы различаем частую дрожь от более редкой. Таковы и ощущения внутримгновенных событий, высоты звука, цвета и т.д., т. е. качеств.

60

Основа одновременности (и, значит, пространства) — вариантность.

61

Органы чувств — органы восприятия внутримгновенных ритмов.

62

Основная временная фигура — волна, ибо она относительная и к основному качеству, как его нарушение, и к гребню времени (ее изогнутость). Если не считать основное качество прямым, то волна не будет изогнутой. Но остается взаимная кривизна.

Теория волны.

63

Бесконечное не противоположно конечному, имеющему границы. Конечное — это то, что имеет точно определенную границу, локализованную; бесконечное — то, что имеет тоже границу, но ее не удастся указать; два рода бесконечного: когда идет речь о внешних границах (продолжаемость) и когда идет речь о внутренних границах (дробимость).

Противоположно конечному, — в смысле, имеющему границы, т. е. размеры, — безразмерное; но это противоположно и бесконечному.

64

Бесконечное, т. е. неопределенно дробимое и продолжаемое время, абстрактное, математическое время потому кажется нам несомненно реальным, что оно близко к абстрактному физиологическому времени.

65

Материя — столкновение чувств, наблюдаемое извне.

66

Физиологическое ощущение — сформулированная физическая разность.

67

Неизвестный мир (название).

68

Мысль есть поступок, не выходящий за пределы индивидуальности, внутренний поступок.

69

О течении мыслей. Забытая мысль вспоминается по связанному с ней приятному или неприятному чувству, его оттенку, как бы подкладке мысли. Иначе говоря, по настроению, воплощающемуся в этой мысли. Очевидно, это и определяет течение мыслей.

70

Представление о неживом, нечувствующем вторично и не основано ни на чем, кроме наблюдения предметов, то есть наблюдения извне более или менее случайных совокупностей. Живое — то, что существует по своему собственному закону. Мы относим это только к одной области жизни — клеточной. На самом деле только и существует живое, чувство, неживое — совокупности.

71

Характеры или стили мышления: модельно-предметное, по образцу уже готовых, сформулированных нашими органами чувств вещей; словесно-символическое, например, в математике, абстрактно-модельное, обобщение предыдущего стиля, более удобное, но сохраняющее все его коренные ошибки, — его можно назвать послепредметным; и наконец, проекционное, иерархически-образующее, допредметное. В этом и разница: те, собственно, описывают, пользуясь уже имеющимися выражениями, а это создает сами выражения, объясняет. Можно уподобить одно расстановке (вещей), другое — порождению (преломлению, отражению) их.

72

Мир как система aberrаций.

73

Непрерывность — это всего-навсего не прерывность (неперемежаемость другим). Поэтому всегда, во вся-

ком случае, надо ставить вопрос: чем именно (перемежается или не перемежается)? Нет непрерывности или прерывности вообще, т. е. по отношению к пространству или времени, это фикции. Потому что и пространство и время — это не какие-то заполняющие среды, в которых растворены или плавают вещи и события, а отношения вещей и событий между собой. Математическое определение непрерывности (линии) и вместе с тем ее сплошной бесконечной точечности оттого и нелепо. На самом деле его следует понимать только в таком смысле: процесс (или линия) может быть в одном отношении непрерывен, а в другом — прерывен (как именно, мы не устанавливаем, ибо берем в математике не отдельный случай, а общее утверждение); поэтому мы можем рассматривать его произвольно, и так и так, как когда нам удобнее. Но, конечно, не зараз непрерывной (сплошная линия) и прерывной (точечность), как это говорится в математике.

74

Математика, точно птоломеевская система: сложна, остроумна, правильно отвечает на все вопросы, в основе какая-то насильственность.

75

Половое влечение — это стремление к деиндивидуализации, стремление избавиться от аберрации индивидуальности. Поэтому: 1) оно глубже и существует уже до разделения на полы; 2) существует только один пол — женский (мужской — редуцированный, специализированный, вроде, например, рабочей пчелы или трутня у

пчел); 3) половое чувство — это просто чувство; 4) половые органы — это просто органы (неспециализировавшиеся; поэтому низшие, в особенности морские, животные чем-то неприличны).

76

Вначале было чувство, слово (мысль), дело (поступок). — в конце концов, все это одно и то же.

77

Если бы родился, скажем, в Китае, или просто тут же, но на пять лет позже, я бы себя даже не узнал, был бы совсем иным. Это — страшно.

78

Есть индивидуальная упругость, особая живая влажность — внутренний рост. Она и влечет и восхищает, создает основу тяготения полов. В этом же отличие живого цветка от нечувствующего, бумажного.

79

Одно из самых страшных возражений против бессмертия — то спокойное истлевание личности, которое видно даже на глаз, то падение желания бессмертия, которое настает в старости.

80

У женщин более обтекаемая форма, чем у мужчин.

81

В отношении к цветам, маленьким животным, детям — умиление перед фактом жизни, ее изяществом. То же есть и по отношению к женщине.

82

Никто никогда не жил ни для себя, ни для других, а все жили для трепета.

83

Движение — изменение в положении и расстоянии до остальных вещей. Всякую вещь можно рассматривать либо как совокупность элементов, точек (фигуру); либо как цельную (точку), как хотим. При вращении цельная вещь (точка) остается в том же самом положении и на том же расстоянии от других вещей, что было; следовательно, это не движение.

84

Под обтекаемостью подразумевается обычно наименьшая задерживаемость — при определенном по направлению и скорости движении — средой, зависящая от очертания, формы предмета: то есть геометрическое соответствие предмета окружающей его среде, стихии.

Это определение годно только для механики, для движения твердых тел, это техническая обтекаемость.

Вообще же по-настоящему обтекаемость охватывает гораздо большую область. Не только по очертанию, но

и по консистенции, по пластичности и упругости. Не только по отношению к внешней среде, но и по отношению к самой ткани тела, к его внутреннему строению. Не только в условиях одного определенного движения, но для всех возможных для этого тела движений, изменений, состояний в среде.

Тогда обтекаемость будет: соответствие тела, индивидуальности окружающей стихии, миру.

85

Мыслительная работа состоит, конечно, не в создании суждений (это — результат), а в том, чтобы разобратся, «что к чему»; тогда и появятся суждения. Разобратся, ощупать, установить нужное положение, это составляет и суть физической работы, как мускульной, так и органов чувств. Только в физической это доводится до практического конца. Но дело в одном и том же, например, когда учишься плавать, открываешь, совсем не рассуждая, правильное, хотя и необычное положение тела в воде, или когда открываешь, разрешаешь задачу, — дело в аккомодации.

86

Синкопа — обрыв, ощущение падения в пропасть, фальшивая нота; т. е. выход из определенного ритма в возможный более широкий и сейчас же возвращение в прежний. В этом есть прелесть, пикантность, притягательность. Это игра с чудовищностью, сквозь индивидуальность просвечивает вдруг стихия и подчиняется индивидуальности. Этим притягивает женщина физиологически и психически («Reiz».).

87

Стихия становится чудовищной, когда у нее отращает головка, индивидуальность. Иногда она может быть отвратительна, ужасна, притягательна и приятна. (Пример: самка термитов.)

88

Время не есть мера или счет движения, как пишет Аристотель, это очень неточно. Правильнее: время есть степень (сравнение) изменчивости, пестроты мира. Но как представить изменчивость вне, до временной линейки, гребешка? Это и есть неразрешенная задача о природе времени, его сводимости. А без этого всякое определение ни к чему, только намек, т. к., в конце концов, тавтологично.

89

Погрузиться в мировой кисель.

90

Одновременность значит совместность; разновременность (последовательность) значит несовместимость.

91

«... был так погружен, что не заметил, как прошло время». Почему? Потому что был целиком погружен в один ритм. Когда же частично в одном ритме, а частично в другом, тогда и есть время. Значит, сам по себе ритм не имеет временного отношения.

92

Время — несоответствие ритмов.

93

Настоящим временем является то, которое охватено одним ритмом, одной формулой. Это ответ на вопрос, что считать мгновением, как долго оно может длиться. Обычное мгновение — то, что непременно (внешними чувствами) охватывается одним ритмом, одной формулой, иначе не может быть воспринято.

94

Формула цветка — его структура, принцип ее (симметрия лепестков). Если же мы смотрим на них в их последовательности, это будет темп, так как будет не совместно, а последовательно, во времени.

95

Можно ли свести ритм к формуле, как формула становится ритмом, почему, — это и есть вопрос: что такое время, т. е. что такое изменение (вернее, даже не изменение, а та разность, при которой одно из двух, сравниваемых между собой, принимается за изменение).

96

Объяснение искусства возможно только после объяснения времени (т.к. ключ к ним — ритм).

97

Цветок потому имеет формулу, что в нем нет случайности.

98

Симметрия — это ритм в пространстве. Темп — ритм во времени.

99

Фигура дерева — рисунок взрыва. Поэтому в нем нет случайности.

100

Говоря просто: для тех, у кого нет выбора (свободы воли), для тех нет и времени, ибо нет случайности.

101

Причина обычного неправильного представления о строении мира, его чертеже заключается в том, что обведение уже имеющихся мнений — процесс вторичный и более поверхностный, — нам привычнее, чем проведение, прокладывание линий, и мы невольно подменяем одно другим, принимаем мир уже готовым.

102

Нельзя говорить «существует», «не существует», а надо говорить «существует по отношению к тому-то» и «не существует по отношению к тому-то». Эта относительность существования кажется на первый взгляд

чем-то странным и неправдоподобным. Можно, однако, привести простой пример: $t\ 36^\circ$ не существует для нас и существует для тех, кто имеет большую или меньшую температуры.

На это возразят: здесь речь о восприятии, о субъективном, а не о существовании, объективном. Физически, как движение частиц, $t\ 36^\circ$ не перестанет существовать и в том случае, когда у нас $t\ 36^\circ$.

Это возражение неверно. Ведь не случайно не воспринимается, а потому что нет разницы в частоте движения частиц между одним телом и другим.

Снова возразят: но все же, хотя и нет разницы, ведь есть движение, его частота.

Но и это неверно. Потому что и движение и частота относительны. И если мы их уловим каким-либо прибором, а нашим прибором — телом — не улавливаем, то именно потому, что по отношению к нам не будет ни движения, ни частоты, т. е. действительно не будет температуры. А по отношению к другому телу может быть.

То же самое и со светом; при какой-то соответствующей волне его не будет.

Вот почему «существовать» — значит «отличаться».

Где граница между своим телом и окружающим миром? Там, где начинается чужое — мир. И, — как вторичное, — остальное: свое тело. Но признаки чуждости могут быть различными. Например: чужое движение, т. е. не подчиняющееся мне; или чужая температура, несовпадающая; или еще что-либо другое.

Для нас таким признаком является, очевидно, движение. Все, что движется обычно по моей воле, все эти совместно движущиеся элементы и составляют мое тело.

Может показаться, что таким признаком своего для нас является чувствительность, боль. Это не так. Чувствительность локализуется постепенно и именно по имеющемуся уже признаку тела и его отдельных частей, это процесс вторичный. Если бы прирастить к какой-нибудь части тела палку или кольцо, то, наверное, можно было бы локализовать боль и на них. И наоборот, там, где нет расчлененного движения (напр., внутренности, зубы), там нет и расчленения, локализации боли. От этого и бывает, что болит, а где болит, указать невозможно. От этого не локализованы также «общее самочувствие», «настроение» и т.п.

Но если для нас граница тела и мира определяется границей чуждых и своих движений, то ведь для существ других она может определяться другим признаком. И безусловно она будет проходить иначе для существ неподвижных, или движущихся только пассивно, или движущихся в такой среде, где не может быть построена координатная сетка и, следовательно, не может быть ориентации (в жидкости).

Мы-то, глядя на них, будем считать: вот их тело. А для них самих их тело будет иметь иные границы.

Вот почему, если дерево чувствует, то для него его тело, наверное, совпадает с миром.

Мир в целом не имеет времени, ибо он — изолированная система, один ритм. Но это, собственно, непредставимый мир, ибо, представляя, мы смотрим уже посторонним взглядом, нарушаем изолированность. И этот «мир почти в целом» уже будет иметь время, свое, отличное от всякого частного, главное время — «река времени». Поэтому-то, хотя, говоря абстрактно,

можно было бы взять любое изменение за основное (например, свой пульс или падение камня), на самом деле право на это имеет только одно — «мировой ритм», который мы приблизительно улавливаем.

Изречение Магомета «время стоит, вы движетесь» правильно в том смысле, что мировой ритм не имеет стадий, он не изменение, не временен, а становится таким только по отношению к не совпадающему с ним индивидуальному ритму.

105

К абстрактной, математической, потенциальной относительности всегда имеется избирательная, реализующая, ограничительная поправка, происхождение которой коренится опять-таки в относительности, но предшествующего, более глубокого порядка.

Улицы и реки. Мигание несуществования. Тела и осколки тел. Рост (ритм) и причинность.

106

Открытие должно быть плодотворным; это значит, оно должно содержать в себе новую точку зрения, давать новый технический способ исследования и указывать новые факты.

107

Распутывание тела: познай самого себя — *tat tva asi* — в царстве небесном не женятся и не выходят замуж.

108

Варфоломеевская ночь. Психологический нокаут, подсказанный эпохой.

109

Искусство отличается от природных ритмических состояний тем, что оно создает иероглифы.

110

Вопрос о чужой одушевленности нужно решать не так, как он ставится обычно, а с другого конца. То, что мы считаем, что имеются живые существа и кроме нас самих, в этом ничего удивительного нет, это — первичное. Ведь мы замечаем в мире события, протекающие помимо нашего желания, по своему самостоятельному закону, заложенному в них. А уже по своему опыту мы знаем, что столкновение самостоятельного закона с внешними препятствиями и есть чувство, одушевленность. Неодушевленность есть несамостоятельность, и мы принимаем за это такие события, которые на поверку оказываются не вызванными самостоятельным законом. Это — накапливаемые исключения, вторичное знание. Схема: «если не мое, то, значит, кого-то другого», — «но и не кого-то другого, значит, ничье, неодушевленное».

111

Объяснение чувств (название).

112

Щекотка — почти не угрожающая потеря ориентации в лабиринте чувствительности тела, вызывающая легкое всеобщее сопротивление тела (судорога смеха).

Поэтому: в чувствительных, имеющих малый опыт касания, складчатых областях тела; легкое прикосновение чуждой силы; быстро и беспорядочно меняющее направление; безопасное и безболезненное; при высоте общей чувствительности, возбудимости; и сама повышает общую чувствительность (поэтому прокладывает путь секс-возбуждению).

113

Все практические задачи выражаются в виде заколдованного круга, теоретические — в виде уравнения с двумя неизвестными.

114

Мы не достигли и не достигнем великих результатов не потому, что у нас нет для этого данных, а потому, что достижение их осуществимо только тогда, когда оно является единственной страстью, для нас же оно не является страстью и не может быть единственным.

115

Нелепо было бы думать, что принцип относительности — физический. Но только в физике он осознан до конца.

116

Закон Вебера—Фехнера есть следствие принципа относительности. Так как это не было понято, то формулировка его малоудачна.

117

Я думал о том, нельзя ли считать за нулевую скорость — скорость света, все же остальные за отрицательные.

118

· Сводящая с ума плавность линий. Действительно, она может довести до исступления, до умиления, до во-сторга.

119

Все-таки это было бы стоящим делом: объяснить видимую картину мира, проследить, ощутить ее от семени, от ростка до распускания.

120

Эстетическое лечение.

121

«Точка — прямая».

122

Угол несоответствия.

123

Если ощущение есть схваченный ритм (темп), то оно должно меняться при замедлении или ускорении остальных внутрителесных темпов, т.к. все они соотносительны.

124

Полное собрание как очищенная биография; можно узнать линии жизни, были ли они закончены или обрезаны, законы их траекторий.

125

Написать о «Слове о полку Игореве».

126

При любом усилии участвует все тело.

127

Результат всегда больше того, какой может быть предвиден. Это и есть судьба.

128

Сопоставить числа: начала слияния зрительных впечатлений и начала ощущения дрожи как звука: не в одном и том ли тут дело — во внутримгновенном глоссандо.

129

Ход рыбы вверх по реке при нересте и повышение тона гудка паровоза при его приближении — не одна ли тут причина?

<Сер. 1930-х>

Строение качеств

I

Под словом «качества» подразумеваются те непосредственные сведения о мире, которые дает нам наше тело. Качествами зову я их, если рассматриваю извне; ощущениями, если рассматриваю изнутри.

Удивительно, как мало изучены до сих пор качества. Физики и физиологи определяют сопутствующие качествам явления, те условия, при которых они возникают. Но сейчас качества, их отношения и строение, их суть не исследованы.

Объясняется это тремя обстоятельствами.

Первое. Считается, что качества являются чем-то первичным и неразложимым. Они, правда, находятся в некотором отношении между собой; так, например, одни цвета отличаются от других в большей или меньшей степени. Но и это отношение не может служить нитью, чтобы выделить из качеств что-то общее, связующее, так сказать, их подкладку. Качества различны просто потому, что их много и каждое имеет свой необъяснимый характер. Они даны нам такие, какие есть, и больше тут ничего нельзя сказать.

Это положение назовем: первичность качеств.

Второе. Считается, что качества являются чем-то вполне специфичным, ничему другому в мире не подобным и ни на что не сводимым. Качества, правда, связаны с различными колебаниями, волнами такой-то длины и частоты. Но связь эта никак не объясняет качества: ощущение звука или цвета ни в какой мере не подобны отсчету и измерению волн. Считать ли качество чем-то субъективным, действительно присущим миру, все равно оно остается оторванным от всех остальных, даже сопутствующих ему, явлений, остается необъяснимым.

Это положение назовем: своеобразие качеств.

Третье. Считается, что качества не имеют никакой структуры, они аморфны; они — содержание, заполняющее форму, подобно тому, как в тетради для раскрашивания имеется уже готовый рисунок и краски кладутся на предуготовленные им пустые места; краски не несут в себе никакого чертежа, он уже готов, и раскрашивание никак не влияет на него; раскрашивание и рисование не связаны тут друг с другом.

Это положение назовем: бесструктурность качеств.

Первичность, своеобразие, бесструктурность заставляют нас признать качества чем-то абсолютным, несводимым ни на что, необъяснимым.

II

Неверно, что качества являются чем-то первичным. Это ошибка, проистекающая из забвения возникновения качеств.

Я хочу сказать: не потому имеется между качествами, например между цветами, различие, что их много

и каждое из них имеет свой особый характер; наоборот, потому-то их много и каждое из них имеет свой характер, что имеется различие, целая иерархия различий, вызвавшая распадение качества вообще, например, света, на множество частных качеств, например, цветов.

Некоторые примеры и уподобления пояснят эту мысль.

Представим себе, что дерево в начале своего роста расщепилось и этот расщеп вызвал затем разделение его на два ствола. Если теперь кто-нибудь взглянет на это дерево, причем основание его будет укрыто от взгляда, то, очевидно, каждый ствол будет принят им за отдельное дерево. Почему, — спросят его, — между этими двумя стволами имеется расстояние? — Да просто потому, — ответит он, — что это два разных дерева, само собой понятно, что они отделены друг от друга. Но ответ этот будет неправилен, верным был бы обратный ответ.

Представим себе, что мы провели по ровной земле или берегу бороздку. Получается два берега, два возвышения по бокам бороздки. Если бы затем сюда пришло какое-нибудь крохотное существо, оно бы приняло возвышение за горы. И оно было бы уверено, что горы эти образовались сами по себе, это — первичное, а углубление между ними — нечто вторичное, промежуток между горами.

Каждому понятно, что правое и левое не существует само по себе или одно без другого. Мы проводим воображаемую линию нашего движения вперед, все повороты от нее в одну сторону будут поворотами направо, все повороты в другую сторону — налево. Если изменить направление линии движения, переместят-

ся и правая и левая стороны: ведь они самостоятельно не существуют, они как бы две тени, отбрасываемые избранным нами движением.

Но представим себе существо, которое было бы лишено выбора направления: оно, скажем, могло бы двигаться только по рельсам, всегда вперед. Для него правое и левое было бы чем-то первичным, навек незыблемым. Оно бы не догадалось, что правое и левое — всего-навсего результат произвольного рассечения пространства.

То же самое и с качествами.

Вместо положения о первичности качеств и вопреки ему, мы сформулируем следующие положения:

(I). Качества образуются последовательным расщеплением.

(II). Это расщепление в некоторой степени произвольно.

(III). Качества соотносительны друг другу.

(IV). Качества располагаются по некоторой иерархии или генеалогии.

III

Не верно, что качества являются чем-то совершенно своеобразным, оторванным от остальных явлений в мире, субъективным. Это ошибка, проистекающая из недоступности для нас амплитуды качеств целиком.

Действительно, очень трудно представить себе, чтобы, например, ощущение цвета было бы всего-навсего (именно — не вызывалось, а было бы) отсчетом волн. Это представить почти невозможно. Но ведь в этом примере, не надо забывать, есть одна привходящая трудность, которую почти никогда не принимают во

внимание: мы сравниваем здесь известное (цвет) с неизвестным (отсчет волн). Никто ведь никогда не подсчитывал непосредственно световые волны, всегда это производилось косвенным способом. И поэтому судить об отличии отсчета волн от ощущения цвета мы, собственно говоря, не можем.

К сожалению, эта привходящая трудность присутствует почти во всех примерах. Все наши ощущения начинаются с очень больших количеств (колебаний, или ударов, или частиц), а небольшие количества мы совершенно не воспринимаем и отсчитывать не можем. Отсчет имеет место в очень узкой, особой области, отделенной пропастью от ощущений.

Однако все же мы можем подыскать нужный пример, если воспользуемся комбинацией двух различных ощущений.

Бывает так, например, на заводе или на площадке трамвая или поезда, что удары машины передаются нашему телу через пол. И в этом случае можно наблюдать очень любопытное явление.

Пока удары редки, мы ощущаем их мускульным чувством, мы их отсчитываем один за другим отдельно, так, как мы, например, отсчитываем редких встречных прохожих на глухой улице. Но вот удары участились. Мы уже не различаем каждый в отдельности. Мы ощущаем не удары, а слитную дрожь, вибрацию. И все же, не улавливая удары в отдельности, мы можем судить об их частоте. Только теперь мы судим о частоте ударов уже не отсчетом их, — каждого в отдельности, — мы ухватываем их частоту, заключая ее в форму ритма. Так, например, судим мы о многолюдности зрителей в театре, — никто не считает их, а просто определяет приблизительно отношение занятых и не занятых мест, их чередование, статистический ритм, — или о густоте

эмульсии, — количестве взвешенных частиц в жидкости, — или о крепости раствора.

Этот ритм ударов во времени, эта схваченная нашим телом форма и есть особое ощущение дрожи или вибрации. Можно сказать, что этот ритм — внутримгновенный, ибо за кратчайший доступный нашему телу промежуток времени, за мгновение, совершается столько ударов, что их в отдельности нам не уловить, охватывается только их ритм внутри мгновения.

Но вот дрожь еще учащается и происходит новое переоплощение: дрожь, ощущаемая мускулами, переходит в очень низкий звук, в гудение. Это происходит так постепенно, что существует такой период, когда мы не можем даже сказать точно: ощущаем ли мы дрожь или звук.

Здесь мускульное чувство так удачно восполняет недостающие стадии звукового ощущения, что переход ясен: от отдельного отсчета к сложному и внутримгновенному статистическому ритму, к звуковому качеству.

К сожалению, остальные качества, начинающиеся с больших частей, не имеют такого восполнения. Но если мы для одного качества нашли объясняющий его механизм, то с полным основанием можем считать, что и другие качества имеют подобный же механизм.

Вместо положения о своеобразии и субъективности качеств, вопреки ему, мы сформулируем следующие положения:

(V). Качество объективно.

(VI). Качество есть схваченный нашим телом внутримгновенный ритм.

Таким образом закончим мы давний спор о том, каким способом познает наше тело (органы чувств) окружающий мир и насколько сведения, даваемые им, достоверны.

IV

Неверно, что качества бесструктурны. Это ошибка, проистекающая из преувеличенного значения, которое мы придаем предметности и пространственности мира.

Согласно обычному воззрению, предметы существуют сами по себе в пространстве, которое тоже существует само по себе; качества же не существуют и не могут существовать сами по себе: они — всего-навсего свойства предметов, как бы их отблеск, и распространяющиеся в пространстве. Не будь предметов и пространства, не было бы и их.

Таково обычное и кажущееся нам поэтому естественным и непосредственным воззрение. Но разве оно действительно непосредственно? Оно основано на самом деле на целом ряде незамечаемых нами догадок, оно результат сложной интерпретации.

Ведь в действительности никто никогда не воспринимал предметов — носителей качеств, а замечал всегда только одни качества, их комбинации. И никто никогда не воспринимал пространства, а только ощущал мускульные усилия и утомление, и опять-таки разнообразные комбинации качеств, которые и подали повод к определенной сортировке предметов по их достижимости для нас, к тому их порядку, который мы называем пространством.

В качестве заключено нечто, потребовавшее от нас создания предметно-пространственной интерпретации мира. И, следовательно, именно в качествах и скрыт основной структурный принцип, порождающий все строение, весь рисунок мира.

Этот основной структурный принцип состоит в том, что все без исключения качества имеют интенсивность

и при том интенсивность их варьируется в зависимости от наших мускульных усилий: при одном усилии (которое мы зовем «приближением») она растет, при другом (которое мы зовем «отдалением») убывает.

Эту варьирующую интенсивность качеств мы назовем сопротивлением. А законы варьирования, особые для каждого качества, назовем: кривые сопротивления.

Хотя для каждого качества (точнее, разряда качеств) имеется своя особая кривая сопротивления, все же между всеми этими кривыми есть некоторое подобие, которое позволяет построить или, быть может, угадать воображаемую общую основную кривую сопротивления. Эта общая кривая сопротивления и есть то, что мы называем пространством, а их исходные и максимальные пункты, их, так сказать, вершины сопротивления — то, что мы называем предметами.

О том, как именно из кривых сопротивления создается пространственно-предметная структура мира, будет сказано особо.

Пока же, вместо положения о бесструктурности и аморфности качеств, вопреки ему, мы можем сформулировать следующие положения:

(VII). Качество является основой структурности мира.

(VIII). Структурность качества выражена в его кривой сопротивления.

(IX). Общая для всех кривых выделяется как основная кривая сопротивления.

(X). Выделение этой основной кривой в некоторой степени произвольно.

(XI). Отнесение всех кривых сопротивления к основной кривой является созданием.

(XII). Отнесение вершин сопротивления к основной кривой является созданием предметности.

Качество есть внутримгновенный рост, схваченный в некотором диапазоне.

Система качеств образуется последовательным, до некоторой степени произвольным расщеплением, дающим соотносительные качества разной иерархии.

Кривые интенсивности качеств являются основой пространственности и предметности.

Т

Внутримгновенный ритм: неволновой, статистический, разностный (по Т тела).

Характеристика: пассивное, свойственное и телу.

Объекты:

природные — непрерывный, небольшой диапазон (благодаря его вторичности), обычно с неопределенной кривой или кривой по С'.

искусственные — расширяют и разрывают диапазон (включают первичный), часто с кривой по С.

Измерения: три — интенсивность, высота (двухтонная с обратными знаками) и иногда распределенная (локализация); благодаря непрерывности интенсивности и ее интерференции при разной высоте Т, она зачитывается только как знак интенсивности, положительный или отрицательный; благодаря же неполноте локализации и ее обычной пропорциональности количеству Т, она также не зачитывается отдельно от интенсивности; таким образом, вместо трех измерений образуется одно — по интенсивности (и фактурности).

Интенсивность: частота ритма, напор, отчасти продолжительность и количество Т.

Пределы интенсивности: от нуля до боли (два совпадающих болевых).

Диапазон характеристики: непрерывный, расщепленный надвое (по **T** тела); циклов нет.

Иерархия: намечается вторичное расщепление (околонулевое, обжигающее, холодное, прохладное, теплое, горячее); оно не проявлено и неустойчиво, так как диапазон непрерывен и нет природных ступеней.

Сочетание характеристик: интерференция, за исключением отчасти локализации.

Нуль: в середине, неустойчив, как и вообще весь диапазон, из-за отношения к **T** тела.

Пределы диапазона характеристики: меньше диапазона интенсивности.

Кривые сопротивления: неопределенная; по **C** (приближению); по **C'** (прикосновению).

Ориентация: есть при локализации на теле, нет при отсутствии локализации.

Локализация: по возможному **C'** (и связанному с ним интерференцией **T**) к коже; поэтому при изменении **T** внутри тела локализации почти нет.

Проецирование: неопределенное либо общетелесное при неопределенной кривой, а также при отсутствии локализации и, значит, ориентации; на кожу и, отчасти, на предмет (т. е. на максимум **T** по **СС'Ц**) при кривой **C**; на предмет при кривой **C'**; при предельных интенсивностях **T**, ввиду наличия боли, локализация, если она имеется, возрастает и поэтому возрастает проецирование на кожу; ввиду разнообразия кривых, слабости кривой **C** и непостоянной ориентации — проецирование на предмет слабо.

Изолированное проецирование

T и **C** сливаются иногда в одно; иногда не отличимы друг от друга (прикосновение газеткой к затылку

или тепло от спички, точечная боль от ожога или от укола); иногда влияют друг на друга (холодные гири кажутся тяжелее теплых). Парадоксальные Т при резких различиях Т. Различные участки кожи имеют различную Т. Неразличимость Т воздуха (кроме крайней). Ощущение Т через расширение или сжатие сосудов: Т воздуха; при алкоголе, малокровии, лихорадке — ошибочное. Холод дифференцируется лучше, чем тепло.

Следует различать Т локализованную (кожную) от общей Т самочувствия; Т, вызываемую Т воздействием, от Т, вызываемой раздражением облочков тела.

3

Внутримгновенный ритм: волновой (пульсация тел или среды).

Характеристика: пассивный, главным образом, внешнего мира.

Объекты:

природные — качественно прерывные, первичные (разнообразные шумы и сложные тона), иногда с неопределенной кривой, частью с кривой по С, почти никогда с кривой по С',

искусственные — качественно непрерывные, очищенные (тона) с кривой по С.

Измерения: три — интенсивность (громкость), высота, тембр (и фактурность).

Интенсивность: количество и отчасти продолжительность.

Сочетание интенсивностей: сложение, интерференция.

Диапазон интенсивности: от нуля до боли.

Высота: частота единичного ритма и напор (дифракция).

Расщепление высоты: рассечение на циклы (октавы) по кратности частоты (выбор опорного тона произволен) с дальнейшим произвольным внутрицикловым рассечением (гамма). Европейская гамма строилась вначале на таком семитонном делении, при котором имеется наибольшее количество ритмических отношений между разными тонами; для возможности смены опорного тона пришлось бы ввести очень подробное дальнейшее рассечение; оно было выполнено только на небольшую часть: там, где новое рассечение было близко к старому, оставили старое; затем эту упрощающую приближительность перенесли на все сечения, получилась гамма с равноотстоящими тонами; при этом получается всегда нарушенное ритмическое отношение тонов, но принимается оно за правильное.

Сочетание высот: интерференция, или слияние при возможности установить групповой ритм, или несмешиваемость или тембр. Консонанс — групповой ритм частоты тонов, диссонанс — консонанс, испорченный интерференцией интенсивности (30–70-х).

Диапазон высоты: гораздо меньше диапазона интенсивности (низкие тона переходят в С-пульсацию, высокие — в режущий свист; в средних октавах наименьшая ощущаемая разность высот — 0,2 колебания в секунду, в высших октавах — 1000 колебаний в секунду).

Тембр: групповой ритм (т. е. нарушение основного ритма — ритмическое (тон) или неритмическое (шум)). Тембр зависит от количества тонов в группе, их высоты и интенсивности. Поэтому количество возможных тембров бесконечно и между су-

шествующими разнообразными тембрами переходы можно установить только изредка. Так как природные звуки имеют сложный тембр (октавные тона и шумы, между ними нет точной границы) и к тому же тембр характернее для звука, чем его высота, то диапазон природных звуков по качеству разорван. Специфические неприятные звуки (ногтем по стене, ножом по стеклу, мелом по доске) — такие, где не только нарушен групповой ритм частот (шум), но еще и ритм интенсивности (дрожание ее). Диапазон тембров шире диапазона высот и почти совпадает с диапазоном интенсивности. Расщеплен этот диапазон неравномерно и неустойчиво. Сочетание тембров дает новый тембр или несмешиваемость. Совершенно чистых тонов вообще нет, но искусственные чище природных.

Иерархия: первоначальная интенсивность (давление — количество, частота, напор, продолжительность) расщепляется на интенсивность (количество, напор и отчасти продолжительность) и первоначальный тембр (частоту). Первоначальный тембр расщепляется на несколько тонов тембра и высоту внутри однотипных тембров (частоту основных тонов). Высота расщепляется на тона. Музыка целиком исчерпывается двумя принципами: высотой и частотой (которая многократно перевоплощается): частота основного тона, группового тона, последовательности или совместности тонов однотипной групповой частоты, последовательность или совместность групповых тонов разнотипной групповой частоты. Расщепление интенсивности соотносительно: сильный звук после слабого кажется сильнее.

Расщепление высоты соотносительно: высокий (слабый) звук после низкого (слабого) кажется выше. Очень высокие звуки уже не имеют высоты, а только тембр: «рябь», при которой уже нельзя схватить ритма, «внутриимпульсное головокружение». Они «режущие», точно так же, как становится «режущей» серия сливающихся ударов (звонков). При большом ослаблении звук теряет сначала высоту, потом тембр, наконец интенсивность (соответственно иерархии). Достаточно двух-трех колебаний, чтобы схватить ритм.

Нулевое сопротивление: неопределенная и по С' (очень редко); по С (главная).

Ориентация: благодаря возможности поворота и парности (кажется, что одно ухо слышит сильнее, на самом деле, оно слышит прежде), очень приближительная, по СС'Ц (чревовещание).

Локализация: отсутствует.

Проецирование: на предмет (благодаря тому, что главная кривая С, а тело не имеет постоянного З); слабо (например, возможно чревовещание) из-за разнообразия кривых и приближительности ориентации.

Изолированное проецирование:

внутрителесные звуки

внутриушные звуки

фактурность звука

В музыке нет ничего, кроме ритмов (темпов и симметрий), как и вообще в мире.

Для уха (в противоположность глазу) имеет значение охват: при слушании одним ухом звук тише.

А

Внутримгновенный ритм: неизвестен, разностной.

Характеристики: пассивный, почти исключительно внешнего мира.

Объекты — главным образом природные, первичные, прерывные качественно, с кривыми неопределенной или по С. Запах ощущается только во время прохождения воздуха (при вдохе).

Измерения: два — интенсивность и тембр.

Изменчивость: количество и отчасти продолжительность.

Сочетание интенсивностей: обычно сложение.

Диапазон интенсивности: от нуля до непереносимости (боли только при раздражении). А галлюцинации несравненно чаще других.

Относительность интенсивности: по основной (А числа или постоянному А).

Ноль: не возведен, относителен по основному (А числа или постоянному А).

Тембр: неизвестного строения.

Сочетание тембров: несмешиваемость, или новый тембр или интерференция.

Диапазон тембров: разорванный, разнотипный, уже диапазона интенсивности; расщепление неустойчиво, циклов нет, знаков нет.

Иерархия: неизвестна.

Кривые сопротивления: неопределенная или по С.

Ориентация: чрезвычайно слаба.

Локализация: отсутствует.

Проецирование: очень слабое, либо неопределенное, либо на предмет. Изолированное проецирование.

В

Внутримгновенный ритм: неизвестен.

Характеристика: пассивный, почти исключительно внешнего мира, всегда по С'.

Объекты: природные, первичные, прерывные качественно.

Измерения: два — интенсивность и тембр.

Интенсивность: количество и отчасти продолжительность.

Сочетание интенсивностей: обычно сложение; смешение; избирательное (кислое и горькое на разные стороны языка).

Диапазон изменчивости: от нуля до непереносимости, относителен основному В (по В числа или постоянному В)

Ноль: не возведен, относителен основному В (по В числа или постоянному В).

Тембр: неизвестного строения.

Сочетание тембров: несмешиваемость, или новый тембр или интерференция.

Диапазон тембров: разорванный, разнотипный, уже диапазона изменчивости, расщепление неустойчиво, циклов нет, знаки намечаются, около четырех тембров.

Кривые сопротивления: по С' или неопределенная.

Ориентация: не имеется.

Локализация: общеротовая.

Проецирование: на предмет либо на рот.

Изолированное проецирование:

фактурность

внутриротовой вкус

слияние В, А, С', С и Т, влияет Ц.

Для изоляции В следовало бы вдуть в рот «шуманы».

С

Внутримгновенный ритм: статистический, разностный (по упругости тела).

Характеристика: пассивное и активное.

Источники: внешние и внутренние.

Общая интенсивность: напор (сила воздействия), густота и охват.

Измерения: три — напор, тембр, локализация.

Напор:

диапазон — от нуля до боли (но на внутренней стороне щеки давление ощущается, а боль нет); размер диапазона связан с шириной и глубиной охвата;

относительность — зависит от места на теле, при очень малом напоре ощущаются только его начало и конец, напор воздуха, воды, ртути, привычной одежды не чувствуется, кроме разностных границ; внутрителесный обычный напор тканей друг на друга не чувствуется;

нулевой напор — не возведен в качество;

сочетание напоров — дает локализацию (в очень небольшой степени суммируется); количество одновременно чувствуемых отдельно напоров ограничено;

осязание внешнее — пассивное чувство напора извне (возможно, что оно зиждется на интенсивном чувстве — сопротивлении мускульным усилиям, толчкам);

осязание внутрителесное — то же самое, но напор не на кожу, а на внутренние ткани тела;

мускульное чувство — активное чувство сопротивления усилию; сочетание мускульных одновре-

менных ощущений дает чувства положения и равновесия, последовательных — чувство движения; внешнее и внутрителесное;

ощупывание — сочетание осязания и мускульного чувства.

Тембр:

осязания — связь напора с «обертонами» (длительности, изменчивости; широты, глубины и направления вглубь охвата); различные тембры осязания: касание, давление, толчок, удар, укол, щипок; поглаживание вперед и назад;

мускульного чувства — связь напора с «обертонами» (сопутствующие и последующие главному напору, они шире и разнообразнее, чем считается обычно); эти тембры, в связи с возможностью активного прикосновения к этому месту, и дают локализацию (несовершенную) мускульных чувств;

ощупывание — сочетание осязательных и мускульных обертонов; эти тембры дают ощущение формы вещей или фактуры; легко соединяются с температурными ощущениями.

Кривая сопротивления: по С' (касание), по С' и С (давление), по С' (мускульное).

Ориентация: есть, так как имеется локализация на теле; нарушение: опыт Аристотеля.

Локализация: благодаря различию тембров создается одновременная множественность, которая, благодаря возможности касания (движения), распределяется в известном непрерывном порядке — ощущения (пункты тела) локализуются, тело становится пространственным; несовершенство локализации: пальцы ног, циркуль на бедра,

трансплантированная кожа; если упражнением совершенствуется локализация на пальце одной руки, то она совершенствуется и на соответствующем пальце другой руки.

Проецирование: на тело или на предмет; возможно проецирование на инструмент, продолжающий орган тела.

Иерархия:

Изолированное проецирование:

Внутрителесные ощущения; онемение, зуд, щекотка; боль.

Т

Опыт со щеткой

с холодными гирями

с точечным ожогом

с кранами в ванной

ледяной ожог

с Т воды и воздуха

с тепловыми и холод. точками

с различными участками кожи

с ментолом

локализ. и внутрителесная Т

лихорадка, малокровие, алкоголь

что важнее — холод или тепло?

опыты с абс. и разн. порогами

С

Опыт со щеткой

с легчайшими касаниями

с давлениями сред

с привычными давлениями
 с циркулем
 с пальцами ног
 с трансплант. кожей
 с симметр. пальцами
 с абс. и разн. порогами
 со щекоткой
 с волосками

А

с выдыханием
 с хлороформом
 с привычным А
 с иллюзорным А

В

Опыт со спором полей
 с интерференцией
 со слиянием с другими ощущениями
 с изоляцией
 с относительностью

Ц

Опыт с относит. яркостью
 с чернотой слепоты
 с неразличением изменения тона крайних цветов
 сколько цветов в спектре
 сколько всего цветов
 сколько оттенков тона
 сколько оттенков насыщенности

сколько оттенков яркости
сколько оттенков чистоты
опыт на определение цветной слепоты
какие цвета видят цветнослепые
опыт с сантонином
опыт с энтоптическими цветами
опыт с цветным освещением
опыт с белизной при косом взгляде
опыт с бархатом и складками
опыт с абсолютной чернотой
опыт с превращением зеркальн. в матовое
границы белого, серого, черного
опыт Пуркинье
опыты сложения цветов
опыты вычитания цветов
опыт
опыт с вертушкой
опыт с мозаикой
опыты с мутными средами
опыт с адаптацией
опыты с возрастным цветоощущением
опыты с контрастом

<1930-e>

Созерцание движения

Прерывное движение.

Созерцание прерывного движения: чередование стабильных, частично разных впечатлений, которое, благодаря предположению о тождественности впечатлений, толкуется как результат непрерывного движения. Например: движение часовой стрелки, ледника, рост.

Глаз, благодаря мозаичности (прерывности) светочувствительности сетчатки, должен был бы давать всегда созерцание прерывного движения (подобное чередование зажигания лампочек в электрической рекламе или перебирание клавиш рояля). Почему-то у нас получается впечатление непрерывности движения, непосредственного его созерцания?

Непрерывное движение.

При наложении быстро чередующихся впечатлений получается, в случае их нетождественности, некоторое несовпадение их, неполное слияние, дающее потерю их четкости, размывание впечатлений; созерцание этого размывания, смазанности, туманности принимается за созерцание непрерывного движения.

1. Один отпечаток — наложения нет — размывания нет — стабильность — заключение о стабильности.

2. Множество тождественных отпечатков — наложения нет — размывания нет — стабильность — заключение о стабильности.

3. Множество несколько различных отпечатков — наложения нет — размывания нет — стабильность — заключение о нестабильности.

4. Множество вполне различных отпечатков — наложения нет — размывания нет — стабильность — заключение о стабильности.

5. Множество тождеств. отпечатков — наложение есть — размывания нет — стабильность.

6. Множество слегка различных отпечатков — наложение есть — размывание слабое — нестабильность.

7. Множество очень различных отпечатков — наложение есть — размывание сильное (мелькание) — нестабильность.

8. Множество вполне различных отпечатков — наложение есть — размывание полное (слияние) — стабильность.

Примеры: 1. Взгляд на дом. 2. Дом сегодня, завтра и т.д. 3. Деревцо сейчас, через год и т.д. 4. Дерево, через год на его месте — дом. 5. Неподвижность в кино. 6. Кино; любое обычное движение, при котором вполне отчетливо улавливаются лишь исходное и конечное положения. 7. Любое быстрое движение, при котором уже трудно уловить очертания предмета. 8. Любое быстрое движение, при котором предмет уже не виден, а видна только тусклая полоса. Или иначе: 1. Фото. 2. Замедленный киносеанс тождественных кадров. 3. Замедленный киносеанс. 4. Замедленный киносеанс из разных лент. 5. Неподвижность в кино. 6. Кино.

7. Ускоренный киносеанс или киносеанс из почти разных лент. 8. Очень ускоренный киносеанс или из разных лент.

Все это относится и вообще к изменению (т.к. движение — частный его случай). Примеры:

1. То же. 2. То же. 3. Листья весной, летом, осенью. 4. То же. 5. Неизменность в цветном кино. 6. Цветное кино; любое обычное изменение освещенности, при котором отчетливо улавливаются лишь исходное и конечное положения. 7. Любое быстрое изменение, например, мигание света. 8. Любое очень быстрое изменение, например, в электр. лампочке.

Таким образом, при слишком малом размывании теряется движение, изменение, —

например, движение часовой стрелки; и при среднем размывании отчасти теряется движение и предмет, — например, движение секундной стрелки; при слишком большом размывании теряется сам движущийся предмет, — например, стрелка хронометра; при полном размывании теряется и движение и движущийся предмет, — например, стрелка хроноскопа.

Движение есть «глиссандо» по мозаике; то же и вообще изменение. О непрерывности заключается по непрерывности «глиссандо».

Градуировка движения.

Градуировка движения по величине размывания очень неточна, поэтому в помощь ей берется градуировка угловой нацелкой (преследование взором), мозаичной нацелкой сетчатки (скольжение по сетчатке) и мозаичной нацелкой по отпечатку (скольжение внутри отпечатка). При этом размывание и скольжение по сетчатке имеются при движении всегда, а скольжение

внутри отпечатка и преследование взором могут им сопутствовать, уточняя градуировку.

Примеры: только скольжение по сетчатке, — фейерверк; но за летящей ракетой можно также следить взором либо, если не совсем темно, отмечать изменение локализации по отношению к другим предметам, либо, наконец, пользоваться всем этим вместе.

При направлении к или от наблюдателя происходит пересчет градуировки рельефности в градуировку движения, в зависимости от направления.

Размывание начинается от $15^\circ/\text{сек.}$, становится полным при $150^\circ - 350^\circ/\text{сек.}$

Скольжение по сетчатке чувствуется от $15^\circ/\text{сек.}$, при наименьшем смещении в 1° .

Скольжение внутри отпечатка чувствуется от $1^\circ/\text{сек.}$, при наименьшем смещении в 7° .

Скорость кажется большей при непреследовании глазом; наименьшее заметное различие скоростей тогда — 10%.

Объективация движения.

Стабильность или нестабильность предмета определяется по отношению к глазу или обстановке, которые тем самым принимаются стабильными (например, движение светил). Но когда глаз и обстановка не совпадают по стабильности, движение определяется лишь по какому-либо одному из этих признаков, по обстановке, если движение предмета соответственно движению глаза, по глазу, если несоответственно.

1. Глаз (голова, тело) стаб. — отпечаток стаб. — стаб. предмета.

2. Глаз стаб. — отпечаток не стаб. — нестаб. предмета.

3. Глаз нестаб. — отпечаток стаб. — нестаб. предмета.

4. Глаз нестаб. — отпечаток соответственно нестаб. — стаб. предмета.

5. Глаз нестаб. — отпечаток соответственно нестаб. — нестаб. предмета.

Примеры: 1. Дом при неподвижном взгляде. 2. Автомобиль при неподвижном взгляде. 3. Автомобиль при преследовании взором. 4. Дом при переводе взгляда, ходьбе. 5. Автомобиль при переводе взгляда.

Светлая точка в темноте (или на однообразном фоне) кажется движущейся, т.к. в этих обстоятельствах нет контроля обстановкой и случай 4 принимается за случай 2. При панораме в кино предметы кажутся движущимися, т.к. нет контроля ощущением поворота взора и случай 4 также принимается за случай 2. То же самое происходит при непривычном, быстром движении (например, в поезде), т.к. в этом случае ответственность движения выходит за пределы обычного опыта и поэтому не чувствуется.

Те же самые случаи бывают и при движении одного предмета относительно другого.

Все это относится и вообще к изменениям.

Если закрыть один глаз и толкать другой, все движется (непривычное движение глаза).

Неравномерность размывания отпечатка.

При размывании отпечатка меньше размывается фиксируемая часть отпечатка (видимая центральным глазом). Если отпечаток однообразен, то меняющиеся фиксируемые части принимаются за тождественные, и характер их движения приписывается всему отпечатку. Поэтому рельсы из вагона, особенно на стрелках, кажутся бегущими, спираль плато стягивающейся или растягивающейся, круги вращающимися: несоответ-

ственность движения фиксируемой части переносится на движение всего отпечатка (случай 4 принимается за случай 5).

Анартоскопические иллюзии.

Контрастное движение.

Если смотреть долго с корабля на воду, потом спокойная вода кажется текущей в обратном направлении, то же после фиксирования вращающейся спирали Плато, кружения, поезда и т.п. (последовательный контраст). Луна, зубчатое колесо в иллюзии вращающихся кругов, деревья на заднем плане из окна поезда, — самолет за ними, летящий в направлении поезда, как бы летит назад, задним ходом, — кажутся движущимися в обратном переднему плану направлении (совместный контраст).

В поезде после взгляда в окно все предметы кажутся движущимися обратно в купе.

Возможные объяснения:

Искусственное расчленение наложенных отпечатков.

Молния, электр. вспышка, момент. фотография выхватывают один из отпечатков, очистив его от соседних налагающихся, — так, как мы не видим, причудливые позы.

Стробоскопический эффект — выхватывает серию отпечатков, пропуская большую их часть, дает наложение этой серии с меньшим размыванием, меньшее их количество в тот же срок.

Учащенная киносъемка — дает то же количество отпечатков, но с меньшей разницей между ними, благодаря этому размывание меньше.

«Замедление» чихания, смеха, ходьбы, жонглирования, прыжка блохи, полета пули, полета птицы, движение механизмов, падение капли, биение сердца.

Искусственное наложение расчлененных отпечатков.

Разреженная киносъемка — дает то же количество отпечатков, но с бóльшей разницей между ними, благодаря этому получается бóльшее размывание.

Ускорение распускания цветка, роста деревьев, человека, геологич. и астрономич. процессов.

Диапазон яркости.

Огромное разнообразие яркостей: от 3/100000 люкса, — звезда, светляк, глаз хищного зверя, — один квант, — до 100000 люксов и больше, — прямой свет тропического солнца в полдень: отношение $\times 3000000000$, — световая приспособленность глаза. Звуковая приспособленность всего, гравитационная, температурная — меньше $\times 2$. В этом отношении глаз не сравним ни с каким прибором.

Постоянная смена яркостей: прямой (100000 люкс в летний полдень у нас) и рассеянный свет (x), летний и зимний ($x5 - x20$), полуденный и сумеречный (x), на солнце и в тени (x), по географич. широте (Ленинград 23000 люксов), во вне и в комнате ($x1000 - x1000$), днем и ночью (полнолуние j люкса), ясный и облачный день ($x100$), беззвездную и звездную ночь (x), у лампы и вдали от нее (x). Важность световой приспособленности, особенно в природе.

В темноте виден 1/1000000 люкса. Искусств. свет около 60 люкс, хорошо видно и при 3 люксах.

Люкс = свет от 1 свечи на расстоянии 1 метра.

Нацелка на яркость.

Прищуривание (x).

Сокращение зрачка ($x25? 16$). Секунды на сжатие, минуты на рассматривание. «Посмотри!» всегда значит: Установи размер зрачка.

· Опыт перед зеркалом.

Расширение зрачка от звука, боли, ужаса, щекоотания, представления света.

Выражение лица.

Адаптация дневного глаза, (x20) — от 100000 люксов до 1/100 люкса (обычно до 30 люксов).

Адаптация ночного глаза (x300000) — от 30 люксов до 3/100000 люкса (x200000). «Посмотри!» всегда значит: Адаптируй!

Градуировка яркости.

Закон Вебера: геометрически-пропорциональная лестница яркостей. Классификация звезд по видимой и действительной яркости. Объяснение закона Вебера: отсчет по промежуточной — между абсолютной и относительной — яркости. Для средних яркостей (9000 — 20000 свечей) — почти вполне относительный отсчет (от 0, 4% до 3 %) — диапазон дневного света. Прямой солн. свет — 200000 свечей.

Заполнение.

Слепому пятну должен соответствовать провал в поле зрения. Почему его нет? Невнимание (опечатка); периферическое зрение (ночным глазом); движение глаза. Все же иногда должен был бы быть заметен. Значит, мы видим слепым пятном?

Опыты: с черной, белой, сетчатой, цветной бумагой. Выходит, что видим не то, что есть, а кусок того же цвета, что кругом.

Обычно: заем у соседнего глаза: сетчатое на черном, — должно было бы видаться черное, но берется взаимы сетчатое. Красное на белом, — должно бы видаться черное, но берется взаимы красное.

При зрении одним глазом — заем у периферии этого же глаза: сетчатое на черном, — должно бы видаться черное (отсутствие света), но видится черное (окружение). Красное на белом, —

должно бы видаться черное, но видится белое.

Двойной заем: правым глазом — бумага белая, левым, через стекло, — красная; монокулярно: правым глазом — белое заполнение; бинокулярно: если бы только заем из другого глаза, то заполнение было бы красное, на самом же деле заполнение из бинокулярно-цветного поля (розового) — розовое.

То же и для фигурного заполнения провала.

Выходит так, что провал заполняется воображением на основании видимого окружения; обычно правильно, но незаметно (т.к. в ночном глазу).

На самом деле провал вообще не заполняется. Он не заметен, потому что не является никаким цветовым полем, окружающее цветовое поле просто смыкается, этим и объясняются «заполнения». При бинокулярном зрении происходит комбинирование обоих зрительных полей, каждое размыкается за счет другого, поэтому провала совсем нет. При монокулярном — сомкнутое зрительное поле. При бинокулярном разноцветном зрительном поле — среднецветное, почему же монокулярно видимые куски кажутся тоже среднецветными?

Опаздывание зрения.

Начальное опаздывание зрения.

Физическое опаздывание (световое): светила видны не там и не такими, как они сейчас; но этим не исчерпывается ошибка при астрономическом наблюдении. Физиологическое опаздывание: опыт с локализа-

цией вспышки (от $1/4$ до $1/10$ сек. в зависимости от яркости и утомления). Наибольшее опоздание синий (читай: красный и зеленый): опыт с синей полоской, отстающей от красной при вращении диска. Вычисление времени на торможение трамвая, автомобиля, самолета.

Конечное опаздывание зрения.

Последовательный образ: уголь, лампа, солнце. Сколько времени длится электрич. вспышка, молния (глазу достаточно $1/100000000$ сек.), почему за это время автомобиль не успевает сдвинуться с места? Что видно в темноте после вспышки: тройной слитный последовательный образ. Быстрее затухает, — но дольше держится, — синий, затем желтый, затем красный (поэтому после белого сначала синевато-зеленое, затем красное пятно). «Бьющееся сердце».

Слияние последовательных впечатлений при их чередовании $1/12$ — $1/5$ сек., в зависимости от яркости. Поэтому почти не мешает мигание век, совсем не заметно мигание электрич. лампочки. Проверка стеклянной палочкой. Закон и диск Тальбота. Какова в действительности светосила электр. лампочки. Стробоскоп танка.

Головокружение при разноцветном мелькании. Сливаются легче красный, потом желтый, затем зеленый, затем синий.

Эйдетики.

Пауза в $1/16$ секунды; при паузе больше $1/5$ секунды нет наложения, при паузе меньше $1/30$ секунды совпадение.

О телесном сочетании

1

О любви: она притягательна, священна, страшна, смешна, жалка и омерзительна.

2

Притягательна, заманчива — это общеизвестно и не требует доказательств.

Священна — т. е. выше меня, важнее и значительнее всего, даже собственной жизни, — неизвестно почему. Это переживает всякий влюбленный, он испытывает восторг и восхищение, он готов к самопожертвованию. Такое отношение к любви подтверждает государство — оказывая ей уважение, религия — освящая ее, искусство — прославляя и увековечивая ее.

Страшна — т. е. порождает безотчетный испуг, робость. Не это ли в юности замедляет достижение цели, когда никаких внешних препятствий нет? «Заклинаю вас, девицы иерусалимские, — говорится в “Песни Песней”. — Не будите и не возбуждайте любовь, пока она не придет!» И дальше как о величественной и ужасной

стихийной силе: «Положи меня, как печать, к сердцу твоему, как печать на мышцу твою; потому что сильна, как смерть, любовь; свирепа, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные, она — пламень Господень». Соседство любви с раздирающим, болью, гибелью индивидуальной жизни видим мы в природе. Современный нам писатель говорит: «Самое страшное в мире — женские ноги».

Смешна: всякий влюбленный в большей или меньшей степени забавен; и неудержимо смешно извне, нелепо и комично телесное сочетание, венец любви, соль бесчисленных анекдотов.

Жалка: такой представляется она не заинтересованному в ней наблюдателю, — бесплодная трата сил, запутанный путь, требующий стольких жертв, в ней кроется какой-то обман. «Всякое животное после совокупления печально», — заметил Аристотель. И человек ощущает после этого внезапную паузу жизни, странное безразличие к тому, что его волновало, смутное разочарование.

Омерзительна. Такой она предстает узнающему о ней впервые, вызывает в нем чувство унижения и отвращения, обиды на природу, устроившей все так безобразно. Ничто не подвергается такому опозориванию, как любовь: аскеты ненавидели и презирали ее. Слова, связанные с ней, стали оскорбительной, наихудшей руганью. Ее иероглиф — бубновый туз, прибитый к воротам побежденного города.

3

Такова чувственная любовь, приводящая к телесному сочетанию. Она подобна водоплавающей птице на

берегу. Или рыбе с выкатившимися глазами и лопнувшим пузырем. Потому что в ней есть некоторая чудовищность.

4

Сводя сказанное воедино: любовь есть нечто непристойное, неприличное. Это действительно ее сердцевина, ибо чем острее ощущается это, тем сильнее и все то противоречивое, что уже было перечислено.

5

Чему и кому не приличествует, не соответствует любовь? Она не приличествует высшему животному более, чем низшему; человеку более, чем животному; современному человеку более, чем древнему; интеллигентному более, чем неинтеллигентному. Ее неприличие, таким образом, усиливается по мере развития и усложнения жизни.

Но все же, в той или иной степени, она не приличествует всякому существу, всякой индивидуальной жизни, — а иной и нет. Это показывает, что ось любви в самом своем принципе не совпадает с осью индивидуальной жизни, между ними имеется несоответствие, расхождение.

Перечислим, в чем выражается неприличие любви по пунктам, чтобы уловить суть этого расхождения, его причину.

6

Но, прежде чем приступить к этому, условимся о названиях.

В обычной речи слово «любовь» понимается двояко: как чувственная (*amor*) и как нечувственная (*caritas*). Тому основанием служит сходство той и другой; в первой мы встречаем в том же либо измененном виде все черты второй, за исключением потребности в физической близости, телесного сочетания. Эта последняя, однако, столь сильна и характерна, что составляет необходимый и равноправный элемент чувственной любви.

Можно, следовательно, сказать, что *amor* есть *caritas*, смешанная с чувственностью.

Мы, во избежание путаницы, будем называть любовью только чувственную (*amor*), а иную (*caritas*) будем называть симпатией, ибо в этом действительно ее суть, в каком бы виде она ни проявлялась — в виде дружбы, жалости, сострадания, обожания, преданности, восхищения, благорасположенности и т.п.

Суть остается, говоря словами индийского изречения, в том, что другой ощущается как ты сам: «это есть ты».

Это сопровождается ощущением того, что другой тебе дорог, особо ценен, прекрасен. Доходя до своего высшего напряжения, оно становится непреодолимой потребностью общности чувств, восторгом, страстью.

Любовью мы называем слитые друг с другом симпатию и чувственность, ставшие страстью.

7

Первое противоречие любви заключается в самом сочетании слов «чувственная любовь», или, употребляя принятые нами названия, в сочетании симпатии с чувственностью, сладострастием. Ни из чего не видно, чтобы одно требовало другого.

8

Мыслимо, да и бывает, как сказано, чистая симпатия, например, дружба, братская привязанность или привязанность мудреца к своему ученику, его к учителю. Таким образом, чувственность не необходимый элемент любви, она как бы отягощает и затемняет ее, связана с симпатией случайно, не по сути. Почему, если человек тебе дорог, ты должен стремиться к физической близости с ним, к оголению его и касанию своим телом его тела? Любите, но незачем спать вместе, — по Толстому.

9

Можно сказать и обратное: нет никакой нужды осложнять дело любовью, когда спят вместе. То есть симпатия лишь случайно сопровождает сладострастие, возможна чистая чувственность. Не говоря уже о достаточно частых случаях, когда так действительно бывает между мужчиной и женщиной, приведем несколько примеров иного порядка. Именно: лежащий с закрытыми глазами на солнце испытывает телесное умиление, сладостное томление, прилив чувственности. Несомненно, что жук, сидящий часами без движения в чашечке цветка, ощущает настоящее сладострастие. Так же курильщик гашиша, когда сердце у него замирает и он как бы теряет вес и плотность и расплывается в воздухе. Так же и младенец, раскрасневшийся после кормления, прислушивающийся к своему росту. Все они и многие другие в иных случаях испытывают оцепенение, блаженство и трепет чувственности, ее восторг в чистом, беспримесном виде.

10

Все же нельзя судить столь просто и категорически. Имеется много фактов, указывающих на то, что чувственность сопутствует симпатии гораздо чаще и связана с нею гораздо теснее, чем это представляют обычно; что даже тогда, когда мы имеем чистую симпатию, в ней на самом деле имеется некоторый чувственный оттенок. Нет, собственно говоря, такой симпатии, которая не была бы заинтересована в физической близости, если не в касании, то, во всяком случае, в возможности видеть и слышать другого. Мудрец, прощаясь со своим учеником, гладит его по голове и целует в лоб, а тот целует ему руку, жалеет, что не будет больше слышать его голос, видеть его неповторимое лицо. Объятья и поцелуи допускаются и при братской любви, при дружбе, особенно женской. Еще сильнее чувственный оттенок в любви родительской. Но особенно разительно поведение детей и животных: чувство симпатии к кому-либо у них всегда и сейчас же выражается в желании приласкаться к нему, сблизиться с ним. Нельзя не считать, что эта черта, хотя в ослабленном виде, остается у взрослых. Все это заставляет подозревать, что чувственность сопутствует симпатии необходимо, имеет с нею внутреннюю связь.

11

Обратно: чувственности всегда присуща бóльшая или меньшая одухотворенность. Тут опять-таки особенно показательны животные и дети. Стоит погладить собаку в первый раз, и уже в глазах ее появляется выражение преданности и доверия. Любовь младенца к матери возникает прежде, чем он осознает свою мать

как личность, эта любовь рождается из ощущения материнского тепла, ее груди и рук. Что касается мужчины и женщины, то, если бы все дело обстояло иначе, браки, заключенные по родительской или иной воле, бывали бы всегда несчастны, между тем это было не так. Известно старинное наблюдение, что девушка склонна полюбить того, кому она отдалась хотя бы и не по любви. С другой стороны, мужчине нетерпимо полное, нескрываемое равнодушие женщины во время телесного сочетания, если она, например, более заинтересована в этот момент едой или работой. Это относится и к женщине, к которой исключена любовь, скажем, к проститутке; она становится без этой иллюзии неинтересна, как бумажный цветок. Иное дело, если имеется с ее стороны нежелание, в этом случае существует как бы перевернутое сочувствие: он знает, что она, несмотря на свое нежелание, все же до некоторой степени переживает, она не аморфная среда, а живой мир, против своей воли резонирующий ему. Но если бы в чувственности не было симпатического оттенка, не было бы и потребности в резонансе, ибо чувственный эффект вполне достижим и без него. Можно сказать еще резче: этот эффект достижим механически, и это несравненно проще, чем добывать себе существо, женщину. Поскольку на это обычно не идут, необходимо считать, что чистой чувственности не бывает. На это могут, правда, возразить ссылкой на аутоэротизм. Но он, во-первых, чаще всего суррогативен, во-вторых же, и это главное, сопровождается рисованием в воображении чужого отвечающего тела, его резонанса, поведения. Но оставим эти примеры и перейдем к тем, которые как будто несомненно безличны и, следовательно, исключают ощущения симпатии. При более

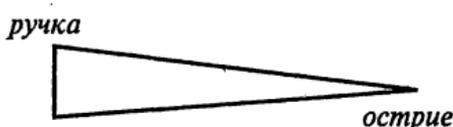
пристальном взгляде мы найдем ее и тут. Лежащий на солнце испытывает не просто удовольствие, а восторг, и легкую печаль, и нежность. К чему нежность: к солнечным лучам, проникающим сквозь ресницы и переплетающимся в разноцветное сияние; к ропоту волн; или ко всему наполненному теплым и влажным воздухом миру? В этом, наверное, и есть отличие наслаждения от простого удовольствия: в том имеется умиление и какое-то самопожертвование. И в этом, возможно, и заключено целебное действие лежания на солнце, что оно есть школа нежности, освобождает по привычке судорожно сжатые для самозащиты мышцы, размягчает человека и подготавливает его к любви. Но что сказать о жуке, оцепеневшем в цветочной чашечке? Он влюблен в запах цветка — так младенец влюблен в преобразующееся в его ткани молоко, как наркоман в свободно протекающее сквозь него время.

12

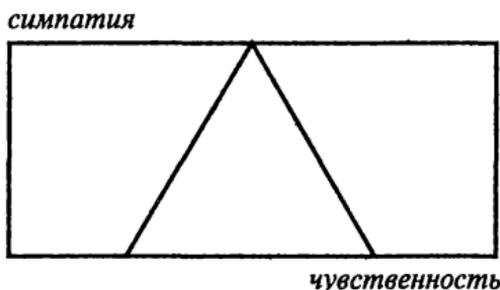
Из всего этого мы заключаем, что чувственность и симпатия переходят друг в друга незаметно и постепенно, здесь нет точной границы, перерыва. Любовь как бы овеществляется в разной степени, и крайние степени этого мы называем симпатией и чувственностью. Следовательно, симпатия и чувственность являются не различными по своей сути элементами, связанными между собою более или менее случайно, но просто различными степенями, крайними тенденциями одного и того же. Поясним это на примере. В инструменте такой формы

мы естественно различаем его крайние степени поперечного размера: утолщенный конец («ручку») и суженный (острие). Но было бы неправильно сказать, что он состоит из ручки и острия. Было бы также неправильно искать точную границу; здесь кончается ручка и начинается острие. Вернее всего, что мы бы считали так:

т. е. деление не было бы взаимоисключающим. Такое деление обычно для любой непрерывности, если внимание сосредоточивается на ее крайних точках. Так художники делят световой спектр на две заходящие друг за друга части полуспектра: «желтый» (прилегающий к красному, длинноволновому концу) и «холодный» (прилегающий к фиолетовому, коротковолновому концу). По этому же самому принципу, можем мы теперь сказать, разделен и непрерывный спектр любви, представляющий нам в виде сочетания двух полуспектров: чувственности и симпатии. Схематически это может быть изображено так:

Двучленное деление при всей его простоте редко может нас удовлетворить. Так, двучленное деление светового спектра, которое можно считать первоначаль-

ным, было впоследствии дополнено и затем почти вытеснено четырех-, шести- или семичленным делением (красный, желтый, зеленый, синий, а затем еще оранжевый, фиолетовый, голубой цвета).

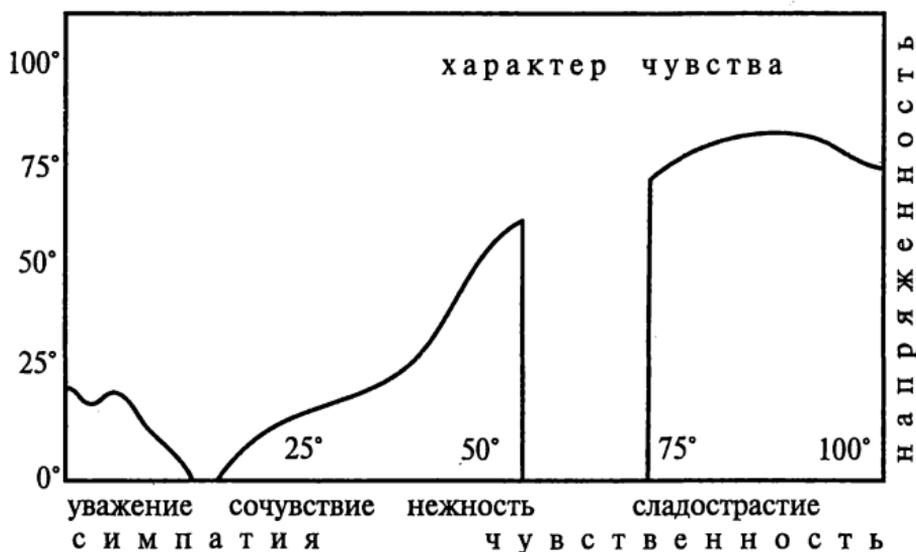
Деление спектра любви на два полуспектра также явно недостаточно. Нельзя закрывать глаза на то, что чувственный оттенок, наблюдаемый в симпатической любви, не совпадает все же с обычным представлением о чувственности, почерпнутым из того источника, где она выражена всего резче, из опыта любви эротической. Это станет наглядным при следующем сопоставлении. Представим себе, что женщина спасла своего младенца от верной, казалось, гибели. Она прижимает его к себе, осыпает все его тело поцелуями. Эти поцелуи все же резко отличны от тех, которые были бы предназначены мужчине. Тут дело не в напряженности чувственности, — она целует ребенка, наверное, даже более страстно, — а в самом различном характере чувственности. Конечно, и здесь имеется главный переход, по крайней мере, возможность его, непрерывность, и точная граница была бы искусственной, — поэтому, например, звучит всегда фальшиво, когда женщина позволяет мужчине целовать ее «так, но не так», или касаться ее «до сих пор, но не дальше». Но того, что сама чувственность бывает разной, отрицать все же нельзя. Мы принуждены поэтому разделить чувственный полуспектр на две части. Соответственно его крайним тенденциям, мы дадим им названия интервалов нежности и сладострастия. Можно было бы пойти здесь и дальше, постараться наметить, так сказать, отдельные ноты или спектральные линии любви, но в этом нет надобности. Симпатический полуспектр, в свою очередь, неоднороден. Любовь мудреца к своему ученику, продолжателю его дела, может быть не менее напряженной, чем родительская лю-

бовь, — по крайней мере это мыслимо, — и то и другое является симпатией — и все же между ними несомненная и существенная разница. В одном случае основой любви будет ощущение достоинства другого человека, в другом случае — сочувствия. Соответственно этому мы выделим в симпатическом полуспектре интервал уважения и интервал сочувствия.

14

Характер любви в каждом случае будет полностью определен, если мы будем знать, из каких именно чувств она состоит и напряженность каждого из этих чувств. При желании можно ввести градуировку, и тогда любовь будет измерена.

Приведем одну из возможных схем:

По этой фигуре мы можем сказать: в этом случае любви она не страстна (средняя величина около 25°); наиболее значительно по напряжению, страстно сладострастие, затем сочувствие: и то и другое имеется во

всех возможных оттенках; наиболее сильные в сладострастии такие оттенки, слабее такой; сочувствие — близкое к нежности; уважение представлено слабо и не во всех возможных оттенках; настоящей нежности, собственно говоря, нет, но сочетание сладострастия с сочувствием и уважением таково, что создается впечатление, будто нежность не только присутствует, но и является главным чувством из всех, — на нее падает перевес (весовой центр сочетания площадей).

Все это было бы выражено, конечно, в цифрах.

В дальнейшем мы не будем пользоваться градуировкой. В целях упрощения мы будем также считать, будто пропуска в оттенках чувств не бывает; мы не будем, кроме того, обращать внимание на напряженность, за исключением тех случаев, когда без этого не обойтись.

Все это даст нам возможность определять характер любви всего двумя показателями: ее охват и перевес.

15

Приведем несколько типичных схем (см. с. 160).

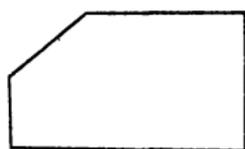
1. Уважение
2. Сочувствие
3. Нежность
4. Сладострастие

Первая любовь отличается, таким образом, своим охватом (включением сладострастия), из-за чего перевес оказывается либо на нежности, либо на сладострастии.

16

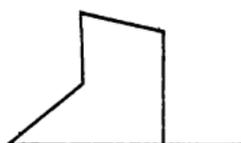
Неправильно было бы думать, что введение понятия о спектре разрешает противоречие любви. Оно так

Половая любовь
(брак)

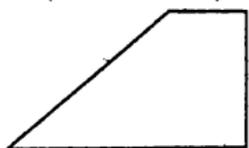
У. С. Н. С.

Отеческая
любовь

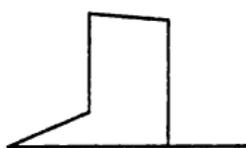
У. С. Н. С.

Половая любовь
(любовники)

У. С. Н. С.

Материнская
любовь

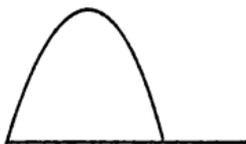
У. С. Н. С.

Половая любовь
(к проститутке)

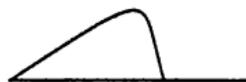
У. С. Н. С.

Братская
любовь

У. С. Н. С.

Женская
дружба

У. С. Н. С.

Любовь
к матери

У. С. Н. С.

Любовь
к отцу

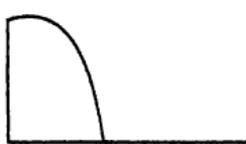
У. С. Н. С.

Мужская дружба
прежде

У. С. Н. С.

Мужская дружба
теперь

У. С. Н. С.

же не может этого сделать, как не может, взятое само по себе, открытие спектра радиации объяснить ее суть. Положим, мы знаем, что световые и космические (ультрафиолетовые) лучи обычно перемешаны. Это кажется нам очень странным и необъяснимым.

Ибо они как будто не имеют ничего общего друг с другом: одни ощущаемы как свет и благотворны, другие неоощуяемы и разрушительны. Но вот мы устанавливаем непрерывность, спектр, охватывающий те и другие лучи. Этим самым мы утверждаем, что они по своей сути должны быть тождественны. Но в чем их тождественность и чем вызвано впечатление их разнородности, остается все же непонятным. Надо, следовательно, выяснить:

- а) Их тождественную суть (такая-то вибрация).
- б) Их действительное различие (по частотности).
- с) Объяснить впечатление их разнородности (установить необходимую связь различной частотности с различным по характеру действием на тело).
- д) Объяснить, почему в одном случае мы имеем одни типы радиации, в другом — другие (зависимость частотности от строения и температуры веществ).
- е) Объяснить, почему одни виды радиации встречаются чаще других.
- ф) Объяснить различия в их обычной интенсивности.

Те же шесть основных задач стоят и перед учением о любви. Введение понятия о спектре любви еще не разрешает этих задач, но доказывает, что они должны быть разрешимы, и указывает к этому путь.

Прежде любовь казалась нам существом с человеческим лицом и бычьим туловищем, химерой. Теперь мы знаем, что она не такова. Остается выяснить, какова же она на самом деле и почему нам представляется химерой.

Первое противоречие любви является в жизни причиной разнообразных недоразумений любви и конфликтов, наносящих иногда непоправимый вред. Недоразумения эти можно распределить по следующим рубрикам: одно чувство, свое или чужое, ошибочно принимается за иное (по составу или напряженности); имеющееся чувство, свое или чужое, не соответствует желаемому (по составу или напряженности); имеющееся чувство, свое или чужое, не соответствует уместному при данных обстоятельствах (по составу или напряженности); комбинация недоразумений. В целях упрощения мы не будем учитывать в нашем списке недоразумений любви ни пропусков (перерывов) в спектре чувства, ни напряженности, ни комбинированных недоразумений, ни спектральных линий или даже интервалов, а будем учитывать только полуспектры.

В действительности, однако, напряженность очень важна: именно она может отличать страсть от легкого увлечения. Также и пропуски: например, любовь, состоящая только из сочетания сладострастия с уважением, возможна, но несет в себе неизбежность внутренних и внешних конфликтов. Также и спектральные линии: сладострастие, сочувствие и т.д. имеют каждое много оттенков, и часто конфликты зависят именно от несоответствия оттенков. Еще более важны интервалы: нежность и сладострастие не могут, например, заменить одно другое. Следовало бы учитывать интенсивность каждой спектральной линии, так как тождественная по своему составу любовь может резко различаться по перевесу, и, наоборот, различные по своему составу виды любви могут совпа-

дать по перевесу. Практически весьма важны, наконец, комбинации, ибо недоразумения наиболее часто бывают комбинированными.

Всего, однако, не охватить, и мы будем учитывать только полуспектры. Желаящий может включить не учтенное нами, он получит в таком случае энциклопедию любви и связанных с нею конфликтов, происходящих в жизни и описываемых в литературе.

18

Некто ошибочно принимает свою чувственность за любовь, или симпатию за любовь, или чувственность за симпатию, или симпатию за чувственность, или любовь за симпатию, или любовь за чувственность. Или некто принимает чужую чувственность за любовь, или симпатию за любовь, или чувственность за симпатию, или симпатию за чувственность, или любовь за симпатию, или любовь за чувственность.

Некто хочет дать любовь, а дает чувственность; или хочет дать любовь, а дает симпатию; или хочет дать симпатию, а дает чувственность; или хочет дать чувственность, а дает симпатию; или хочет дать симпатию, а дает любовь; или хочет дать чувственность, а дает любовь. Или некто ищет любви, а получает чувственность; или ищет любви, а получает симпатию; или ищет симпатии, а получает чувственность; или ищет чувственности, а получает любовь.

Бывает, что уместна при существующих обстоятельствах любовь, обычаи принуждают к ней, но имеется лишь чувственность; должна быть любовь, а имеется симпатия; должна быть симпатия, а имеется чувственность; должна быть чувственность, а имеется симпа-

тия; должна быть симпатия, а имеется любовь; должна быть чувственность, а имеется любовь.

Итого: тридцать следствий первого противоречия любви, и все можно подтвердить примерами.

19

Вторым противоречием любви, вытекающим из первого, будет то обстоятельство, что она одновременно объектна и безобъектна.

Объектна симпатия, а чувственность — нет. Под объектностью же мы понимаем то, что ощущение или чувство вызвано чем-либо извне и направлено на что-либо вовне.

20

Действительно, нельзя сочувствовать, испытывать симпатию, уважение или любовь — вообще. Сочувствие рождается при встрече с кем-то и относится к нему.

21

Между тем, может быть сладострастие как выражение внутреннего роста живой ткани, ее особое возбуждение, переполненность собственным существованием.

22

Однако уже то, что объект бывает подчас явно случайным или даже воображаемым, показывает, что дело не только и часто не столько в нем. В рассказах Чехова «После театра» и «Душенька» речь идет именно о не

сосредоточенном ни на чем безобъектном чувстве, о напоре любви, возникающем изнутри и ищущем выхода. И если в этих случаях можно подозревать влияние чувственности, то что сказать о Франциске Ассизском, о тех людях, например, которые берут на воспитание сирот, потому что они любят вообще детей, испытывают потребность о ком-то заботиться, наконец, которых называют обычно благожелательными, не отмечая, к кому именно они благожелательны, потому что их благорасположенность распространяется на всю природу, весь мир. Но говорить о любви, что она вызвана мировым воздухом, всепроникающим, и направлена на него, это уже то же самое, что говорить о любви как безобъектной.

23

Обратно: уже в параграфе 11 было отмечено, что и чувственность всегда в какой-то мере порождается окружающим миром и направлена на него.

24

Таким образом, совершенная объектность и безобъектность являются только абстрактными пределами, на деле же мы имеем всегда некоторую промежуточную сосредоточенность или расплывчатость чувства. Это можно уподобить тому, что происходит при разности давлений: среди разреженного воздуха зона густого. Если пограничная разность всюду приблизительно одинакова, сгусток равномерно рассосется, и скажут, что это произошло благодаря внутреннему напору и направления не имело; если же пограничная разность

будет особенно велика в каком-нибудь одном месте, сдвинутый воздух ринется сюда; скажут, что это вызвано образовавшейся разреженностью, как бы притяжением этого внешнего участка, и он определил направление воздушного тока. Но не ясно ли, что в обоих случаях действуют, хотя и в разной мере, два фактора, сгущение и разрежение, и что, в конце концов, оба они — одно и то же, только рассматриваемое с различных точек зрения?

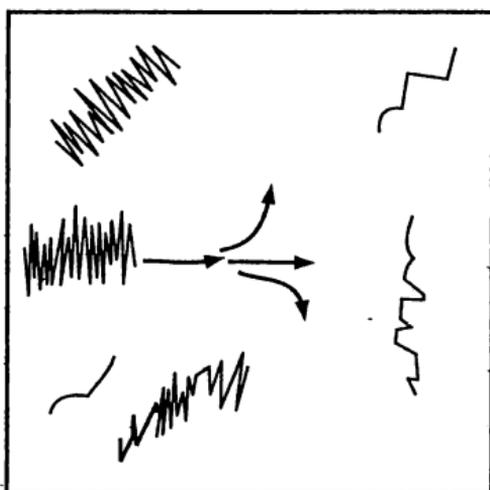
25

Все же нельзя отрицать, что подобно тому, как вещественность, телесность любви резко повышается от левого края спектра к правому, ее объектность обычно резко падает, так что для сладострастия мы можем считать характерным почти полную его безобъектность. В этом и будет правильно сформулированное второе противоречие любви. Но под этим противоречием явственно просвечивает иное, вызывающее его, более глубокое.

26

Вернемся к примеру, изложенному в параграфе 24. Зону сгущения можно считать некоторой индивидуализацией мирового воздуха, ибо в этой зоне имеется отличие от окружающей стихии, отклонение, свой закон, строение. Именно это и будет вызывать давление, растекание вовне, смешивание со стихией. При этом существенны три факта. Во-первых, сгущение будет неравномерным, идя вглубь его, мы постепенно попадем в обычную, общую для всей среды плотность; иными словами, индивидуальность переходит в своем ос-

новании в стихию — нельзя противопоставлять их, но нужно говорить о бóльшей или меньшей индивидуализированности кристаллизации, стихии. Во-вторых, самая внешняя стихия, омывающая зону сгущения, будет на границе с ней, в свою очередь, сгущена, то есть индивидуализирована. В-третьих, растекание будет идти через наиболее индивидуализированный слой в наименее, то есть в стихию, то есть безобъектно по своей тенденции. Поясним это схемой.

27

Это вскрытое под объектностью и безобъектностью более глубокое противоречие индивидуализированности и стихийности мы назовем фундаментальным противоречием любви. Ибо оно является основой всех других ее противоречий.

28

Так, первое противоречие (симпатии и чувственности), противоречие различной вещественности любви,

проистекает из того, что тело есть первичная индивидуализация, а его духовный облик, поведение — вторичная и потому бóльшая. Мы как бы вдыхаем тонкий аромат облика и сквозь него проникаем в его основу, крепкий аромат тела, и сквозь него в его основу, в глубокий аромат безындивидуальной живой ткани, стихии.

29

Направленность внимания, поглощенность при разных видах любви можно характеризовать так:

Потому в нежности имеется некоторая задумчивость, что она видит тело, — все, как у других, и в то же время особенное, неповторимое: хрупкая, изумительно чудесная в своем несовершенстве, недолговечная форма, возбуждающая радость и умиление, смешанное с печалью.

30

Афродита, рождающаяся из пены, — любовь. Она возникает в неустойчивом тонком слое соприкосновения двух зон, морской и воздушной. Частично — очеловеченная, кристаллизованная, частично — стихийная зыбь.

31

Возвращаясь к объективности: некоторые несложные организмы, размножающиеся преимущественно через телесное сочетание, можно заставить размножаться и так, воздействуя на них каким-либо раздражителем, например, помещая их в раствор большей концентрации, чем обычно. Если они что-нибудь переживают при этом, — надо думать, что — да, — то они переживают наиболее безобъектное сладострастие, какое возможно.

Рыба, идущая при нересте против течения, пока не погибнет, все дальше, выбрасывает икру или молоку, не испытывая телесного соприкосновения. Очевидно, она идет как бы на запах, несомый к ней течением, навстречу ему, и сладострастие ее связано с этим запахом, с концентрацией жизни в воде.

Но все это примеры, выходящие за пределы человеческого опыта.

32

Человек, лежащий на солнце, испытывает сладострастие того же порядка, но несравненно меньшей степени. Более напряженно сладострастие наркомана. Но оно имеет некоторое своеобразие. Оно находится как бы посередине между чувственной судорогой и особым состоянием, составляющим суть искусства, или «экстазом просветления». Наряду с ним, возможно, надо поставить необъятную и невыносимую радость, с которой начинается эпилептический припадок. Во всех этих и подобных им случаях характерно острое ощущение ни с чем несравнимой стройности и прекрасности мира,

его ритмичности и единства. Настигнутый этим как бы слышит мировой импульс или, если пользоваться старинными выражениями, музыку его сфер, мировую «душу». Все это слишком неясно, чтобы можно было сделать окончательное заключение. Но оно заставляет подозревать за живой стихийной тканью, еще глубже, знак, которого она является лишь развернутым изображением. В самой любви могут быть приближающиеся к этому моменты, и только они запоминаются надолго, насколько мы можем измерить, навсегда. Странно, однако, что путь к таким состояниям лежит не через сладострастие или, по крайней мере, не преимущественно через него, а, скорее, наоборот, через отречение от чувственности, бескорыстное и беспредметное страстное уважение. Впрочем, оно может вырасти и из нежности, и из сочувствия. Не дает ли это намек на то, что спектр любви имеет еще невидимую часть, соединяющую оба конца и замыкающую его? Или правильнее представить себе все спектральные линии как расходящиеся ветви единого ствола?

33

В человеческом опыте наиболее напряженным, безобъектным сладострастием будет то, которое испытывается иногда в эротических кошмарах. При нем хотя и имеются воображаемые фигуры, но они играют несущественную роль, дело не в них. Дело в той окраске сна, сладострастной духоте, как бы атмосферической эротике, которая составляет его содержание и потрясает все тело. При этом нет нужды в иных симпатических чувствах любви; наоборот, такие сны сопровождаются обычно отвращением, страхом, гадливостью.

Короче говоря, это, как обычно говорят, развратные и противоестественные сновидения. Той же эротической духоты пытаются достичь и наяву, в оргии.

34

Второе противоречие любви является причиной возможности изолирования сладострастия и вытекающих отсюда недоразумений. Говоря шире, оно вообще дает возможность варьировать до некоторой степени характер любви, вносит в нее частичную произвольность. Ибо, меняя направление внимания или создавая условия для этого, мы можем заставить выступить на первый план объектность либо безобъектность, а в связи с этим и переносить перевес на ту или иную линию спектра любви. Тем самым на человека возлагается некоторая ответственность за его чувства, и недоразумения, перечисленные в параграфе 17, приобретают значение не просто фактов, но фактов, относящихся к поведению, к нравственности. Таким образом, объектность внимания является рычагом управления чувствами любви.

35

Если бы не было этого, то настоящие обиды, выраженные на жалком общепринятом жаргоне, — вроде, например, «тебе нужна не я, а просто кусок мяса», или «ты не хочешь видеть во мне мужчину», или «ты любишь не меня, а мое тело», или «ты относишься ко мне, точно к игрушке», — не имели бы как упреки никакого смысла.

36

Третьим противоречием любви является ее одновременная селективность и неселективность. Она селективна, как симпатия, и неселективна, как чувственность. Тут очевидна связь с объектностью: чем более сосредоточена любовь на индивидуальности, тем труднее перенести ее на иной объект, тем сильнее ощущение ее незаменимости, неповторимости, единственности.

37

Здесь можно привести соображения, параллельные уже бывшим. Сочувствуют не вообще кому-то, но кому-то определенному. Нельзя, скажем, сочувствовать неопределенной женщине вообще. Но испытывать чувственное возбуждение и сладострастие с женщиной вообще, почти любой, конечно, возможно. Представим себе, например, что ночью к мужчине приходит неизвестная ему женщина и в темноте, бессловесно, быть может, даже почти без осязательного знакомства, предлагается телесное сочетание. Вряд ли мужчина откажется от этого, и если откажется, то не без некоторой борьбы с собой. А ведь в этом случае имеется полная неселективность, действует именно безлика, безиндивидуальная женщина, так сказать, женственная ткань сама по себе. И не странно ли вообще: добиваются телесного сочетания именно с этим или с этой, а если в это время ловко совершить подмену, то и не заметит — разницы почти нет. С другой же стороны, можно показать, что и сочувствие может быть очень мало селективным и что даже простейшая живая ткань,

не говоря уже о человеке, испытывающая сладострастие, например, от прикосновения, была бы все же в какой-то степени селективна, ибо и прикосновения бывают резко различны, они имеют свой стиль, и какой-то стиль был бы предпочтен. Эту поправку, кстати, следует внести и в пример с неизвестной женщиной. Одним словом, учтя все обстоятельства, мы и на этот раз придем к выводу, что селективность есть тенденция, простирающаяся на весь спектр любви, но ослабевающая по мере приближения к его правому краю.

38

Имеется много случаев, когда изложенное правило оказывается неверным. В романе Золя, например, Нана притягивает к себе мужчин только сладострастием, но для захваченных ею мужчин она не заменима никакой другой женщиной, они идут ради нее на гибель. Этот случай никак нельзя считать исключительным. Чувственный рай имеет для некоторых всего один вход, совпадает с одной-единственной индивидуальностью. Правильно будет сказать, что симпатия чаще бывает селективной, чем чувственность, но селективность чувственности может зато достичь особой, чрезвычайной силы.

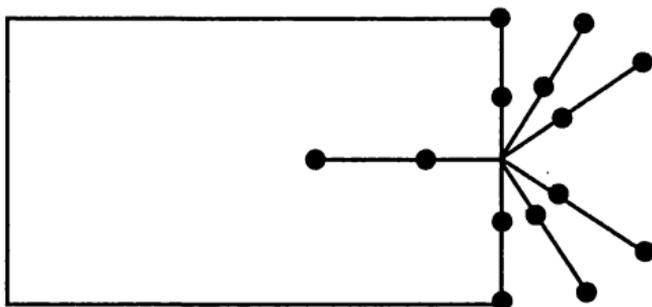
39

То же следует сказать и относительно объектности. Мы утверждаем, что чувственность малообъектна. В соответствии с этим следовало бы ожидать, что вначале имеется смутное чувственное волнение, мощный беспредметный напор, который лишь впоследствии, при

наличии сколько-нибудь подходящего объекта, получает направление. Так и бывает часто. Но часто случается также, что, наоборот, направление является предварительным условием напора. Юноша или девушка не ощущают никакой рассеянной чувственности, вообще не подозревают о существовании чувственных желаний до тех пор, пока сама любовь не подводит к ним. Такая чувственная любовь объектна с самого начала и в большей степени, чем симпатия (ибо объектная симпатия рождается обычно на почве неконцентрированной безобъектной благорасположенности), как раз такая чувственная любовь бывает наиболее сильной.

40

Обозначим объекты точками; более тесным рядом как живую ткань, менее тесным — как тела, еще менее тесным — как личности. Таким образом, их индивидуализация, то есть нарастание различия, будет показана их расхождением. Чувство показано пучком линий: его поперечником характеризуется его рассеянность (безобъектность) или, наоборот, концентрированность (объектность); охват точек этим пучком характеризует неселективность или, наоборот, селективность чувства.

Из чертежа видно, что симпатия остается селективной даже при малоцентрированном чувстве, между тем как сладострастие становится в этом случае уже не селективным; но зато селективности сладострастия свойственна всегда резкая концентрированность чувства, большая, чем необходима при селективности симпатии. Таким образом, чертеж показывает разрешение противоречий, изложенных в предыдущих параграфах.

В чертеже стихия живой ткани обозначена рядом точек, а не непрерывной линией. Это значит, что и в ней имеются некоторые различия, индивидуализация. Действительно, полная безыдивидуализация есть предел, которым живую ткань считать нельзя; поскольку она есть ткань, она не бескачественна, не аморфна и, следовательно, не вполне стихийна.

41

До сих пор мы говорили об относительной селективности, большей или меньшей. Но любви свойственна непременно абсолютная селективность. «Он (или она) более подходит мне, чем все иные, имеющиеся в кругозоре, и вряд ли я встречу еще более подходящего во всех отношениях, ценного для меня», — такое ощущение очень часто, вероятно, в подавляющем большинстве случаев, является основанием сближения людей друг с другом и выдается за любовь. Но любовью это считать нельзя. «Он (или она) вполне, единственно и незаменимо ценен и подходит мне, как если бы мы были созданы специально и исключительно друг для друга, никто из других, известных мне и не известных, не может быть хотя бы частично столь же ценным», — так ощущает любовь.

В абсолютной селективности есть трагичность. Ибо она необходима живому существу, как воздух, без нее мир становится неинтересен, лишается значительности и очарования. Но, рассуждая рационально и практически, очевидно, что абсолютная селективность — иллюзия. Рассуждая практически: чувство приходит и уходит, разлука стирает его, как будто и не было, люди женятся и выходят замуж вновь, забывая своих умерших. И нельзя осуждать их за это: иначе жизнь была бы невысказанной. Пишущий эти строки помнит, как он однажды, уже давно, вместе с еще одним мальчиком потерял уважение к взрослым. Было это так: им стало вдруг ясно, что все умрут, и родители, поскольку они старше, прежде своих детей. Но если любовь чего-нибудь стоит, то как можно мириться с этим и жить дальше? Они удивлялись взрослым, почему те не кончают самоубийством, когда их родители умирают. Им казалось, что сами они поступят так. В этих рассуждениях была прямолинейность, исчезающая при столкновении с жизнью, но не опровергнутая ею. Ибо действительно до сих пор не известно в точности, как вести себя на похоронах близкого или в присутствии его мертвого тела, — от этого всегда ощущается неловкость. На помощь, впрочем, приходят три обстоятельства: театральность, шок и взаимная скидка. Но не стоит останавливаться на этом. Достаточно сказать, что подобные испытания обнаруживают удивительную несерьезность человеческих чувств, при всей их кратковременной бурности, и удивительную, непристойную живучесть тех, кто их переживает. Все это напоминает картину города, который должен был давать дочерьми

и сыновьями дань Минотаврy; там, наверное, тоже грустили по этому поводу и раздирали на себе одежды, что давало некоторое удовлетворение, сочувствовали и не были требовательны друг к другу, ибо всем необходима была скидка, так как все могли попасть в то же положение; наиболее чувствительные падали при получении рокового известия на землю и хватали некоторое время воздух ртом, как животное, получившее в живот удар ногой, но затем приходили в себя и бежали по своим делам.

А может быть, так и следует вести себя: волноваться, собственно говоря, не из-за чего? Не преувеличиваем ли мы неистово, не раздуваем ли своих чувств? Школьные товарищи встречаются спустя несколько лет, и оказывается, что, прежде готовые пожертвовать жизнью друг за друга, теперь они чужды. Вдумавшись, они начинают понимать, что их дружба была основана всего-навсего на том, что они сидели на одной парте или после школы возвращались одним путем домой. Но не на подобных ли случайных обстоятельствах основывается селективность вообще всякой любви? Так думаем мы, судя практически.

43

Рассуждая рационально, мы заключаем, статистически и по сути, что абсолютная селективность неосуществима. Статистически: достаточно сравнить число знакомых с общим числом людей; вероятность того, чтобы <объект> — не говорю уже о наиболее селективно-достойном, но хотя бы среднe — оказался в кругу знакомых, равна почти нулю; следовательно, любовь всегда направляется на малоподходящий объект просто потому, что

более подходящих в наличии нет. По сути: если селективное соответствие имеет степени, то их счет ничем не ограничен, мы всегда можем представить себе еще большее соответствие; искать наибольшее соответствие оказывается столь же безнадежным делом, как искать наибольшее возможное число; и всегда можно найти число, по сравнению с которым имеющееся в наличии покажется совершенно ничтожным, жалким и недостойным внимания. Поэтому-то ощущение «он (или она) хотя и не совершенно, но лучше других» не имеет никакой силы и не может служить основой любви.

В этом трагичность абсолютной селективности: ее не может быть, и, вместе с тем, она должна быть, ибо если ее нет, то, собственно, вообще нет селективности, нет индивидуальной ценности в любви. Но это касается не только любви. В этом трагичность всякого сравнения по величине, всякого количества. Уже одно то, что на свете так много людей, каждый из них все равно, что живая точка в капле воды под микроскопом среди бесчисленных других, — оскорбление. Невероятно огромное пространство мира — оскорбление.

И время тоже оскорбление, главное из всех. Каждый шаг в познании мира, каждое новое открытие, показывающее, что за видимым горизонтом есть еще и еще предметы, было уничтожением человека. Вдуматься хотя бы в то, что существует безмерное море, вполне безлюдное, по которому день и ночь всегда ходят волны, им нет никакого дела до нас, или огромные пустыни, над которыми носятся ветры. Это чувство охватывает человека, когда он остается один на один

с природой или вырывается из узкого привычного круга событий. В этом ужас миграции: представить себя вышедшим на иной берег, сидящим среди неизвестных безучастных людей, говорящих на чужом языке. Нехорошо, как сказано, человеку быть одному. И даже умирать неприятнее всего в гостинице или в бараке, в номерной комнате на безличной, переходящей от одного к другому, поочередно, простыне. Ибо в этом открытое неуважение, без всяких иллюзий. Это чувство уничтожает все ценности, опустошает наслаждение изнутри, лишает их вкуса. Этим чувством проникнут Екклезиаст.

45

Итак, селективность любви есть, очевидно, иллюзия. Но тогда как нелепы и бессмысленны чувства, связанные с любовью: ее волнения, страдания, восторг. Голубю подсунули первую попавшуюся голубку, и вот ему уже кажется, что он хочет только ее, как раз и именно ее, он ревнует, радуется, при разлуке тоскует, может быть, не переживет ее гибели. Впрочем, все это ясно и без сравнений.

46

Не преувеличивается ли вообще ощущение селективности любви? Огромное большинство людей, если судить трезво, совсем не придают этому большого значения. Ведь в действительности, а не в изображениях и описаниях искусства, во все времена дело происходило приблизительно так: надо жениться или нужна временная связь — оглядываются и с помощью третьего лица или самостоятельно устраивают это дело, как всякое

другое. Возьмем, для примера, династические браки, они, в общем, были ничем не хуже других. Брачное объявление в газете производит на нас потому несколько странное впечатление, что уж очень тут все оголено, публично и стандартизировано, по сути же этот способ ничем не отличается от иных, обычных, в общем русле. Помнится, в 1919 году на заборе висела некоторое время написанная от руки записочка о том, что студент, будучи одинок, желает жениться, имеет такую-то комнату. В этом было нечто жалостное, но не отвратительное. Жалостное, очевидно, потому, что удачливые люди устраивают свою, как выражаются, судьбу проще, между дел, без помощи объявлений. Но так же, в конце концов, жалка записка на заборе о том, что преподаватель математики, кончил то-то и то-то, дает уроки за такую-то плату, может сам приходить на дом и т.д. В другой брачной записке выставлялось требование к женщине, чтобы она умела играть на рояле; но тут же в конце было написано, что можно и без этого: попытка селективности очень робкая и сейчас же взятая назад. В общем, можно с уверенностью сказать, что большинство людей если не любви, то, во всяком случае, влюбленности не знало и не знает, может быть, потому, что слишком много отнимала сил у них жизнь с ее трудом или нуждой, или потому что они были заняты иными вещами, или еще по другим причинам. Но, так или иначе, селективности тут не больше, чем при выборе обеда на вокзале: поесть надо, а что поесть, не столь важно.

Если присмотреться, откуда же возникла в этих случаях иллюзия селективности, то окажется, что она ро-

дидась из тщеславия. Гораздо более, чем хлеб и зрелища, необходимо каждому человеку ощущение своей важности, значительности, того, что в обстоятельствах, наиболее близко его касающихся, имеется нечто особое. Поэтому вполне практичные и бесцветные браки все же непременно освящались, театрализовались, насколько было возможно, временные связи романтизировались в собственном воображении. Считается обычно, что охотники врут много; но обо всем, что касается так или иначе телесного сочетания, врут и хвастают еще гораздо больше. В том, что приобрел женщину не просто, а с приключением, специально и таинственно предназначенную тебе, отринув все остальное, есть нечто значительное и лестное. Нельзя также забывать о влиянии искусства. Самое же важное заключается в том, что иллюзия селективности создается обычно ретроспективно. Пока вещь в витрине магазина, она не отличается от остальных. Но, став личной собственностью, она как бы озаряется новым светом, с ней уже не сравнимо ничто, и это затем проецируется назад, она будто была особенной уже в витрине.

48

И все же, разумна или неразумна селективность, но она существует. Даже при спаривании голубей приходится иногда менять самку: с той голубь не хочет спариваться. Обезьяны в зоосаду часто предпочитают отдаваться аутоэротике, чем сходиться с тем, кто им предложен. Зато с каким остервенением дерутся звери между собою за обладание самкой, которая им нравится, — насмерть. Да и люди, как только они оказываются вне обычных, умеряющих условий, дерутся в подоб-

ном случае не хуже зверей. Все это настолько общеизвестно, что селективностью любви пытаются даже объяснить видоизменение животных, говорят о «половом подборе».

Эта селективность безусловно относительная. Ее требования таковы: получить себе как любовницу или жену здоровую особь — с плотными и не слишком тощими ногами и грудями, с более или менее правильным изгибом тела и целыми передними зубами. Хочется еще, чтобы от нее не шел гнилой запах. Этого достаточно, чтобы возникло желание телесного сочетания.

Такие небольшие требования, казалось бы, удовлетворить легко, И малопонятно, почему же за это идет такая ожесточенная борьба. Но нужно вспомнить, во-первых, о том, что самцы весьма жадны и если будешь уступать другим, то их захвату нет предела, останешься без ничего, без возможности телесного сочетания. Во-вторых же, и это главное, захиревших, уродливых гораздо больше, чем нормальных. Так у животных и так еще в большей степени у людей. Почти все переполнены паразитами, недоразвиты, разнообразно искривлены, ободраны, подточены недоеданием или постоянным раздражением, изуродованы и отуплены, в их жилах течет отравленная кровь. Если брать только людей: каждый знает, как трудно встретить мужчину, у которого живот не был бы выпученным, или женщину с необвисшей грудью. Глядя же на лицо, разве не ясно, что оно деформировано, точно в вогнутом или в выпуклом зеркале? Так что при встрече с нормальной особью есть из-за чего бороться, они нарасхват.

51

В основе относительной селективности лежит вполне законное и вполне понятное желание: хочется получить живую, а не дохлую ткань, тело и характер, построенные по их собственному закону, а не сформировавшиеся под влиянием рахита или свалившегося камня, не мешок микробов. Уроdlивое есть нарушение конструкции, грубое вторжение чужого закона. Индивидуализация была перебита, изнемогла и не достигла предназначенной ей степени. Селективность есть браковка, она отворачивается от перешибленного, смятого осуществления, от нечистоты, затемнения, загрязнения кристаллизации живой стихии.

52

Бывает иногда мужчина или женщина как чистый тон флейты, как спектральный цвет, как мост, точно и свободно взлетевший над рекой. У таких в древности спрашивали: люди вы или боги, принявшие человеческий облик? Мы же говорим, что они прекрасны и созданы для любви.

53

К первому измерению кристаллизации, — ступени ее (как живая ткань, тело, личность или поведение), — присоединяется, таким образом, второе: ее выраженность, неискаженность.

54

Весьма важно понять, что относительная селективность еще не образует любви, а лежит за ее пределами,

есть всего лишь вступление к ней: от нее зависит вероятность любви. Сказочный принц околдован, превращен в нищего, прокаженного, осла или лягушку. Чтобы полюбить его, надо его прежде узнать; а может быть, наоборот. Точнее же всего: подозрение, что под этим искаженным обликом скрывается иной, порождает любовь; а любовь дает прозрение, и он превращается, хотя бы в глазах одного живого существа, в настоящего принца; и тогда как же его не любить? Но ясно, что здесь существенно, насколько он околдован, это определяет вероятность возникновения любви.

55

Тут играет роль еще тип, соответствие конституции. Переодетого Одиссея узнаёт собака потому, что у нее есть то, чего недостает иным, — чутье. И живая ткань ощущает не всякую иную живую ткань одинаково тонко. Некоторые лучше чувствуют прелесть шатенок, другие — брюнеток. Но и это лишь условие вероятности любви, хотя практически и очень важное.

56

Жалобы некрасивых. Мы не удались. Мы вышли вялыми. Мы отклонились от нашего пути, как стрелы, встретившие ветер. Или, может быть, когда нас выпускали из лука, тетива его была слишком натянута? Но во всех случаях мы не виноваты. И мы, наверное, хотим жить, чувствовать и пользоваться любовью не меньше других, даже больше. Но мы обречены всегда быть на втором месте. К другим, только потому, что они приятнее на вид, подходят, с ними танцуют, раз-

говаривают. Они отвечают невпопад, а им улыбаются. На нас же никто не обращает внимания, у нас есть богатство, оно пропадает даром. Неправильно придавать такое значение тому, что изгиб нашего тела чуть грубее, оттенок кожи не совсем удачен, мы немного плохо устроены. По отношению к нам совершилась и совершается несправедливость.

57

Некрасивым называется недостаточно, по сравнению с ожидаемым, кристаллизированное. Это может относиться к ткани, к телу, к личности, к сочетанию одного с другим, ко всей индивидуальности в целом. Таково некрасивое в собственном смысле слова: недостаточность кристаллизации из-за недостаточности стихийности. Но может быть и так, что живая стихия, встретив преграду и не одолев ее, как бы вздувается в одном месте, здесь образуется нарост или узел. В таком случае кристаллизация нарушена еще резче, мы назовем это безобразием. От просто некрасивого безобразия отличается тем, что в нем чувствуется чудовищное, оно страшно. Особенно заметно это на стариках: в одних из них видно убывание жизни, в других пребывание смерти, — они еще живут с нами, но уже идет в них кипучее разложение, нетерпеливая, непонятная нам и ужасная суета, трупная жизнь. Первые некрасивы, вторые безобразны. Сочетание же того и другого можно назвать уродством.

58

Действительно, не к некрасивому, а к безобразному или уродливому чувствуют отвращение. Безногих,

слепых, сухоруких, горбатых, изъеденных проказой всегда ненавидели все остальные, и, говоря по правде, не без основания. Что-то особенно злобное и бессмысленное можно подметить в выражении лица и тела этих людей. Хотя откуда бы этому взяться? Человеку, например, отрезало ногу трамваем. Конечно, человеческий кристалл потерпел убыль. Но, собственно, он должен был стать просто некрасивым, а не безобразным, ибо есть потеря, а не нарост. Но, приглядевшись, мы найдем бугор. Он там, где была прежде нога, — теперь новое грубое мясо. Он безобразен, этот бурный анатомический нарост. Но если мы его не видим, то увидим физиологический, а ему, конечно, соответствует и психологический. Безногий, пока он сидит или лежит, некрасив. Он становится безобразным, когда он начинает передвигаться. О, эта ужасная, плюющая на все непристойная живучесть! Полчеловека уже не человек, а какое-то иное непозволительное существо, рачья клешня. Он будет бойко бегать на костылях или катиться на колесиках, приделанных к туловищу, гребя руками, или ползать ужом, на животе, на боку, на плече, как угодно, лишь бы не погибнуть, не застрять на месте, не остаться одному.

59

Стоит все же отметить, что имеются и такие, для которых в некрасивых таится особая прелесть. Ощущать, как краснеет от твоего прикосновения некрасивая девушка, как она оголяется, преодолев смертельную стыдливость, и против воли показывает всем своим существом, до чего она изголодалась, — в этом, говорят они, есть особая заманчивость.

60

Многие женщины не лгут, когда утверждают, что им нравятся некрасивые мужчины. Их действительно возбуждает примесь безобразия. То же о мужчинах. Поэтому-то обычно расходятся мужская и женская оценка красоты женщины; так же и красоты мужчины.

61

Ответ некрасивым. Они утверждают, во-первых, что красота не характеризует человека по сути и поэтому не по внешнему виду следует судить; во-вторых же, — что не они выбирали себе наружность и поэтому не ответственны за нее. Они не правы. Они смотрят на свою наружность, как если бы она была напяленная чужой силой одежда. Чтобы ответить им, нам надо узнать происхождение наружности.

62

Конечно, внешность характеризует человека. Недаром нам всегда так хочется увидеть интересующего нас человека, можно годы переписываться с ним, и все же нет чувства, что его знаешь, пока не увидишь его в лицо. То же ощущение на маскараде. С другой стороны, нелепо было бы представить себе, что этот человек вполне трансформировался внешне и остался все же собою. Так не может быть.

63

Евреи не допускали к исполнению жреческих обязанностей людей с физическими недостатками. В Древней Греции, да и не только в ней одной, трудно было некрасивому занять высокий государственный пост.

Конечно, внешность не характеризует человека, главного, что в нем есть. В кино, например, на роли великих людей берут их ничтожных двойников. Никто не может определить по лицу, добр ли человек, его способностей, его своеобразие. Когда же пробуют, часто ошибаются. Внешность, говорят, обманчива.

В связи с этим нельзя говорить о вещественности как о свойстве, зависящем от стихийности (наиболее вещественна живая ткань, менее — тело, еще менее — личность). Наоборот, вещественность заключается в определенности, то есть нарастании отличий, то есть расхождении, кристаллизации, индивидуализации (наименее кристаллизована живая ткань, более — тело, еще более — личность). Это противоречит общепринятым взглядам. Но общее принятое представление судит о вещественности по следующим трем признакам...

<Первая половина 1930-х>

Головокружение

1

Я хочу сказать о головокружении. Это чувство испытывает каждый. Следовательно, казалось бы, оно известно, не может быть спору о нем. Но на самом деле это не так. Много есть вещей, которые все переживают ежечасно и все же не знают, не улавливают их. Например, — думать. То же и о головокружении: оно неизвестно.

2

Если спросить, что такое головокружение, то ответ будет: это когда все начинает вертеться вокруг тебя и качаться под тобой.

Но этот ответ не верен.

На корабле, на карусели, на «чертовом колесе», при аттракционе «вращающаяся комната», для летчика, когда самолет переворачивается через крыло, — для каждого из них все начинает вертеться и качаться под ним. Но это ощущение еще не есть головокружение: оно может привести к головокружению, но само не есть оно.

Если бы это было не так, то не было бы разницы между тем, у кого закружилась голова на карусели, или на корабле, или в самолете, и у кого — нет.

3

На сказанное могут возразить: одно дело, когда действительно имеется вращение, свое или обстановки; и другое, когда оно иллюзорное, его только чувствуешь, но понимаешь, что его нет. Последнее и есть головокружение.

Но это не верно: тут дело не в понимании, не в мысли, а в ощущении.

Да и бывают такие случаи, когда не понимаешь, что вращение иллюзорное, и все же есть ощущение головокружения. Так бывает с тем, кто испытывает в это время действительное вращение, маскирующее иллюзорное, — на самолете, на карусели. Так бывает также с тем, кто впервые в жизни испытывает головокружение: в первый момент он принимает вращение за действительное; но уже в этот первый момент есть ощущение головокружения.

Таким образом, ощущение вращения не есть или еще не есть ощущение головокружения.

4

Можно к этому выводу прийти и другим, более простым путем: приглядеться внимательно к самому ощущению головокружения.

Но прежде, чем сделать это, определим точно, в чем состоит ощущение вращения.

Ощущение всякого движения, в том числе и вращательного, состоит из двух связанных друг с другом ощущений: смены и направления.

Если мы, скажем, стоим на перроне, устремив взгляд прямо вперед, на вагон, то мы ощутим движение поезда тогда, когда та часть вагона, которую мы видели до тех пор, сменится иной, один вагон пройдет за другим мимо глаз. При этом с несомненной достоверностью ощутится и направление движения: слева направо или справа налево.

В этом случае движение было уловлено глазом. Оно могло бы быть уловлено и наощупь, пальцем. Принципиальной разницы здесь нет.

Важно то, что при движении имеется всегда ощущение смены и направления.

Вспомним, имеются ли они при головокружении.

5

Об ощущении направления.

Иногда оно имеется, например, после карусели, вальса, вообще после реального вращения.

Иногда же его почти или совсем нет.

При качке или опьянении стены комнаты (каюты) начинают плыть. Но спросите пьяного или страдающего морской болезнью, куда они плывут, вправо или влево, вверх или вниз, навстречу или вдаль, — он затруднится дать ответ.

Так же при дурноте: чувствуешь, что уплываешь, а в какую сторону, не чувствуешь.

Если верно, что при головокружении имеется ощущение вращения, то это вращение, это движение очень странное: оно не имеет направления.

Бывает ли такое движение?

6

О смене одних предметов (или частей их) другими. Его при головокружении нет. Как бы ни кружилась голова, все равно, если смотришь на дверь, будешь все время видеть дверь, на смену ей не придет никакая соседняя часть стены.

7

Получается, следовательно:

с одной стороны, все утверждают, что при головокружении ощущается вращение, движение обстановки;

с другой стороны, чувство движения состоит из ощущений смены и направления;

но при головокружении первого ощущения — всегда, а второго — часто нет.

Непонятно, почему все же возникает иллюзия, будто имеется ощущение вращения.

<Нач. 1930-х>

СНЫ

1

Я вижу сны очень редко. Написав это, я должен сейчас же сделать поправку: я вижу сны часто, может быть, даже всегда. Но я их почему-то сейчас же забываю, в самый миг просыпания. Может быть, тут виной моя очень слабая зрительная память: ведь сны «видишь». А может быть, причины глубже: сны не хотят выдавать своей тайны и сразу уходят в забвение. Если это так, то они очень предусмотрительны: я бы уж принудил их к откровенности, только попадись они мне!

И даже те немногие сны, которые я запомнил, — это только обрывки. Самое существенное, очевидно, потеряно. Вернее, это не сами сны, а оставшиеся в памяти их краткие сюжеты. Поэтому судить о их подлинном смысле нет возможности, слишком мало материала.

2

Первый сон относится к самому раннему детству. Будто я засыпаю, и мне поют: «Баю-баюшки-баю, не ло-

жись ты на краю, не то волк придет и тебя унесет». И вот, действительно, с другой стороны комнаты выходит мужчина, помнится, дядя, и он же — волк. Он приближается ко мне, и это страшно.

3

В изложенном сне имеются достопримечательности. Ведь я вижу во сне, что я засыпаю. Засыпание — это, конечно, картина счастья: тепло, уютно, мягко. Эта минута была еще сладостна и потому, что меня чаще всего укладывала спать, наверное, мать. Так что это была как бы минута любви. И вдруг все это нарушается тем, что подкрадывается нечто чуждое: мужчина. С ним, очевидно, связано что-то грозное, недаром он в образе волка.

4

В детстве меня мучили кошмары. Без них, кажется, не обходилась ни одна ночь. Удивительно, что я забыл их.

Впрочем, один кошмар я помню, в очень общих чертах. Вот он: у нас на кухне, за окном, находится страшное чудовище (какое именно, не помню).

Что можно сказать по этому поводу? Очень мало.

Кухня — это место неведомого соприкосновения с внешним миром: там находится черный, задний, ход, который не для ребенка. На кухню вообще не рекомендуется ходить. Окно там не похоже на остальные окна квартиры, за ним разные странные вещи, и это окно чаще открывается. Вместе с тем в кухне есть что-то таинственное и привлекательное. И вот отсюда-то, че-

рез этот наименее защищенный фронт, проникает какая-то грозная сила.

5

Другой кошмар, относящийся к тому же времени.

Я еду в поезде. Он идет тихо, в нем сумрачно и тускло. И вдруг поезд тормозит и останавливается, явно не на станции, а посередине пути. Дверь сама собой открывается, и входит темнота, и пустота, и еще что-то страшное, что не знаю. Входит ветер или сквозняк и гасит свет.

6

Отступление о поезде.

В детстве я очень любил поезд, путешествие в нем представлялось мне совершенным счастьем. Тут и полная беспечность, все для тебя уже уготовано, и необычность, и ощущение свободы. А это мягкое укачивание, потрясывание! И могущество: ты мчишься мимо мира, это как бы полет. Да, это настоящий рай, может быть, напоминающий тот первый рай, когда ты был младенцем, тебя кормили и качали.

Недаром принято было совершать «брачное путешествие».

Вместе с тем поезд — это образ самой жизни. Помню, мы с сестрой как-то играли в детстве: бог дает каждому железнодорожные билеты, и на них написана предстоящая жизнь.

Любовь к реальному поезду у меня со временем ослабела. Но представление о нем осталось и посейчас то же.

Есть предметы, в которых я ощущаю какую-то значительность, тайный смысл. Например: тюбики, трубы, крытые галереи, винтовые лестницы, коридоры, жуки, бабочки, высокие дощатые заборы, вокзалы, ванна.

Среди них и поезд. Знаками счастья служат для меня: поезд, беседа с разноцветными стеклами, моторная лодка в море, полет в цирке на трапециях, свеклосахарные плантации.

7

Вернемся к сну. Тихий, унылый ход поезда — это предчувствие неотвратимого, обязательного несчастья. В торможении есть чувство беспомощности, сердце замирает, не за что зацепиться. Холодный ветер, отворяющий дверь, входящая с ним темнота и пустота — это, конечно, смерть.

8

В детстве, уже более позднем, у меня бывало изредка, наяву, странное состояние: как бы нарастающий, становящийся невыносимым, готовый вот-вот все захлестнуть внутренний шум. Но это только было похоже на шум в ушах, на самом деле тут не было звукового ощущения. Нечто подобное тому, что испытываешь, когда с силой, все повышая тон, завывает сирена.

Почему-то это символизировалось у меня так: две старухи, надсаживаясь, кричат друг на друга.

9

Первый эротический сон: дикарь подымает меня на руках высоко в воздух. Было страшно, ощущение себя маленького, болтающего ногами, беспомощного.

Недавно я понял, — без рассуждений, но с чувством достоверности, — что в образе дикаря воплотился отец.

10

Последующие сны такого рода тоже были странными. В одном участвовал какой-то шерстистый зверь. В другом меня усадил на колени царь Николай II, — впрочем, не помню, далеко ли зашло ощущение, но эротическая нежность, во всяком случае, была.

С женщиной таких снов было необычайно мало, и они почему-то были замешаны на отвращении.

Потом они вообще прекратились, возможно потому, что не было воздержания.

11

Довольно часто в моих снах фигурирует тот или иной властитель страны, и почему-то во сне к нему нежность.

12

Мне снился сон в стихах. Я запомнил из него две строки, «дважды вставал океан, и дважды бурые руки, бурые руки из мглы его оседлали».

13

«Mutter, mir ist Angst, das ich kein Vater habe»*. Тоже из какого-то сна; и, наверное, безграмотно.

* Мама, мне страшно, потому что у меня нет отца (*искаж. нем.*).

14

Сон, записанный давно.

С высоты, через воду, совершили мы (я с товарищем) рискованный прыжок и попали на лед. Я сошел с его плеч, и мы поцеловались. Потом мы побежали по переходам, ступенькам, коридорам, открывая, как знали, задвижки дверей. Мы были уверены, что нас хорошо примут, потому что видели наше прибытие, и мы скажем: «Мы – two artists» (по-английски – два художника). Это была винтовая культура, винтовой мир.

15

Тоже записанный сон.

Шеф был очень растерян: он звал каждого из нас поодиночке в комнату и там подводил ему глаза. Мы бегали, как ошалелые гимназисты; из одного конца коридора в другой. Как чужды мне эти люди, чувствовал я. Выйдя на улицу, я увидел знакомую, я узнал ее по пальто и по росту и хотел догнать. Но она вошла в углубление, в Пассаж, я ее не догнал. У входа в Пассаж стояли две женщины, мать и дочь. Я предложил проводить их, мне было по пути. Когда пошли, одна из них сказала: «В Москве милостыню подают только те, у кого плохие перчатки». По смыслу, очевидно, бедные. Не нищие ли они, подумал я, они были плохо одеты. Дочь была привлекательна, милая. Я спросил ее на ухо: «Откуда, кто вы?» Она ответила несерьезно: «Из Смирны. Вы ведь не знаете, где она». Но я знал: в Турции. Тогда она сказала: «Мы из Вятки, там у нас поместье». Проходя мимо дома, где живет мой товарищ, я услышал, что из верхнего окна несется скорбная и торже-

ственная музыка скрипки. Мне стало тяжело: я понял, что над ним играют глубокой ночью потому, что он умер: он лежит посередине комнаты на полу, и кругом него люди; но он не умер, а сошел с ума...

Думаю, что этот сон, как и предыдущий, можно было расшифровать только по свежим следам, связав с какими-то событиями дня. Теперь же смысл утерян.

14

Мне часто снится преследование.

15

Стереотипный сон: опоздание на поезд. Особенно упорно снился, когда женился в первый раз.

Я объяснил себе этот сон элементарно физиологически: перенапрягал силы, наслаждение, за которым гонишься, а оно убегает. Но сейчас я склонен думать, что смысл его шире и абстрактнее: пытаешься схватить жизнь, любовь, счастье, а оно ушло.

16

Когда умер отец, мне он вскоре приснился пришедшим с того света, налитым какой-то тяжелой силой и энергией, как бы наэлектризованным. Он протягивал мне руку, и я знал, что мне не следует к ней прикасаться. У него была странная, быстрая, но косолапая походка.

Недавно, припомнив этот сон, я поразился: да ведь это же повторение ситуации «Статуя командора и Дон-Жуан».

17

Я вскоре увидел сон: будто я ласкаю мужчину. «Вот уж в этом никак не бывал грешен!» — говорю ему, смеясь. И вместе с тем понимаю, что мужчина — именно та женщина...

Смысла сна не понимаю.

18

Недавно видел если не опоздание на поезд, то ожидание поезда. Будто у нас с женой пересадка, поезд стоит еще на запасном пути, ждать его надо много часов. Суeta на вокзале. Мы вешаем свои пальто за какой-то стеклянной перегородкой, я должен следить за ними через стекло. Но толпа их затеняет и их крадут. У меня ощущение беспомощности, вины и отчаяния, и я говорю жене: «Теперь только мы остались друг другу!»

19

Будучи в Москве, писал счет за командировку и вместо «В Детиздат» написал по рассеянности «В Детизад». Глупо и пошло!

20

И снова сон: ожидание поезда. Участвовало какое-то маленькое суетливое животное, какое — не помню. Оно было чем-то нужно и полезно, но надоело мне и я сбросил его в пролет лестницы, оно упало на спину. Я не знал, разбилось ли оно. Потом пошел вниз к поездам. На пути встретил знакомую, она несла подушки...

Жаль, что запомнил только меньшую часть сна. Если бы были подробности, наверное, его можно было бы объяснить.

21

Я был прав: сны я вижу каждую ночь. Для того, чтобы запомнить сон, есть только одно средство: рассказать его себе в самый миг просыпания, т. е. перевести его из зрительной формы в словесную. Может быть, впрочем, в моем забвении снов играет роль еще та общая тенденция не вспоминать никогда прошлое, которую я давно выработал в себе. Так или иначе, я еще запаздываю с рассказом себе сна в миг просыпания, из-за этого большая его часть успевает уже улетучиться. Но, думаю, эту привычку можно развить в себе, и тогда я буду удерживать сны в памяти.

22

На улице какой-то парень с уродливо короткими руками-обрубками подошел не то к милиционеру, не то к военному и ударил его. На него кинулись с нескольких сторон, он бежал, его догоняли, били, он снова вырывался и бежал. Потом он объяснил нам, мне с женой, свой поступок так: в очереди он уступил свое место другому, а его не поняли и приняли за нарушение порядка.

Здесь ясна только конкретизация выражения «руки коротки». Остальное непонятно.

23

Дело происходит в каком-то большом, старом, сводчатом здании, где помещается учреждение, кажется,

военное. Я предлагаю, чтобы в здании произвели ремонт, так как многое в нем пришло в разрушение и стало неудобным. Я почему-то заинтересован в этом и материально, от этого чувствую себя несколько неловко и унижительно. И от этого говорю слегка витиевато, именно: напирая на то, что это мне выгодно, но полусуто замечаю, что ведь это не противоречит объективной необходимости ремонта, перестройки. Чувствую, что моя речь не доходит, меня слушают настороженно. Появляется заслуженный писатель М. Он что-то говорит о «поросычем лице», что именно — не помню. Я понимаю, что это косвенно против меня, и сразу отвечаю: «О чьем поросычем лице вы говорите, о своем или о моем?» Это почему-то звучало во сне остроумно и дерзко, я знал, что этого он мне не простит. Но заведующая, с которой я говорил о ремонте, мало обращает внимания на меня, отвлекается разговорами с другими. Тогда я решаю уехать. Я еду на трамвае, мне нужно пересест на другой трамвай, чтобы попасть на вокзал и уехать домой. Я вспоминаю, что часть своих вещей я забыл в том учреждении. Да и те, что со мной, уложены как-то нелепо, тоже теряются. Какой-то сосед помогает мне их отыскать и уложить правильно.

24

Изложенный сон связан опять-таки с ожиданием поезда, стремлением уехать.

Элементы сна поддаются расшифровке. Здание — это издание, вернее переиздание (старое, я хочу его перестроить, мне это выгодно), Что касается «поросычьего лица», то это как-то связано с НАЗ. Потеря вещей — потеря благосостояния, страх бедности, который вла-

деет мною и наяву. Поезд, который доставит домой, — это жизнь, соответствующая моим склонностям, независимая, которой мешают материальные заботы.

Но в таком виде сон не открывает ничего нового.

Смысл этого сна, очевидно, тождествен смыслу того, который изложен в § 18. Там жизнь — на запасном пути, еще долго не начнется, не тронется, приходится мне участвовать в чуждой суете, материальный урон.

25

«Отец» живет высоко, в доме, который по всем признакам новостройка. Я написал в кавычках, потому что этот человек ничем не был похож на моего реального отца. Какие у нас отношения, для чего я к нему пришел, все это, к сожалению, забыл. Но помню чувство отдаленности, сложности, даже какой-то дипломатичности отношений, что-то я должен был сделать. Помешало следующее обстоятельство: мне сообщили по телефону, что больна моя первая жена. Потом пришла женщина с тем же известием. Я спросил: может быть, положение серьезнее, чем мне говорят? Да, это так: заражение крови после аборта, она уже не узнаёт никого, обречена. Я спрашиваю, как же будет, ведь ей нельзя там оставаться, все обнаружится. Мне отвечают, что ее тело после смерти перенесут тайком в другое место. Я спешу, чтобы застать ее еще в живых. Отец выходит из уборной, заходит в ванную комнату, очевидно для того, чтобы вымыть руки. Я подхожу к нему и говорю, что мне надо идти, он меня, наверное, извинит, если бы не такое обстоятельство, я бы выполнил обещанное. Мельком я замечаю, что кисти рук у него отрезаны. Дальше следует какая-то ерунда, я даже не

уверен, видел ли я это во сне или примешалось потом при просыпании: он лежит, я целую его в шею, а рукой касаюсь женской груди, т. е. он, выходит, женщина. Я выхожу поспешно из дома и думаю с тоской, почему я не узнал толком, какими трамваями ехать, я, наверное, запутаюсь. Очевидно, дело происходит в чужом городе.

26

Относительно изложенного выше сна.

В момент просыпания я понял с несомненностью, что «отец» — это тот врач, у которого я однажды лечился от уретрита. Сходство внешнее: по профессии. Но, может быть, сходство гораздо глубже: в тот момент, когда я обращался к врачу, я был напуган, от его ответа зависело многое; да и сама техника лечения ставила меня в какое-то зависимое и унижительное положение...

«Живет высоко в новом доме» — это может означать просто: на небе, на том свете. А может быть, здесь все та же глупая игра слов «здание — издание»: этот врач был для меня отцом «в новом издании».

Что касается аборта моей первой жены, то действительно он грозил тогда осложнением и действительно отец имел к этому причастие, хотя и отрицательное: он тогда отказал мне в деньгах, «умыл руки».

Об отрезанных кистях рук: любопытно, что это повторяет мотив сна, изложенного в § 22. Очевидно, и там это имело значение не просто «руки короткие», а более глубокое. Возможно, что это связано с «умыл руки» — как возмездие. Но, между прочим, ведь и врач после процедур лечения умывал руки. Процедура же была специфическая. Так что, возможно, это возмездие совсем по иному поводу...

Что касается двух последних мотивов: мужчина, который есть женщина, и приготовления к поездке, то они были уже в прежних снах и остаются, как и прежде, темными.

27

Моя сестра больна и считает свое положение безнадежным. Я, утешая, обращаю ее внимание на то, что рост ее ненормально высок, особенно верхней половины тела. Действительно, она раза в полтора выше обычного человека. Основываясь на этом, я ей объясняю, что ее болезнь связана с внутренней секрецией, не обязательно приводит к смерти и должна поддаваться лечению...

Поводы для этого сна: в романе Беляева врач, преступно экспериментируя над пациентом, приводит к бесконечному росту его ног (вместо отрезанных); у моей сестры когда-то был зуб, т. е. расстройство внутренней секреции.

Смысл сна непонятен.

28

В чужом городе, в большом высоком доме, я нечаянно заставляю открыться дверь квартиры, в которой живет М. Он сам открывает дверь и выходит на площадку. Он любезен, но все же не приглашает меня к себе. В разговоре я настаиваю на тщете внешних успехов, карьеры и богатства, они, по сути, ничего не дают, в нашем городе это особенно ясно. Это направлено против него, но он все же, вероятно, только внешне соглашается. И вот я еду в трамвае в другое место и замечаю, что я потерял адрес — выбросил записку или

вычеркнул на ней [адрес] того дома, куда мне нужно. Я выхожу и почти случайно оказываюсь перед огромным домом, он-то мне и нужен. Кажется, я в нем проживаю, м. б., это гостиница. Я вспоминаю, что перед отъездом хотел зайти к живущему в этом доме врачу-урологу. Я думаю: мне будет больно при исследовании. Но нельзя же упускать такой случай, больше мне не представится случая попасть к этому известному врачу. И я иду. Но, кажется, я забыл его дверь.

29

И по общему характеру, и по отдельным деталям этот сон родственен многим предыдущим.

Несомненно, что М., отношение к нему — это отношение к отцу. Смесь ненависти и нежности к нему, настороженность, заставляющая говорить с ним обдуманно, косвенно возражая и переубеждая его, чтобы не вышло, что я ему подчиняюсь, сдаюсь. Он предомною виновен явно и сильно, но и я перед ним виновен где-то еще темнее и непонятнее — чувство обоюдного недоразумения.

Потеря адреса или его вычеркивание может быть подсказано уничтожением моих записок при прощании с ИАМ. Но и он тоже замещение отца, и в его руках, казалось, был ключ к устранению упомянутого недоразумения, к отцу.

Поиски огромного дома в чужом городе: в Москве я искал дом техреда, чтобы восстановить нужное мне утерянное дело, и дом Н. Н., где единственно я мог надеяться на радушный прием, на что-то родное.

Врач-уролог, конечно, тот же отец. И снова какая-то связь с болью, повреждением в определенном мес-

те. Ведь повода для этой детали сна нет, подобного исследования я никогда не испытывал.

Проснувшись, тотчас же ощутил, что когда-то, не то наяву, не то во сне, я забыл квартиры двух милых мне женщин и из-за этого не сумел их найти.

29

Несомненно, что отрезанные руки — это другой образ отрезанного ствола, лишения мужественности. Это относится не только к снам § 22 и 25, но и § 16, ведь он хотел захватить мою руку. В этом смысл ситуации «статуя командора».

21

Я раздражаюсь, когда мне накладывают в тарелку хотя бы чуть больше, чем я хочу. Это явно запоздавшее восстание против родительской власти.

По правде говоря, как только меня просят о любой мелкой услуге, во мне сейчас же возникает внутреннее сопротивление. Почему? Смысл просьбы о любезности: «Вы меня любите и поэтому должны сделать это». Это основа родительской власти, и с ней-то я продолжаю запоздалую борьбу.

Что касается путаницы женщины с мужчиной во снах, а также путаницы страха с эротикой, то припоминаю, что в детстве по отношению некоторых мужчин, например директора гимназии, являлись вдруг шальные мимолетные фантазии — поцеловать его или, наоборот, кинуться на него и убить, — фантазии совершенно беспричинные.

22

Будто я встретил на улице какого-то знакомого врача и, воспользовавшись случаем, рассказал ему о моих неприятных физических ощущениях. Он отверг все более серьезные предположения и счел это за осетрит. Впрочем, кажется, и осетрит требует операции.

23

Ласкал с некоторым удовольствием женщин (кажется S.), обладающих стволами, т. е. андрогинов. Стволы по виду напоминали скорее присущие животным.

24

Т. купила мне радиоприемник за 3300 р., но не спросила, как им управлять. Мы в магазине, спрашиваем об этом. Там стоят много таких же приемников «Минрей». Но то ли нас плохо обслуживают, то ли по чему другому, правильное присоединение приемника не ладится. Наконец я, выйдя из терпения, говорю, что торчу здесь уже с 12 ч. до 3 ч. Нет, отвечают мне, на самом деле пять часов, с 10 ч. Я иду искать директора магазина. Для этого надо подняться по лестнице. Открываю дверь, но директора нет, в большой комнате сидят три врача и обследуют трех пациентов. Спускаюсь вниз по лестнице и попадаю в какой-то склад с материалами. Беру зачем-то кусок материи вроде войлока, но потом, поднимаясь и путаясь в лестницах, бросаю его. Снова заглядываю в ту комнату, но директора, как и прежде, нет.

25

«Осетрит» могу объяснить только как сочетание «соматический» и «уретрит». Одна рыба вместо другой. Или, быть может, намек на то превращение, которое испытывают рыбы при нересте?

26

Два сна об одном и том же.

27

Утесов пел, и это было совсем плохо, когда-то он пел все же лучше. Он заметил это по моему взгляду. Потом был откровенный разговор с ним, и он жаловался, что ему плохо, хотя этого не замечают. Я ответил, что это бывает, такой кризис у мужчин около сорока лет. Но он сказал, что ему меньше. Я, стесняясь спросить, сколько именно, высчитывал, что мне 28 лет, а он старше лет на десять, ему, наверное, 38. Я думал, что это какой-то сложный кризис, и подходил к этому как врач, но он сказал, что дело не в этом: его преследует привидение. Я отвечал, что я понимаю, как это неприятно: ведь даже когда щенок привяжется и не отстает, идет следом неотступно, визжит, как будто хочет сказать что-то важное, а что — так и не узнать, это неприятно. Но лечиться все же надо, есть ли привидения или нет, — в первом случае потому, что они приходят на готовую почву, во втором потому, что в привидении воплотилась болезнь.

28

Утесов просто персонификация богатства и успеха, т. е. власти над реальностью, т. е. отца. Оппозиция по отношению к нему: кто из нас прав. В дальнейшем путаница лет означает рассматривание его уже не как его, а как себя (в недавнем случайном разговоре с одной женщиной: ей 28 лет, а я подумал, что я лет на десять старше — ощущение возраста). И значит, о себе: дело не в возрасте, а в том, что меня преследует нечто, смысл чего я не могу понять. Поскольку это нечто персонифицируется привидением, это касается, следовательно, опять-таки отца (тем более, что недавно, кажется, вспоминал тень Гамлета — «крот»).

29

Будто АИ с кем-то еще купают меня в ванне. Не ладится: пробка выскакивает и вода то и дело уходит из ванны, густая и темная, как нефть. Было смешно...

Возможности объяснения: АИ должна была редактировать мои очерки. «Не выплеснуть младенца из ванны вместе с водой».

30

Мне снилось, будто я вижу сны и, рассказывая их Т., проникаю в их тайный смысл. Запомнилось только, что там участвовало маленькое неприятное существо, вроде скорпиона, с типичным для него длинным, слегка изогнутым жалом, и, объясняя смысл этого образа сна, я упоминал, между прочим, о луне.

Теория слов

I

Состав слов

Согласные — семена слов

В древней письменности была особенность: писались в строку только одни согласные, а гласные либо совсем пропускались, либо обозначались над или под строчкой, как будто существенного значения они не имели и нужны были только для уточнения согласных, для придачи им разных оттенков.

Откуда могла пойти такая особенность? В теперешнем нашем алфавите согласные не имеют никакого предпочтения и, по нашим воззрениям, все буквы одинаково важны, равноправны.

Теория слов объясняет этот странный закон древней письменности и оправдывает его.

Теория слов считает согласные теми семенами, из которых выросли первые слова языка. Сколько было согласных, столько образовалось и первых, исходных слов.

Шесть видов исконных согласных

Исконные согласные, те, которые лежат в основе языка и создали его, были разнообразнее нынешних. Кроме того типа согласных, которые существуют и теперь (например, П, Т), были и такие, которые мы бы выразили теперь через сочетание согласной с Р (например, ПР, ТР), и еще такие, которые мы выразили бы через сочетание согласной с Л (например, ПЛ, ТЛ).

Для нашего слуха это составные звуки; тогда они ощущались простыми. Так, теперь звук ДЖ ощущается итальянцами как простой, русскими — как составной.

Каждый из трех типов исконных согласных мог варьироваться в зависимости от присоединения той или другой гласной. Таких вариаций по гласным было тогда гораздо меньше, чем теперь, — всего две. Наверное, было два способа произношения согласных, два оттенка их: широкое и узкое произношение; в русском языке этим двум произношениям соответствовало присоединение к согласной Ы или Е.

Таким образом, было всего шесть видов исконных согласных. Можно сравнить язык с таким роялем, в котором около двадцати клавиш — согласных; три регистра, варьирующих звук клавиш; да еще две педали — гласные.

Для русского языка подсчет дает около 120 семян слов, давших такое же количество первоначальных слов.

Печать смысла

Семена слов еще не сами слова: в них нет смысла. Это просто звуки, ничего не обозначающие или, вернее, означающие только то, что они и есть на самом деле: усилие, выраженное голосом.

Слово же имеет значение; тут звук отбрасывает как бы тень от себя, смысловую тень.

Такие звуки должны были непременно приобрести в своем произношении некоторое отличие от просто физиологических звуков, знак нарочитости.

Этого можно было достичь разными способами; например, простым повторением звука, удвоением; таких слов можно много найти в детском языке. Но этот способ словообразования не дает достаточного разнообразия, необходимого языку.

Гораздо удачнее другой способ: одно из семян слов становится смыслоутверждающей частицей, как бы всеобщей печатью языка, которая прикладывается ко всем остальным семенам слов и, становясь вторым их слогом, свидетельствует об их зачислении в настоящие слова.

Такой частицей для русского языка будет ТИ (видоизмененное ТЕ, к нашему времени сократившееся в ТЬ).

Как золото выделилось из всех других богатств, став знаком богатства вообще, и сравнение с ним придает вещи цену, показывает, что она включена в коммерческий круговорот, так и присоединенное — видимо или иногда невидимо — ТИ показывает, что звуку придан смысл, он включен в круговорот языка.

Таблица исходных слов

Теперь мы можем составить таблицу исходных слов или, как можно сказать иначе, слов первого поколения. Для этого надо выписать все исконные согласные, варьированные по гласным, с присоединением к ним ТИ.

БЫТИ БЕТИ БРЫТИ БРЕТИ БЛЫТИ БЛЕТИ
 ВЫТИ ВЕТИ ВРЫТИ ВРЕТИ ВЛЫТИ ВЛЕТИ
 ГЫТИ ГЕТИ ГРЫТИ ГРЕТИ ГЛЫТИ ГЛЕТИ
 и т.д.

Все слова, произошедшие от одного и того же исконного слова, будем называть словами одного рода. Всех родов будет столько же, сколько теоретически возможных исконных слов, — 120. Но так как не все эти слова произносимы в действительности и не все из них использованы в языке, то родов будет меньше: примерно сто.

Такова таблица исходных слов; она дает ключ ко всем словам языка; сто родоначальников дали жизнь бесчисленному ныне населению языка.

Родовой элемент

Семя слова неуничтожимо и присутствует во всех словах своего рода; поэтому мы можем назвать его родовым элементом слова.

Если мы возьмем любое слово (отбросив, разумеется, все его приставки) и посмотрим на его начальную согласную или на две начальных, перед нами обнажится родовой элемент слова, станет ясно, к какому роду оно принадлежит и как произошло, от какого исходного слова.

Слова хранят в себе свою историю; каждое слово хранит, точно тщательно запеленав, свою изначальную древность; слова передают друг другу при рождении свой родовой элемент как наследственный признак.

Пример обнажения родов элемента

Если от слова «предпочтение» отнять всю его индивидуальную, так сказать, соматическую часть, оста-

ется всего-навсего ЧТ; первой буквой будет Ч; это и будет родовой элемент слова «предпочтение»; и, значит, исходным словом, от которого оно произошло, может быть только — или ЧЫТИ, или ЧЕТИ. Какое же из двух? Чтобы решить это, надо восстановить родословную этого слова, выписать тот словесный ряд, к которому оно принадлежит. Конец этого ряда ясен, потеряно только начало. Вот этот ряд:

... — ЧИТАТИ — ПОЧИТАТИ —
ПРЕДПОЧИТАТИ — ПРЕДПОЧТЕНИЕ.

Что же было перед ЧИТАТИ, откуда оно произошло? Найти не трудно: и в русском и в древнерусском словаре имеется слово ЧЕСТИ́ (др. ЧЬСТИ́) — читать. ЧЕСТИ-ЧИТАТИ // МЕСТИ-МЕТАТИ // ЦВЕСТИ-ЦВЕТАТИ // РЕСТИ́ — РИСТА́ТИ. Это подтверждается и тем, что ЧИТАТИ не имеет формы совершенного вида: ЧЕСТИ́ как раз и было такой, утерянной ныне формой; а формы совершенного вида предшествуют обычно формам несовершенного вида. То же, что Е заменилось И, никак смущать не должно: БЛЕ-СТЕТИ-БЛИСТАТИ, МЕЖИТИ-МИГАТИ и т.п.

Само же ЧЕСТИ́ никак не могло произойти от ЧЫТИ, а только от ЧЕТИ.

Итак, весь ряд предстает перед нами в таком виде: ЧЕТИ — ЧЕСТИ — ЧИТАТИ — ПОЧИТАТИ — ПРЕДПОЧИТАТИ — ПРЕДПОЧТЕНИЕ.

Правило начальной согласной

Так как родовой элемент неуничтожим и содержится в любом слове (если только откинуть приставки) в его начале, то каждое слово должно начинаться непременно с согласной.

Это категорическое и несколько неожиданное правило находит себе подтверждение в русском языке; однако подтверждение не полное.

Обманчивые случаи

Оно, можно сказать, находит себе подтверждение, потому что действительно огромное большинство слов начинается с согласной; слов, начинающихся гласной, удивительно мало; неполное подтверждение, — потому что такие слова все-таки имеются.

Как объяснить появление в языке таких слов? Потерей начальной согласной, потерей родового элемента; недаром такие слова наиболее трудны для исследования, их ряд очень сложно восстановить; это слова-отщепенцы.

Появление таких слов никак не следует из законов внутреннего развития языка.

Возьмем, к примеру, слово «ум»; оно происходит от слова «яти»; но согласная *Й* утратилась.

Формообразование слов имеет такие же точные законы, как формообразование кристаллов. Однако и кристалл может под влиянием внешнего воздействия деформироваться, утратить свое характерное очертание. Так, например, теряют свои особенности камни, выброшенные морем: их окатали волны, все камни стали округлыми.

Такой же процесс окатывания речью, потери структуры происходит и в языке. В одних языках — английском — он сильнее; в других — русском — слабее. Но этот процесс не имеет ничего общего с основными, внутренними, законами развития слов.

Слово «здравствуйте» происходит органически от слова «здрав»; но слово «здрате», произошедшее от

«здравствуйте», не является, говоря принципиально, новым словом; это окатанное речью слово «здравствуйте».

Такие слова, противоречащие в своей форме принципам развития языка и путающие нас, мы будем называть «обманчивыми случаями».

Наибольшее количество слов, начинающихся с гласных, да и вообще наибольшее количество обманчивых случаев, мы находим среди очень коротких слов: союзов, предлогов, междометий. Это понятно: ведь это как раз наиболее окатанные речью, искаленные слова — окаменевшие остатки живых когда-то, имевших свою структуру, слов.

Что значит, по сути, процесс окатывания слов? Это значит: люди, произносящие слова, не чувствуют уже законов развития слов, их происхождения и родственных отношений и произносят просто так, как им всего легче, удобнее.

Таков, наверное, будет раньше или позже конец любого языка; но, когда это произойдет, будет окончательно потеряна возможность восстановления истории его слов; будут сплошь обманчивые случаи.

Вращение слов

В чем же состоит принцип словообразования, как происходит рождение новых слов?

С одним случаем такого рождения мы уже знакомы, именно с рождением первичных слов. Как они образовались? К имеющейся основе (семени слова) присоединялось новым слогом ТИ. Такой способ словообразования назовем вращением. Его примером будет: МОЛОТИ – МОЛОТИТИ, КОЛОТИ – КОЛОТИТИ, РАСТИ – РАСТИТИ.

Такой совершенно простой, чистый способ вращения редок. Обычно при вращении видоизменяется под влиянием присоединения ТИ и та часть слова, к которой оно присоединяется. Так: БОРОТИ — БОРОНИТИ, ПЕРЕТИ — ПЕРЕЧИТИ, РЫТИ — РУБИТИ.

Дело осложняется еще тем, что количество слогов при вращении может сокращаться за счет сгущения согласных или усложнения согласной; слово как бы стягивается: РЕТИ — РЕСТІ́, РЕТИ — РЕЧІ́, РЕТИ — РЕЩІ́, РЕТИ — РОЧІ́.

Но каким бы способом ни происходило вращение, суть его остается той же: слово приобретает новое значение, усложняя при этом свой звуковой состав (за счет количества слогов, или сгущения согласных, или, наконец, отяжеления согласной) и присоединяя новую частицу ТИ.

Вращение является основным способом словообразования, но не наиболее частым; чаще, чем вращение, хотя имеющее меньшее принципиальное значение, встречается такое словообразование, при котором слово собственно не приобретает нового значения, а только конкретизирует свое старое значение; этот способ словообразования можно назвать кристаллизацией.

Так РЫТИ дает РОВ, РЫЛО, РЫХЛЫЙ, РУБ (- обрывок) и т.д.

Этот способ словообразования можно считать менее важным, так как тут значение приобретает только большую определенность: ров — результат рытья; рыло — то, чем роют; рыхлый — изрытый; руб — следствие рытья (иск. значение РЫТИ — рвать).

Между вращением и кристаллизацией имеется связь; это видно по такому, например, ряду: РЫТИ — РУБ — РУБИТИ — РУ — РУБЕЖ. Ясно, что РЫТИ — РУБИ-

ТИ образуется посредством вращения; можно назвать это целым оборотом; РЫТИ – РУБ образуется посредством кристаллизации; но этот ряд будет промежуточным между РЫТИ и РУБИТИ; его можно назвать полуоборотом.

Такое чередование п/об. с оборотом очень обычно; но бывает и так, что подряд следуют несколько п/об. или же несколько оборотов, без п/оборота.

Каждый новый оборот дает новое поколение слов; новое поколение узнается даже до восстановления ряда по звуковому составу слова: чем слово моложе, т. е. чем номер его поколения больше, тем оно многосложнее, тем больше густота или сложность согласных в нем.

Так, в ряде ЧЕТИ – ЧЕСТИ́ мы видим сгущение согласных; в ряде РЕТИ – РЕЧИ́ видим отяжеление согласной; в ряде РЫТИ – РУБИТИ видим увеличение количества слогов.

Место слова в языке точно указывается его родом, рядом в роду и поколением.

Весовое соотношение

Какой общий принцип лежит в основе изменения звукового состава слова при вращении? Почему из такого-то слова могут получиться не любые по своему звуковому составу слова, а только некоторые, удовлетворяющие каким-то звуковым законам?

Таких принципов звукового изменения при вращении два. Первый: звуковой состав слова стремится измениться наименьшим возможным образом. Так, вместо Т очень часто появляется Ч, С, П, Б, реже Л, М, Н, и только в исключительных случаях такие далекие от Т звуки, как Ж, З, Г, Р.

Это можно назвать принципом близости.

Но почему же все-таки происходит изменение звукового состава, почему так редко вращение ограничивается одним только присоединением новой частицы ТИ?

Чтобы понять это, надо учесть, что каждое слово имеет свою энергию произношения, усилие, которого оно требует; будем называть это весом слова. При присоединении к слову ТИ вес, конечно, меняется. Между тем слово, очевидно, стремится сохранить свой прежний вес. Поэтому в звуковом составе его и происходят изменения: перенос ударения, изменение долготы гласных, сложности и густоты согласных.

Способа измерения весового соотношения слов не имеется; но оно чувствуется на слух при некотором опыте.

Пути, которые избирает язык для сохранения весового соотношения, и определяют характер языка, его звуковой состав.

Симметричность и разнообразие рядов

В основе языка лежат около ста образованных по одному и тому же закону, следовательно, симметричных друг другу, исходных слов; из них, также по одним и тем же законам, получаются во всех родах производные слова; казалось бы, раз исходные слова симметричны и законы словообразования одинаковы, все слова одного и того же поколения должны были бы быть в языке, независимо от их рода и ряда, также симметричны.

На самом деле это не так.

Правда, известную симметричность между родами можно подметить: БЫТИ // ВЫТИ // ЖИТИ (иск. ЖЫТИ) // МЫТИ // НЫТИ // РЫТИ // ШИТИ (иск. ШЫТИ); или БРАТИ // ВРАТИ // ДРАТИ // ЖРАТИ // ПРАТИ; таких параллелей, показывающих, что слова во всех родах действительно образуются по одним и

тем же законам, можно найти много. Еще важнее то, что никак нельзя подметить, чтобы звуковой состав слов какого-нибудь рода отличался от остальных своим своеобразием, слова, скажем, на М по своей форме отличались в общем от слов на З или Ш; этого нет, и это также подтверждает, что и исходные слова, и законы словообразования во всех рядах параллельны.

Однако точного параллелизма в родах и рядах нет. И это как раз объясняется законами звуковой близости и весового соотношения.

Законы словообразования очень просты; но они дают огромный простор для словообразования, огромный выбор возможных форм; в каждом роду используются только те формы, которые в этом звуковом составе всего более соответствуют принципам близости и весового соотношения. Поэтому уже в словах первого поколения параллелизм нарушается очень резко, а в дальнейшем ряды все больше расходятся.

Именно это — со стороны звуковой — больше всего и отличает естественный язык от искусственного: в искусственном имеется небольшое количество возможных форм и все они реализуются; в естественном количество возможных форм огромно и только небольшая часть их в каждом случае реализуется, в нем есть непредвиденность.

II

История значений

Симметричность исходных значений

О значениях слов можно сказать то же, что об их звуковом составе. Все исходные слова обладали одними и теми же возможными значениями, были сим-

метричны по смыслу; и в дальнейшем смыслообразование шло во всех родах и рядах по одним и тем же законам; смысловой симметрии в рядах нельзя увидеть потому, что при вращении для каждого слова открыт огромный простор возможных значений, так что заложенный первоначально параллелизм очень скоро нарушается, и чем дальше, тем расхождение значений становится больше.

Однако в параллельности значений исходных слов сомневаться невозможно. Если бы это было не так, это наложило бы отпечаток на все дальнейшие значения, каждый род специализировался бы на своем особом кругу значений. На деле этого нет; в каждом роде мы находим приблизительно тот же ассортимент значений. Если, например, род Г имеет среди своих слов ГОРЕ, то род П имеет ПЕЧАЛЬ, род Т — ТОСКА, К — КРУЧИНА, Б — БОЛЬ. И тот же род Б имеет БЛАЖЕНСТВО, тот же род П — ПРИЯТНОЕ, Р — РАДОСТЬ, В — ВЕСЕЛЬЕ, Д — ДОВОЛЬСТВО и т.д.

Выходит, что для выражений всех мыслей и чувств было бы, собственно, достаточно и одного рода; но язык имеет, как роскошь, еще девятнадцать родов.

Можно, однако, подметить остатки параллелизма значений и прямым путем. Начало любой сказки «жили-были» должно было бы навести на мысль об этом. Действительно, возьмем все сохранившиеся до нашего времени исходные слова типов БЫТИ и БЕТИ; их будет совсем немного — восемь; но и на этом малом количестве проявится параллелизм исходных слов: БЫТИ // ЖЫТИ; ВЫТИ // НЫТИ // ПЕТИ; непараллельными покажутся на первый взгляд только МЫТИ, РЫТИ, ШЫТИ.

Однако более глубокий анализ установил бы и тут параллелизм: БЫТИ // ЖЫТИ в иск. значении — тянуться, стремиться, расти; отсюда БЫЛЬЕ, БЫЛИНКА — растущее, растение; и ЖЫЛА — тянущееся; ВЫТИ // НЫТИ // ПЕТИ — также тянуть, стремить (в суженном значении — звук; но сохранилось и более широкое значение: «ноющая боль» — тянущая боль от НЫТИ — НУДИТЬ (тянуть, заставляя); и МЫТИ, РЫТИ, ШЫТИ имеют, оказывается, то же самое исконное значение: «сокол взмыл в небо» — устремился, потянулся, скользнул в небо; нынешнее значение «умывать» произошло через посредство «стремиться-тянуться-утягивать-сглаживать»; «размытый волнами берег» — сглаженный; иск. значение РЫТИ — тянуть, раздирать; наконец, иск. значение ШЫТИ — тянуть, стягивать (ШОВ — стяжка, стежок).

Так что все исходные слова этих типов оказываются при тщательном рассмотрении симметричными по значению.

Что же, однако, значили вообще исходные слова? Как случилась такая странная вещь, что бессмысленные до тех пор звуки получили вдруг значение? И как из этих исходных значений развилось затем все нынешнее разнообразие значений?

Значение дыхания

Все, что мы пока знаем о возникновении исходных значений, это то, что первоначальное осмысление было связано с присоединением к семени слова ТИ. Было бы, однако, нелепо думать, что присоединение какой-либо частицы могло бы вдруг придать слову смысл. Наоборот, потому-то и присоединялось ТИ, чтобы показать, что это уже осмысленный звук. ТИ не при-

давало смысла, а раскрывало тот смысл, который уже таился в виде возможности в физиологическом звуке.

Но какой же смысл может быть в звуке, который зовется бессмысленным? Мы уже говорили об этом, но сейчас должны исследовать это подробнее.

Что такое звук, издаваемый голосом? На этот вопрос можно ответить по-разному: с точки зрения наблюдающего-воспринимающего голос; или с точки зрения подающего голос. Нас интересует сейчас только второе: язык есть подача голоса, и он понимается потому, что наблюдающий сам может подавать голос, ему легко представить себя на месте говорящего.

С этой точки зрения надо отринуть все представления, даваемые внешними чувствами, сосредоточиться на том, что чувствует, — т. е. что есть, после этого отторжения данных, доставляемых внешними чувствами, — человек, подающий голос.

Он есть дыхание; точнее говоря, выдох, преодолевающий сопротивление.

Тут надо отметить две особенности выдоха. Первая: выдох состоит в разряжении, выравнивании, расслаблении, растяжении. В самом деле, тогда как при вдохе требуется напряжение, какие-то мышцы, очевидно, стягиваются, чтобы раздвинуть грудь, при выдохе, наоборот, происходит естественное возвращение в первоначальное состояние. Поэтому-то, наверное, выдыхание получает преобладание в спокойном состоянии и во время сна.

С этой стороны выдыхание есть просто растекание, распространение и угасание прежде бывшего усилия, эманация его, энтропия.

Другая особенность выдоха связана с тем, что при нем происходит освобождение от среды, наполняющей

легкие, от воздуха. Но то, что мы зовем, разносторонне исследовав, воздух, и чему приписываем различные свойства, для выдыхающего является всего-навсего неопределенной средой, зыбкой, мягко тормозящей возвращение к первоначальному состоянию и в результате исчезающей.

Выдыхающий как бы охватывает зыбкий шар, сжимает его постепенно, как будто ассимилируя или поглощая его.

С этой стороны выдыхание есть охватывание, овладение внешней средой.

С пружинящим баллоном, заключающим в себе зыбкий шар, или, с таким же правом, с зыбким шаром, окруженным пружинящим баллоном, можно сравнить человека.

Но испускание звука не есть просто выдыхание: тут имеется еще новая сторона — преодоление сопротивления. Ибо если произнесение гласных создается почти свободным током воздуха, то зато произнесение согласных требует уже усилия преодоления значительного сопротивления, препон.

Подавание звука будет также — толчком, током, стремлением, испусканием, порождением, пробиванием.

Итак, голос раскрывается перед нами в трех рядах признаков:

- 1) растекание, распространение, угасание, разряжение, выравнивание, растяжение;
- 2) охватывание, овладение, сжатие, поглощение;
- 3) стремление, испускание, порождение, толчок, ток, удар.

Это суть голоса, если отвлечься от его внешних свойств; и она есть также суть всякого вообще воздействия человека на мир, всякой деятельности.

Семя слова, сказали мы, ничего не значит; вернее, оно значит то, что оно и есть. Теперь мы узнали, что оно есть. Оно есть как бы полномочный представитель всей возможной деятельности. Голос есть как бы модель мира.

Звук ничего не значит, пока он произволен; когда же он начинает употребляться нарочито, т. е. в избранные, самые важные моменты деятельности, он начинает раскрывать свое содержание на поступках. Модель мира и сам мир начинают совпадать, сначала в самых основных, потом в производных признаках. Звук начинает отбрасывать тень на мир — значение.

Теперь понятно и то, почему семенами слов стали согласные: именно они произносятся с преодолением сопротивления, дают достаточный материал для создания значений.

Проекция на жидкость

Исходный пункт — дыхание, конечный пункт — мир твердых тел, в котором мы живем; таков трудный и долгий путь, который проходят значения. Этот путь не прямой: преодолевая его, значениям приходится совершать две пересадки; или, говоря иными словами, им приходится совершать последовательно два перевоплощения.

Мы сказали, значениям приходится перевоплощаться; но можно сказать и так, что перевоплощаться приходится самому миру. Ибо мир различен для разных познающих его существ: бабочки, рыбы, младенца, дикаря, современного человека. Мир есть как бы рисунок, в котором четко даны только немногие линии, остальные намечены вначале пунктиром, а затем

вообще исчезают; начерченные линии — это свойства мира, вытекающие из того основного факта, что в мире имеются различные среды и отдельные существа, индивидуальности; пунктир — данные, обусловленные строением тела, его органами чувств; и, наконец, вычерчиваемое по-разному продолжение пунктира — это намечаемое деятельностью и отстаивающееся в словах расчленение и соотнесение имеющихся данных, дальнейшее конструирование или интерпретация мира.

Вот это-то конструирование и проходит через две стадии.

В начале истории значений, истории языка мир стремится быть понятным наподобие и по образу дыхания. Что это значит? Это значит, он расчленяется на зыбкие беспредметные среды — стихии.

Мы сравнили мир дыхания с шаром воздуха, охваченным баллоном. Когда голос приобретает значение, его закон падает как тень на внешний мир, он воспринимается сквозь призму дыхания.

Это не значит, что мир на этой стадии можно сравнить с газом: газ мы вообще не воспринимаем, он слишком покорен, бесформен; для твердого тела, — а наше тело почти такое, — зыбкой средой будет не газ, а жидкость.

Поэтому эту стадию языка назовем: проекцией на жидкость. На этой стадии слова отмечают: густоту, вязкость, растекание, течение бурное или спокойное, обволакивание и захватывание потоком, выпрыскивание и т.п.

Беспредметность и бессубъектность

Остатки, напоминание о бывшей проекции на жидкость можно найти во всех родах и рядах слов.

Мы не думаем сейчас, что голос есть жидкость; но РЕЧЬ // РЕКА (и мы говорим «плавная, текучая речь» так же, как говорим «в течение времени»). Мы не думаем, что рост, рождение, горение, все это — взмет жидкости; но мы говорим «отпрыск» и говорим «сука мечет щенят»; и РОЖДЕНИЕ /// РОДНИК /// РАЖДИЕ — др. ветвь /// РАЖДИТИЕ — др. блеск /// РАЖДАГАНИЕ — др. пламя /// РОЖАНИЕ — др. самострел (ср. «прыскать стрелами»).

Очень важно понять, что при проекции на жидкость не существует ни разделения на предметы и действия (частей речи), ни отнесения к субъекту или объекту (залоги), ни, наконец, числа.

Стихия — это то, из чего только потом выделятся как разные стороны предмет и действие; пока же их нет. Это будет легче понять, если обратить внимание на имеющиеся посейчас остатки «стихийного мировоззрения».

Что такое, например, запах? Предмет это или действие? Конечно, для обычного человека, а не физика, запах никак не предмет или собрание предметов (частиц): ведь он не имеет формы и не может быть ошупан; но, — опять-таки для обычного человека, — и не действие: действие есть отношение предметов, из которых один воздействует, а другой подвергается воздействию; запах же не отношение, а нечто существующее; и мы можем сказать, войдя в комнату, просто — «пахнет», не относя это ни к какому предмету.

Так же, как запах, понимаем мы и жар, холод, многие метеорологические явления и психические состояния; они существуют самостоятельно, распространяются, могут поглощать друг друга, имеют интенсивность (густоту или крепость) и вместе с тем не будут предметами.

Субстратные названия

Таковыми же остатками стихийных слов будут субстратные названия. Под ними я подразумеваю такие названия, которые прилагаются не к отдельному предмету, а либо к их веществу, либо к их собранию: хлеб, просо, земля, трава, лес и т.п.

Тем, кто смешивает предметность с конкретностью и считает беспредметность результатом абстрагирования, должно показаться очень удивительным, что в древнерусском таких слов было несравненно больше, чем их есть теперь.

Безличные выражения

Безличные выражения стараются представить в грамматике как выражения, относившиеся когда-то к некоторому мифологическому лицу и затем утерявшие эту связь. При этом упускают из виду, что эти мифологические существа были сами вначале не управителями явлений, внешними им, а этими же явлениями. Бог грома был самим громом, а бог дождя — дождем.

Безличные выражения, конечно, ничего не утратили; наоборот, они, по сравнению с остальными словами, ничего не приобрели, остались такими, какими были когда-то все слова. Когда мы говорим «дует», это первоначальное представление; когда же говорим о ветре, что он дует, это представление позднейшее.

Залоги

Залоги появляются тогда, когда мир начинает представляться как система твердых тел. Понятно, что крокетный шар может ударить другой крокетный шар (действительный залог) и при этом шары останутся разными; или сам подвергнуться удару другого шара (стра-

дательный залог); или катиться, вообще не подвергаясь взаимодействию с другими шарами (средний залог). Но если мы будем говорить не о крокетном шаре, а о реке, все эти представления будут уже гораздо менее приложимы.

В реку вылило ведро воды, и река понесла с собой эту новую воду; как будто и можно сказать: река понесла воду (можно, потому что реку мы стараемся представить наподобие предмета, а течение как ее действие); однако некоторую неловкость при таком пользовании залогом мы все же ощутим: вода из ведра стала водой реки, а река — это и есть текущая вода, течение.

В то время, когда все значения были проекциями на жидкость, залогов быть не могло.

Неопределенное наклонение

Неопределенное наклонение занимает среди всех нынешних языковых форм особое и довольно странное положение. Оно считается основной формой глагола, и глаголы именно так приводятся в словарях. Но в действительной речи, а не в словарях, оно употребляется только в сочетании с другими глагольными формами, в составном выражении, само же по себе в фразе не может быть почти никогда. В тех же редких случаях, когда оно употребляется самостоятельно, оно соответствует скорее существительному, чем глаголу («плавать трудно» — плавание трудно). К тому же оно не имеет ни одной из характерных черт слов, означающих действие: ни времени, ни лица. Оно кажется абстрактным.

Неопределенное наклонение — это остаток той стадии, когда слова означали стихии, т. е. процессы, рассматривавшиеся как нечто существующее самостоятельно, субстрат-процесс.

Пол слов

Так как тогда не было разделения на предмет и действие, то не было и разделения на части речи. Части речи появились позже, и способ их появления указывается наличием в языке слов разного пола (рода): мужского, женского, среднего. Откуда могло пойти такое разделение и почему помимо мужского и женского придуман еще средний пол?

Надо полагать, что вначале это разделение было зачатком частей речи. Из слов, означающих стихийный процесс, выделялись слова двух родов: те, что стали значить причинную действующую силу, и те, что стали значить результат, а потом и предмет воздействия. Получились слова активного и пассивного типа, мужского и женского; первоначальный же тип слов стал, в отличие от новых, рассматриваться как третий, особый тип, средний род.

Это разделение, имевшее свой корень в оттенках значений, было затем сглажено появлением нынешних частей речи, отделением действия от предмета: предмет сам по себе уже не может быть ни активным, ни пассивным. Но признаки этого разделения сохранились в звуковом составе слов, в их окончаниях. Сейчас пол (род) слова определяется почти исключительно по окончанию слова. Однако сами слова столько раз меняли окончания, что теперешний пол слова никак не показывает, какого пола было это слово когда-то.

Проекция на мускульное усилие

История значений не могла остановиться на проекции на жидкость и по внутренним, и по внешним причинам. По внутренним, потому что начавшееся расчленение на причину и результат действия вводило

в язык субъектность и объектность; по внешним, потому что деятельность человека проявлялась в создании вещей, превращении мира сред в мир вещей.

Основным отношением между причиной и результатом действия стало мускульное усилие. Проекция на жидкость сменилась проекцией на деформирование и передвижение.

«Тянуть» стало значить уже не «обволакивать и уносить с собой», а «тащить за собой»; «стремить» — уже не «течь, гнать в своем потоке», а «толкать, ударять»; «хватать» — уже не «густеть, затвердевать (“цемент схвачен”», пропитывать, поглощать», а «схватывать рукой или ртом», «держатъ», «рвать», «кусать», «ломать».

Эта стадия истории значений постепенно перешла в новую, когда предметы и действия уже отделились от мускульных усилий, связанных с ними прежде, стали самостоятельными. Только тогда новые значения получили возможность возникать не по строго определенным принципам, а по разнообразным связям, существующим на практике между разными предметами и разными действиями, — по ассоциациям.

Но эта поздняя стадия могла только развивать то основное, что она получила от предыдущих стадий, и принципиального интереса не имеет.

Дыхание — проекция на жидкость — проекция на мускульное усилие — проекция на вещи, действия и свойства; такова история значений.

Треугольник исходных значений

Если вспомнить три ряда признаков голоса, из которых каждый может стать значением, да еще в различных проекциях различным, покажется, что исходные значения чрезвычайно разнообразны. Это так и

есть. Но эти три пучка значений имеют свои центры, из которых они расходятся. Достаточно знать эти центральные значения, чтобы по ним восстановить весь круг исходных значений, как по трем точкам в геометрии можно восстановить окружность или по трем углам треугольник.

Такой треугольник значений, лежащий в основе всего языка, ключ к значениям всех слов, состоит из следующих значений: ТЯНУТЬ (СЯ), СТРЕМИТЬ (СЯ), ХВАТАТЬ (СЯ).

Именно эти значения проходят главными линиями и через проекцию на жидкость, и через проекцию на мускульное усилие; именно они, варьируясь, дают основной ассортимент значений слов.

Я привел эти значения в обеих формах, активных и нейтральных, потому что первоначально, как мы уже выяснили, они значили и то и другое.

Расщепление значений

Эти исходные значения потому и являются такими, что они означают наиболее основные явления, общеприложимы. Если под площадью значения понимать те явления, которые оно может означать, то общая площадь исходных значений безгранична.

Как образуются новые значения? Площадь значения используется не вся в каждом контексте, а каждый раз частично. Из общей площади значения выделяют постепенно несколько частичных площадей, наиболее часто используемых в контексте; слово как бы становится пучком нескольких значений. При вращении слова этот пучок разрывается, происходит расщепление общего значения на несколько частных, и новые слова отбирают от старого часть его площади.

Таким образом с каждым поколением получают слова все с меньшей площадью значения.

Если, например, ГОРЕТИ значило вообще производить или ощущать раздражение (всякое: и физическое, и физиологическое, и психическое), то ГОРЯЧИЙ, ГОРЮЧИЙ, ГОРЬКИЙ и ГОРЕСТНЫЙ имеют уже только частное, специфическое значение; вместе с тем, взяв на себя часть первоначальной площади значения ГОРЕТИ, они отняли у него его прежнюю широту, сузили и его.

Из сказанного можно сделать два вывода. Первый: площадь всех слов вместе в языке всегда одинакова, на какой бы стадии мы ни взяли язык; разница только в степени дифференциации, специализации слов.

Второй: как в звуковом составе слова хранится его древнейший звуковой состав, его семя, так и в площади значения его хранится кусочек древнейшей площади, исходного значения.

Произведя анализ, можно вскрыть это древнейшее значение, проследить на этом слове историю смыслообразования.

Попробуем это показать на примере. Говоря о звуковом составе слов, мы проследили возникновение слова «предпочтение»; воспользуемся этим же примером, чтобы проследить теперь возникновение значения этого слова.

Пример вскрытия истории значений

Имеем ряд ЧЕТИ – ЧЕСТИ – ЧИТАТИ, ПОЧИТАТИ, ПРЕДПОЧИТАТИ. Надо выяснить историю значения в этом ряду.

Ряд ЧЕСТИ – ЧИТАТИ только один из целого пучка рядов, исходящих из ЧЕСТИ. Выпишем весь пучок в оборотах и полуоборотах.

Исходное слово для всех рядов: ЧЕСТИ.

Полуобороты: ЧЕТ, ЧЕТА, ЧЕТЫРЕ, ЧЕТКИ, ЧИСЛО, ЧЕСТЬ.

Обороты: ЧИТАТИ (с-, по-, вы-...), ЧЕТАТИ (со-). ЧИСЛИТИ, ЧТИТИ, ЧЕСТИТИ, ЧЕСТВОВАТИ.

Эти полтора десятка слов ясно располагаются вокруг четырех значений: «счет», «чтение», «честь», «почитать за...». Все эти значения так связаны друг с другом, что иногда одно и то же слово может употребляться в разных значениях. Например: «Не счесть (- сосчитать) звезд»; «Счесть за (- почитать за) лучшее»; «Почитать (- читать) отцу»; «Почитать (- чтить) отца»; «Почитать (- почитать за) отцом».

Какая связь между этими значениями? Что за узел заключался в ЧЕСТИ, из которого могли разойтись эти разные нити? Чтобы понять это, надо свести их к мускульным проекциям, восстановить в исконном виде.

Легче всего сделать это со значением «почитать за...»; оно совершенно соответствует «брат, принимать за...»; «почесть или счесть за лучшее» — «принять, брат, взять за лучшее». Единственная разница в том, что «брат» не утеряло своего «мускульного» смысла и легко связывается с рукой, а «считать, почитать» уже утратило его.

Из этого значения «почитать за...» вытекает и значение «честь»; «почитать» как бы впитало в себя благожелательный смысл «почитать за», утратив его довольно сложный, сравнительный характер («почитать за, как или вместо отца»). «Честь» значило, по всей вероятности, вначале просто «прием» (благожелательный). И «почтенный» сначала связывалось непременно с вопросом «кем?» или «как?» («почтенный народом, доверием народа»), а впоследствии стало употребляться само по себе. Отсюда понятен смысл и «чтить»,

«честить», «чествовать»; из этих слов «честить» имеет не только основной — положительный — смысл, но и иронический, отрицательный.

Если ЧЕСТИ — брать, то ясно, как образовало оно значение «счет». ЧЕСТИ — СЧЕТ, ЧЕТА, СОЧЕТАТИ, ЧИСЛО, ЧЕТКИ совершенно соответствует другому ряду: БРАТИ — СБОР, СОБРАНИЕ («чета» и значило в др.-русском «собрание»), СОБИРАТИ, СБОРИЩЕ, СБОРКИ.

Остается последнее значение: «чтение». Как могло появиться оно?

Тут следует обратить внимание на два обстоятельства. Первое: «чтение» вовсе не обязательно связано с письменностью; читать можно и ненаписанное — читать молитвы, заклинания, стихи. Второе: «брать, собирать» имеет также значение «низать, нанизывать (ср. “четки”», собирать в определенной последовательности». Вот это-то и есть значение «читать».

Поэтому-то «чтение», все равно как «сборка» в машиностроении, связывается с чем-то, состоящим из множества. Можно читать по слогам, строчка за строчкой, буква за буквой; но выражение «прочти эту букву» звучит шероховато.

Так объединились «число», «чтение», «честь», «считать за...». Первое звено ряда, ЧЕСТИ, значило «брать»; последнее его звено, ПРЕДПОЧИТАТИ, значит «брать вперед, прежде остального».

Что же могло значить ЧЕТИ, от которого произошло ЧЕСТИ? «Брать» есть ослабленное «хватать, держать». ЧЕТИ должно было значить, как и следовало ожидать по теории, «хватать». Если бы мы произвели анализ не только одного ряда ЧЕТИ — ЧЕСТИ — ЧИТАТИ, а и остальных рядов, исходящих из ЧЕТИ, мы бы убедились в этом наглядно.

III

Вероятность значений

Омонимы

Есть четыре явления языка, которые обычно кажутся случайными, как бы причудами языка; это — омонимы, синонимы, идиомы и архаизмы. Они кажутся нам чем-то незакономерным, потому что противоречат нашим представлениям об экономности, стройности, разумности языка. Мы бы не стали совмещать в одном слове несколько разных значений и, наоборот, обозначать одно и то же понятие множеством совершенно различных слов.

Язык, однако, как природное явление, воплощает принцип избытка, а не принцип экономии.

Омонимом называется такое слово, которое имеет несколько разных, как будто никак не связанных друг с другом, значений. В грамматике даже считают, что это разные слова, случайно совпавшие по своему звуковому составу. Конечно, это не так.

Все дело в том, что это нам, с нашей теперешней точки зрения, разные понятия омонима кажутся не связанными друг с другом; ибо мы судим по ассоциациям; язык же создавался не так.

Возьмем, к примеру, слово КОСА; оно имеет три значения: мыс; женская коса; коса для кошения травы. С нашей точки зрения, общего тут ничего нет. На самом деле есть.

КЫТИ значило «хватать, отдирать, отделять». Отсюда; КУС, КУСАТЬ, КУСОК. Отсюда же: КОСА в двух значениях — то, чем отделяют, отдирают, и то, что отделено от целого, лоскут, или кусок, или, для волос,

прядь. Коса косца — то, чем отделяют, режут траву. Коса — мыс — отделенная водой от остальной суши полоска, кусок земли. Заплести волосы в косы — в отдельные пряди. Это подтверждается родственным словом КОСМЫ, которое тоже значит: пряди, пучки; и тем, что слово КЛОК в др.-русском также значило «коса».

Омонимичность, т. е. многосмысленность слов, явление обязательное: разные контексты придают слову разные, суженные, значения. Так, например, от общего значения «сидеть» отделяется сначала в определенной связи, а потом изолированно — «сидеть» в смысле «сидеть в тюрьме», с другой стороны — «седок», тот, кто сидит на лошади. Стоит взглянуть в любой словарь, — особенно в латинский и в санскритский, — чтобы сразу заметить: почти под каждым словом приводится не одно, а множество значений.

Для нас же слово начинает казаться омонимом, когда мы уже потеряли ощущение связи таящихся в нем значений.

Идиомы

Идиоматическим оборотом называется такой, в котором слово приобретает вдруг особый, резко отличный от обычного смысл; поэтому такие выражения нельзя ни понять, ни перевести на другой язык, если руководствоваться словарем. Идиомы («своеобразия») принимаются за особые, характерные для данного языка явления, в которых резче всего проявляется его особенность. Это как бы родинки речи, характерные непредвидимые мелкие отличия, в которых выражается ее индивидуальность.

На самом же деле идиомы — это те же омонимы, особый частный случай омонимизма; и, значит, они не случайны, а необходимы, как вообще омонимы.

Отличие идиом от обычных омонимов — в диспропорциональности значений; оба (или больше) значения омонима имеют обычно почти одинаковую площадь, оба употребляются приблизительно одинаково часто в различных контекстах; при идиоматичности же одно значение имеет широкую площадь и употребляется часто, а другое имеет очень узкое значение, употребляется только в одном каком-нибудь выражении; это второе, идиоматическое, значение является последним, уцелевшим только в этом выражении, остатком когда-то более широкого употребления слова в этом смысле.

Поэтому идиоматическое значение и кажется каким-то наростом на обычном значении этого слова, необъяснимой игрой языка.

Идиоматическое выражение — это как бы заповедник, в котором хранится последний экземпляр, реликт вымершего значения.

Разберем два примера: «валить дурака» и «строить куры».

Выражение «валить дурака» нельзя, конечно, перевести на другой язык буквально; слово «валить» имеет тут совсем другое, отличное от обычного, значение; и это значение оно имеет только в этом выражении. Что же это за значение и откуда оно пошло?

Произведем анализ. Вот ряд ВЛЕТИ, к которому принадлежит и ВАЛЯТИ:

ВЛАТ, ВОЛОТ (др.-рус. — гигант);

ВЛАДЬ, ВОЛОДЬ (др.-рус. — владение), ВЛАСТЬ, ВОЛОСТЬ, ВОЛЯ;

ВЛЕТИ — ВЛАДЬ, ВОЛОДЬ (др.-рус. — волосы), ВЛАС, ВОЛОС, ВОЛНА (воло);

ВАЛ (насыпь, волна), ВОЛНА, ВЛАЯТИ (др.-рус. — волноваться);

ВАЛИТЬ, ВАЛЯТЬ;
ВЛЕЧИ (ВЛЕЧЬ), – ВЛЕКАТЬ, ВЛАЧИТЬ, ВОЛО-
ЧИТЬ.

Среди этой группы в двадцать с лишком слов можно заметить шесть узловых значений: «великан», «волосы», «волна», «власть», «валить», «влечь»; какая между ними может быть связь?

ВЛЕТИ по теории должно иметь значение: стремить (ся), тянуть (ся), хватать (ся).

«Стремиться, тянуться» дает значение – как мы это уже выяснили прежде на словах **БЫТЬ, БЫЛИНКА, ЖИТЬ, ЖИЛА** – «расти». Интересно, что и само слово **РАСТИ, РОСТ**, др.-рус. форма **РАСТ**, происходит от **РЕТИ-РЕСТИ**, которое значит «стремиться», как это видно из его ближайших производных: **РЕТИТИ** (др.-рус. – стремить), **РЕТОВАТИ** (др.-рус. – стремиться), **РЕТИВЫЙ, РЪЯНЫЙ, РЕВНОСТНЫЙ, РИНУТЬ, РИСТАТЬ** и т.д. **ВЛАТ, ВОЛОТ** значит «рослый» или «великан, гигант».

Загадочнее значение «волосы». Есть какая-то связь, которую можно найти в мифах, между волосами и властью (могуществом), страстью, временем, течением воды; по всей вероятности, значение «волосы» происходит от «стремиться, тянуться» через «ниспадать, расточаться, устремляться».

Волна, волнение, волноваться – стремление, метание; поэтому-то «волноваться» говорят и о человеке, а не потому, что человеческие страсти сравниваются с морскими волнами; тут нет никакой метафоры; метафор в языке вообще не бывает.

Воля, власть, владение – рассматриваемое под различными точками зрения стремление. По своей воле – по своему стремлению; отсюда воля – свобода; дей-

ствовать по воле другого — действовать по стремлению, могуществу, власти другого; власть и значила первоначально сила, могущество; а владеть в древнерусском значило повелевать, подчинять; вступать во владение — вступать во власть.

Влечь — стремить, тянуть; меня влечет — меня тянет; привлекать — притягивать; влачить существование — тянуть, нести существование; волочить по земле — тянуть, тащить по земле.

Перейдем теперь к интересующему нас слову «валить, валять». Тут «стремить» приобретает суженное значение «устремить, кинуть». Валить на землю — кидать на землю; вал — накиданная земля, насыпь; валять по земле — кидать, устремлять по земле. Однако кроме этого узкого значения было когда-то и более широкое — стремить, творить, вытворять, совершать; оно было и в слове «валять», и в слове «кидать».

«Не выкидывай глупостей» и более редкая идиома — «выкинуть дурака» дают ключ к пониманию идиомы «валять дурака»; «валять дурака» значит «вытворять, выкидывать глупости, вытворять, прикидываться дураком».

Теперь можно перейти к другой идиоме: «строить куры». Обычно это выражение объясняют так; есть французское выражение «фер ла кур» — любезничать, и это-то выражение и дало повод русскому, было, так сказать, для смеха русифицировано. Но такое объяснение предполагает людей слишком уж глупыми: чего ради французское выражение было вдруг так нелепо русифицировано, что тут смешного, почему этого не случилось с множеством других бывших в ходу французских выражений?

Если присмотреться к выражению «строить куры», можно в нем действительно заметить какое-то лукавство, какую-то еще чувствуемую, но непонимаемую уже игру слов; тут есть и нарочитая архаичность, некоторая торжественность и вместе с тем насмешка; но все это никак не может происходить от простого столкновения двух смыслов, французского «любезность» и русского «кура, курица», потому что связи между этими двумя значениями никакой нет.

Остается предположить, что слово «куры» значило еще что-то другое; недаром никогда не говорят «строить курицы», а всегда «строить куры». Что же могло оно значить?

Согласно теории, «куры» происходит от «кыти», которое должно было значить «хватать, держать, отдирать»; мы уже разбирали это слово, когда выясняли значение «коса» и «космы»; тогда же мы отмечали и происходящее от «кыти» — «кус, кусати»; вероятно, и само слово «курица» означает «хватунья, клевунья».

Но если «кыти» значило «хватать, держать, ловить», то так же, как от «ловить» происходит «ловушка», так и от «кыти» должно происходить слово, означающее инструмент, которым хватают, ловят или держат; действительно, такое слово есть — «ковы» или, более позднее и специализировавшееся, «оковы».

Это слово «ковы» и дает ключ к пониманию «строить куры»; потому что есть совершенно параллельное идиоматическое выражение «строить ковы»; значит оно: строить ловушки, западни, злые умыслы.

«Куры» значило, очевидно, то же, что «ковы»; и в этом смысле оно сохранилось в одном-единственном выражении «строить куры». Но откуда же в этом выражении лукавство, легкомыслие, которых нет в выра-

жении «строить ковы»? Оно-то и берется из сопоставления его с французским выражением.

Говорящий «строить куры» как бы намекает: вот архаичное, высокопарное выражение, смысл которого подходит к тому, что я хочу сказать, хотя, по правде сказать, смысл этот уже не ясен; а мы с вами, понимающие по-французски, вкладываем шутливо еще и другой, подобный, но гораздо более легкий смысл, совмещаем высокопарность архаичности с русско-французской болтовней...

Примечание. Написав это, я взял словарь Даля и посмотрел слово «кура». Там я нашел подтверждение произведенному анализу. Действительно, «кура, курица» имеет еще три смысла, помимо обычного, и все три ясно происходят от значения «держат, ловить». Первое значение: железный крюк, на который вешают полотенце или умывальник, то есть который держит их. Второе значение: ловушка (на щук). Третье: стропила в избе, на которых она держится. С этим последним значением связано, наверное, и сказочное выражение «избушка на курьих ножках»; не на ножках курицы, конечно, а избушка на поддерживающих ее жердях, сваях; в ней живет Баба-Яга, как в гнезде, и эта избушка может поворачиваться в разные стороны...

Таким образом, несомненно, что слово «куры» действительно имело значение, тесно связанное с «держат, ловить».

Двусмысленность идиом

Из того анализа идиом, который мы произвели, можно сделать такой вывод: в идиомах скрывается иногда игра словами; по всей вероятности, именно она и сохраняет архаическое, давно забытое значение в дан-

ном выражении; не будь этой игры, это значение до нас вообще не дошло бы.

Так, например, игра со словом «куры» сохранила исчезнувшее из языка значение этого слова в том единственном выражении, где оно употреблялось двусмысленно. Любопытно, что мы, хотя уже совершенно не чувствуем в выражении «строить куры» игры слов, все же ощущаем в нем какую-то игривость; цветок истлел — легкий запах его еще пока остается.

Я склонен думать, что все идиоматические выражения: поговорки, прибаутки, ходячие слова — заключают в себе забытую уже игру слов. Поэтому идиомы действительно нельзя перевести на другой язык: в них есть намек, хотя и непонятный, но ощущаемый нами, который основан на омонимичности слов, перекрещивании их смысла.

Подтверждением этого может служить выражение «жив курилка». Что это за курилка, о котором так категорически утверждается, что он жив, и о котором ничего больше не известно? Конечно, слово «курилка» происходит от «курить»; и, конечно, оно имеет какой-то другой смысл, чем «курающий (табак)».

Я произвел анализ ряда КЫТИ — КУРИТИ — КУРИЛКА. Согласно теории я предположил, что КЫТИ имело значение не только «хватать», — как это мы выяснили уже раньше, — а еще и «стремить». Это значение расщепилось затем на два: «источать, перегонять, гнать» и «расточать, буйствовать, растрачивать силы, средства»; первое видно в таких выражениях, как «выкурить его отсюда», «курить вино (гнать вино), винокур» и в специализировавшемся значении «курить (табак)»; второе видно в выражениях «закурить — закутить», «бедокурить» и производном от «курить» — «куролесить».

Разгадка «курилки» в том, что «курилка», очевидно, происходит от второго значения и значит «шалун, буйан». Вероятно, это как-то связано с детьми, так как в этом выражении чувствуется некоторый детский оттенок.

Вот что дал анализ. И, произведя его, я взял словарь Даля, чтобы посмотреть, не найдется ли там чего-либо по этому поводу.

Прежде всего, я нашел там полное подтверждение: существовало, оказывается, действительно слово «курилка — пьяница, гуляка, кутила». Но откуда же детский оттенок этого слова? И почему оно сохранилось именно в выражении «жив курилка»?

Причина этого — игра слов. Курилкой называлась также дымящаяся лучинка в детской игре, при которой эту лучинку передавали из рук в руки, следя, чтобы она не погасла. При этом и распевалась песенка, начинавшаяся со слов «Жив, жив курилка». Курилка значило и лучинка, которая горела и дымила, и в то же время шалунишка. Эта игра слов сохранила жизнь этому слову в данном выражении, тогда как вообще в языке оно давно умерло.

Синонимы

Синонимами называются несколько разных слов, имеющих одно и то же значение. Так, например, «печаль» и «грусть» — синонимы.

В синонимичности надо различать две стороны. Первая: одному и тому же понятию соответствует несколько слов. Уже это дает впечатление какой-то беспорядочности языка. Но впечатление это еще усиливается другой стороной синонимичности: слова, обозначающие одно и то же понятие, часто совсем не родствен-

ны друг другу, ничего общего по своему звуковому составу не имеют.

Кажется, что синонимичность совершенно случайна. На самом же деле это не так: синонимичность в языке необходима, и у нее есть свои законы. Синонимичность вытекает прежде всего из того, что все исходные элементы были равнозначны по смыслу; поэтому равнозначные слова могут встречаться в разных родах. Затем из того, что смыслообразование идет путем расщепления, сужения понятий; поэтому равнозначные слова могут встречаться и в разных рядах одного и того же рода.

Все это будет горизонтальная синонимичность. Затем еще синонимичность может оказаться между словами разных поколений одного и того же ряда; происходит это опять-таки благодаря тому, что в производном слове содержится часть того же самого смысла, что был в том слове, от которого оно произошло. Возьмем, к примеру, ряд РЕШИ — РОЖДАТИ; и то и другое слово значит «испускать»; правда, последующее слово ограничило предыдущее, оставив ему только значение «испускать звуки, говорить»; и само оно взяло только часть первоначального смысла «производить, родить»; но такое взаимоограничение произошло не сразу; и остатком прежнего, более широкого смысла этих слов будут их кристаллизации: РЕШЬ — РЕКА и РОЖДАТЬ — РОДНИК. И то и другое образовались по смысловой линии: «источать — источник». Правда, полной синонимичности тут нет, но она могла быть. Это будет вертикальная синонимичность.

Синонимичность будет гомологичной, когда равнозначные слова образовались по одним и тем же смысловым линиям, как, например, РОДНИК и РЕКА или,

более точная синонимичность, РОДНИК и РУЧЕЙ; или она будет аналогичной, если равнозначные слова произошли от разных смысловых линий, произошла как бы конвергенция смысла. Например: ИСТИНА и ПРАВДА – синонимы, но происходят они от совершенно разных смысловых линий: ПРАВДА происходит от ПЕРЕТИ – ПРАВИТИ, что значит – «стремить, толкать, ударять, давать направление», откуда ПРАВИЛЬНЫЙ – в заданном, надлежащем направлении, соответствующий, и ПРАВИЛО – заданное стремление, направление, ПРАВОТА и ПРАВДА – соответствие нужному, верному направлению, ИСТИНА же происходит от ИСТЫЙ, ИСТО, что значило «внутренний», откуда, например, др.-русские слова ИСТО – почки, тестикулы и ИСТОБА, ИСТБА, давшее начало нашему слову ИЗБА – внутренность, укрытое место, жилище («войди в избу» говорят стоящему на крыльце или в сенях). Обычное толкование в языкознании, что ИСТБА, ИЗБА происходит от ИСТОПИТЬ, конечно, неверно. Кроме того, ИСТИНА употреблялось еще в смысле «капитал» в противоположность процентам, т. е. основная, внутренняя часть капитала, его, так сказать, сердцевина. ИСТИНА значит «внутренность, настоящая, подлинная сущность».

Точки скопления слов

Не знаю, задавался ли кто-либо вопросом, почему одним понятиям соответствует множество синонимичных слов, а другим мало или даже всего одно слово. Почему, например, для понятия «топь» в языке имеются слова «топь», «болото», «трясина», не говоря уже о множестве менее употребительных областных или древних слов; а для понятия «железо» синонимов нет?

Этот, казалось бы, бесцельный вопрос имеет на самом деле большое значение.

Если смысл уподобить небу, а слова звездам на нем, то можно сказать, что распределение звезд на небе резко неравномерно: имеются такие места, где их особенно много, точки скопления.

Эти точки скопления слов можно также назвать точками наибольшей рождаемости слов: тут, вокруг этих понятий, всего легче родятся слова, всего больше их возникло.

Точки угасания слов

Почему слова вымирают, выходят из употребления? Достаточно сравнить словарь древнерусского языка со словарем русским, чтобы убедиться, что количество вымерших слов огромно. Вымирание это было бы понятно, если бы оно вызывалось исчезновением самих понятий, которые обозначались этими словами. Если бы вымирали только такие слова, которые означали, скажем, исчезнувшие титулы, вышедшее из употребления оружие и т.п. Но на деле это не так. Понятия остались, а слова, обозначавшие их, вышли почему-то из употребления, заменены в наше время другими.

Чем «пленница» лучше, чем «чага»? Но прежде говорили «чага», а теперь «пленница». Чем «рало» хуже, чем «соха», «рютие» хуже, чем «стремление», «ровень» хуже, чем «колодец»? Почему же понадобилось заменить одни слова другими, почему столько слов вытеснено другими из языка?

Если продолжать сравнение слов со звездами, то следует спросить: почему на небе столько потухших звезд?

Этот вопрос переплетается с другим: о распределении вымерших слов.

Наблюдение показывает, что больше всего вымирает слов там, где имеется наибольшая синонимичность; то есть вокруг тех понятий, которым соответствует большое количество равнозначных слов.

Точки скопления слов — это точки их наибольшей рождаемости; теперь оказывается, что это также точки наивысшей смертности.

Вероятность слова

В чем же причина неравномерного распределения слов, их рождаемости и смертности?

Причина кроется в истории значений, обуславливающей неравную вероятность возникновения разных слов.

Язык в основном проекция на жидкость и на мускульное усилие, между тем как мир, в котором мы живем, есть мир вещей, действий и свойств. Из-за этого происходит некоторое несоответствие языка этому миру, неточное его наложение.

Мы выяснили треугольник значений исходных элементов. Этот треугольник, сказали мы, имеет бесконечную площадь приложения, иначе говоря, этими значениями можно назвать все в мире. Но это совсем не значит, что все, что есть в мире, одинаково легко и удобно назвать, исходя из этого треугольника значений.

Наоборот, есть действия, свойства и вещи, на которые исходные значения ложатся очень просто, сами собой, и есть такие, которые трудно подвести под значения, заложенные в языке.

Возьмем, например, исходное значение «тянуться — вытягивать»; его кристаллизацией, возникающей чрезвычайно легко, будет: «тянущаяся, вытягивающая среда или вещь»; должно возникнуть много слов с таким значением. Но что в нашем мире есть в действительности такого, что отвечало бы этому значению? Почти единственное понятие, к которому приложимо слово с таким значением, будет — болото. И понятно, что для болота образуется очень много синонимов. Тут будет одна из точек скопления слов.

Другой пример: какой процесс в действительности будет соответствовать исходному значению «тянуть — утягивать»? Почти единственный процесс такой — отнимать, красть, грабить. И поэтому слов с таким значением будет также очень много.

Только подробное исследование может выяснить все точки скопления слов. Но некоторые из них, кроме перечисленных, ясны уже и сейчас. Например: глотка, живот, обрывок, метель, пучок, мешкать, буйствовать, черпак, бить, ловкий, тощий, нестись, опухоль, сильный и др.

Совершенно очевидно, что по точкам скопления слов никак нельзя судить о психологии или быте пользовавшихся языком людей: то, что в языке много синонимов для болота, не означает, что на земле было очень много болот, так же, как обилие синонимов для воровства еще не обозначает, что в прежние времена процветало воровство.

В общем, вероятность слова, — точки скопления, — зависит от того, насколько данное значение соответствует исходному треугольнику значений и от степени узости выбора для этого значения подходящих ему фактов в нашем мире.

Вероятность вымирания слов

Почему точки скопления слов совпадают с точками наивысшего вымирания слов?

Языку свойственна некоторая, так сказать, принципиальная избыточность: было бы, например, достаточно и одного исходного элемента, чтобы образовать все нужные нам слова; между тем таких элементов около ста. Уже хотя бы поэтому в разных родах должно было появиться множество слов с одинаковыми, наиболее вероятными значениями. Но мы видели, что причины синонимичности этим не исчерпываются, она легко появляется и в разных рядах одного и того же рода и даже в одном ряду.

Но этой избыточности противостоит экономичность употребления человеком слов. Если имеется выбор из десятка слов, те слова, которые употребляются реже, постепенно потеряют свою привычность, исчезнут из языка, забудутся, вымрут.

Между словами идет как бы непрерывная конкуренция за человеческое внимание; там, где синонимов всего больше, в точках скопления, там и конкуренция всего жесточе, всего больше смертность.

Поэтому точки наивысшей рождаемости слов являются также точками их наивысшей смертности.

Но есть еще одно важное дополнение к этому правилу. В конкуренции слов между собою выигрывает наиболее специализировавшееся, то, чье значение всего уже.

В самом деле, сравним два слова: «стремиться» и «хотеть». «Стремиться» шире, чем «хотеть»; но именно потому, что «хотеть» уже и приложимо только к одушевленным существам, мы и говорим о них чаще, что

они хотят, а не стремятся. «Хотеть» более точное выражение, когда касается человека, и поэтому оно в этом приложении вытесняет или, по крайней мере, имеет возможность вытеснять «стремиться».

Или другой пример: «деформировать» и «гнуть». «Деформировать» гораздо шире, оно может значить и гнуть, и ломать, и сдавливать, и растягивать, и многое другое. Но именно потому, что это слово так широко, оно малоупотребительно: оно заменено целой группой слов более специализированных. Наверное, в русском языке было когда-то слово, означавшее деформацию, но оно стало ненужным и вымерло; так что, когда потом в науке появилась снова нужда в слове с таким общим значением, его пришлось заимствовать.

Этот закон вымирания малоспециализированных слов выгоден для позднейших слов, новых поколений, и не выгоден для наиболее древних слов, с малыми номерами поколений. Ведь новые слова образуются из старых путем расщепления их площади, сужения их значений.

Этим объясняется, почему язык не застывает, словарь его меняется. Нужно иметь также в виду, что вымирание слова сразу отражается на родственных ему словах: образуются разрывы в ряду, связь слов этого ряда начинает ощущаться слабее, а следовательно, слабеет и ощущение смысла этих слов, производности их от других. Весь ряд может захиреть, вымирание распространиться с одних слов на другие.

Этот закон вымирания слов объясняет, почему до нас дошло так мало исходных слов: ведь эти слова были, с одной стороны, наиболее близки к точкам скопления слов, с другой — наиболее широки по своему значению. Поэтому тут и сказалось так резко вымирание.

Они либо совсем исчезли, либо сохранились в чрезвычайно суженном — по сравнению с первоначальным — значении. Им пришлось как бы потесниться среди других слов, своих потомков, и те из них, что выжили, поступились частью своей площади, вышли из борьбы с ущемленным значением.

Наименьшая вероятность слов

Мы говорили о точках скопления, о наибольшей вероятности слов. Интересно также выяснить законы наименьшей вероятности слов.

Исходный треугольник значений означает, в конечном счете, энергию. Поэтому в языке легко образуются слова, означающие большую степень энергии, и трудно те слова, которые означают малую степень энергии или отсутствие ее.

Мы назовем такие слова отрицательными словами.

Есть, например, слово «рослый», но в точности противоположного слова нет. Приходится пользоваться словами: «низкий», «низкорослый» и т.п. Есть слова «великан, верзила, дылда», но точно противоположных русских слов нет: «карлик, лилипут, пигмей» — слова заимствованные. Нет противоположности слову «меткий»; а для слова «ловкий» приходится пользоваться составным противоположением: «неловкий».

Чтобы образовать такие отрицательные слова, языку приходится прибегать к обходным путям, так сказать, к хитростям.

Либо берется активная сторона неактивного в целом явления: так, например, как вскрывает анализ, «лежать» значит «растягиваться». Либо слово образуется из пассивной формы другого слова, означающего энергию: так, например, «хилый (хылый)» образовано

из «хыти», которое, судя по «хитить (хытить)» и др. словам, означало «захватывать, ударять» и т.п. Таким же способом образовались и «робкий, изможденный, худой» и многие другие отрицательные слова.

Затем, отрицательные слова образуются еще так: посредством отрицаний («некрасивый, безобразный»); посредством подразумеваемого контекста («чудовищный» — собственно «странный»; «уродливый» — собственно «прирожденный»); посредством некоторого преувеличенного, иронического или порицающего оттенка: так, слово «хватить», означающее ударить («хватить со всего маху»), может приобрести значение — ударить без расчета, промахнуться, ошибиться, солгать («ну, это ты хватил!»); то же самое можно заметить и на слове «мазать, мазнуть»: «смазать (хлестнуть) по спине», «мазать в игре в карты» и — «мазать, промазывать, мазила»; или на слове «юрить (метаться)», давшем «юрод, юродивый (слабоумный)».

Предел изменения языка

Мы нашли, что язык сам собою должен меняться. Есть ли предел этому изменению? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить, при каких условиях он может еще меняться, при каких — нет. Вот условия, когда язык может меняться.

Первое: принцип избыточности слов реализуется тем, что существует одновременно множество диалектов одного и того же языка.

Второе: в противоположность этому, происходит время от времени соприкосновение и смешение диалектов, благодаря чему совершается по принципу экономичности отбор слов.

Третье: совершается переход от одной стадии понимания мира к другой, благодаря чему меняется и язык.

Четвертое: языковые законы еще ощущаются, так что слова звучат не как условные термины, а как органические образования; язык воспринимается до некоторой степени как искусство; каждый чувствует себя участником его, имеет право продолжать развивать язык.

Пятое: не существует зафиксированной общеобязательной нормы, преследующей всякое отклонение языка от нее.

Все эти пять условий теперь уже не имеют места. Язык вошел всецело в предметную стадию, то есть слова ощущаются как названия отдельных понятий, вещей, действий, свойств. Слова стали оторванными друг от друга терминами. Тот, кто сейчас говорит «изба», не ощущает в этом слове уже значения внутренности или — если бы мы поверили языковедам — истопленного помещения; он не ощущает ничего, потому что изба для него — вещь, отдельная от других вещей. Всеобщее распространение письменности нивелировало везде язык, возвело его нынешнее состояние в норму, от которой нельзя отклоняться.

Таким образом, можно считать, что в наше время язык окаменеваает или уже окаменел. Его внутренние законы перестали ощущаться, и он по ним дальше развиваться не может. Это не значит, конечно, что он вообще перестанет меняться. Окатывание речью отдельных слов будет продолжаться. Но оно созидającego значения не имеет.

Особые признаки

Законы языка чрезвычайно просты: *симметричная таблица исходных элементов, вращение и кристаллиза-*

ция, сохранение весового отношения, треугольник исходного смысла, расщепление значения при вращении, вероятность слова. Вот и все законы, одинаковые для всех родов и рядов.

Казалось бы, и все слова должны были бы развиваться одинаково по этим законам, симметрично. На деле не так: сочетание этих законов так необозримо разнообразно, дает возможность такого количества вариаций, что каждое слово развивается несколько по-иному, чем другое, вычерчивает под влиянием тех же самых законов свою собственную индивидуальную траекторию.

Поэтому-то и нельзя было бы заранее предсказать в точности появление и изменение какого-либо слова.

И поэтому также затрудняется исследование траекторий слов. Чтобы выяснить их, надо учесть индивидуальное отличие данной траектории от остальных. А для этого надо, пользуясь тем ощущением некоторой абстрактной, средней типичной траектории, которое возникает из обозрения множества слов, найти характерные отличия, особую судьбу данного слова.

Этому помогают различные внешние отличия исследуемого слова от других. Мелкие отличия, на которые обычно не обращают внимания, оказываются намеками, по которым можно восстановить историю слова.

Так, когда мы исследовали слово ЧИТАТЬ, мы обратили внимание на то, что оно не имеет совершенного вида; когда исследовали слово ЖИТИ, обратили внимание на то, что по звуковым законам современного русского языка после Ж не допускается Ъ; когда исследовали слово МЫТЬ, обратили внимание на идиому «взмыть в небо»; в некоторых словах мы обращали

внимание на их субстратность, в других — на их бес- субъектность, в иных — на то, что они зараз означают и физическое и психическое явление; часто заслуживает пристального внимания способ, каким слово сочетается с предлогами; существенна густота и тяжесть согласных в слове, количество слогов и, во многих случаях, ударение.

Все такие признаки, — полный список их давать не имеет смысла, — обязаны своим происхождением своеобразию траектории данного слова, как бы запечатлели в зашифрованном виде его историю. Поэтому мы будем называть их особыми признаками.

IV

О языкознании

Звукоподражание

Изложенная теория настолько отличается от общепринятых в языкознании, что стоит остановиться особо на некоторых пунктах, в которых отличие это сказывается наиболее резко.

Возникновение языка связывается некоторыми с звукоподражанием. Человек будто бы заметил сходство некоторых природных звуков с теми звуками, которые он сам может произвести. Воспроизводя такие звуки, он связывал их с предметами и процессами в природе, и так получились первые слова — звукоподражательные слова.

Теория слов отвергает какое-либо значение звукоподражания для возникновения языка.

Начать с того, что сходство звуков речи с природными звуками так ничтожно, что о настоящем звуко-

подражании говорить не приходится. На что похоже звуко сочетание «ГР»? По правде говоря, оно не похоже ни на какой природный звук. Иллюзия сходства наступает только тогда, когда это звуко сочетание присутствует в слове, означающем звуковой процесс. Так, в словах «груша», «гроб» мы не чувствуем никакой «звуковой картины», а в словах «гром», «грохот» будто бы есть звукописание. Это ощущение, внушенное заранее принятой теорией.

Самое же главное, что человек при создании языка не мог руководствоваться никакими пассивными восприятиями, никакими данными органов чувств. Слова рождались не из наблюдения звуков, цветов или запахов, а из мускульного усилия. Основное ощущение при речи — это ощущение работы органов речи, а не слуховое ее восприятие. Так же, как, например, пляшущий человек ощущает различные мускульные усилия и обращает внимание на них, а не смотрит на себя со стороны: как выглядит он в той или другой позе.

Анализ слов, означающих звуковой процесс, показывает, что в основе этих слов всегда лежит мускульное представление, значение удара или разрыва, бросания, и т.п.

Так, например, ГРОХОТАТЬ происходит от ГРОХАТЬ, которое значило «метнуть», откуда ГРОХНУТЬСЯ — «метнуться, кинуться, упасть». ГРЕШИТЬ и ГРОХАТЬ одинаково происходят от ГРЕЩЬ: ГРЕШИТЬ значило сначала (в др.-русском) «промахиваться, не попадать», а затем это значение перешло в «действовать, поступать неправильно». Значение же «промахиваться» произошло от значения «метать» точно таким же способом, как это мы уже наблюдали на словах ХВАТИТЬ и МАЗАТЬ.

Таким образом, шумовое значение ГРОХОТАТЬ будет вторичным по сравнению с мускульным: «упасть с силой» дало «упасть с шумом» и, в конце концов, «шуметь, производить шум».

Значение букв

Некоторые приписывают каждой букве свое особое значение, эмоциональный оттенок. Л будто бы выражает нежность, мягкое прикосновение, глажение; Р — энергию, решительность, гнев, разрыв; П — успокоение, рассеяние; и так далее.

Ошибка этой теории такая же, как и теории звукоподражания. Конечно, каждый звук речи (буква) чем-то отличен от другого. Но систему речевых звуков привести в соответствие с системой эмоций так же невозможно, как и с системой природных звуков. Слишком различны все эти системы, и установление параллелизма между ними — всегда натяжка.

Главное же, языку так же нет дела до эмоций, как и до звуков или цветов. Все эти значения производны.

Слово БЛАГОЙ имеет два значения: «хороший, добрый» и «дурной, упрямый» (блажить — дурить). Ясно, что оба эти противоположные значения одинаково производны. Действительно, БЛАЖИТЬ происходит от БЛЕЩИ, а это слово значило «стремиться, метаться, взметать». БЛЕСК в др.-русском означал «молния, вспышка, вообще всякий взмет света, сверкание». Ясно, что БЛАЖИТЬ могло одинаково легко произвести и положительное и отрицательное в нравственном смысле значение: «стремящийся упорно, неотклонимо от правильного пути» и «стремящийся без толку, мятущийся».

В данном случае произошли взаимопротивоположные оценочные значения; но так же легко могли бы произойти и противоположные психологические, эмоциональные значения.

В основе эмоциональных значений анализ всегда вскрывает мускульные проекции, предшествующие психологическим; вернее, проекция на психику так же происходит от проекции на жидкость, как происходит от нее и проекция на тело.

Так, например, ПЕЧАЛЬ происходит от ПЕЩЬ, ПЕЧЬ, что значило: «хватать, драть, держать». Отсюда ПЕЩЬ, что означало и пещеру, и печь: очевидно, вообще всякий «выхват», углубление, ниша. Отсюда же ПЕЩИСЯ, ПЕЧЬСЯ первоначально с творительным падежом — чем-нибудь: то есть быть схваченным, одержимым чем-нибудь, тревожимым. А это, в свою очередь, дало ПЕЧЬСЯ о ком-либо, ОПЕКАТЬ, то есть быть охваченным заботой о ком-нибудь, заботиться о нем; и — ПЕЧАЛЬ, то есть просто забота, без указания причины и объекта.

Так же точно произошла и РАДОСТЬ, хотя получила противоположный печали смысл. РЕЩЬ, как и ПЕЩЬ, значило «хватать»; РАДИТИ / РАДЕТИ, как и ПЕЧЬСЯ, значило «заботиться»; отсюда, например, РАДУНИЦА — день поминовения умерших, — не потому, конечно, что это особо радостный день (хотя в словаре Срезневского так наивно и объясняется: «день, когда поются радостные пасхальные песнопения»), а потому, что это день заботы о покойных; дальше, однако, происходит расхождение путей ПЕЧЬСЯ и РАДИТИ.

В то время, как в ряду ПЕЧЬСЯ заботливость связывается с неприятностью, озабоченностью, в ряду

РАДИТИ она связывается с готовностью заботиться, пойти навстречу желаниям. РАД в др.-русском значило: «усердный, готовый, с радостью выполняющий, ревностный, довольный, веселый и, наконец, — счастливый».

Геометричность языка

Есть еще теория, которая считает основными элементами смысла языка геометрические движения. Л будто бы означает переход движения из линейного направления в плоскостное. М — раздробление. Ч — охватывание, укрывание. П — рассеяние. В — вращение. С — излучение под узким углом. Д — отрыв. И так далее.

Если отрешиться от ошибочного приписывания каждому звуку речи особых, ему только присущих свойств, то об этой теории, созданной поэтом, можно сказать, что она является наиболее глубоким проникновением в сущность языка. Ибо здесь язык выводится уже не из внешних ему свойств, не из подражания чему-либо, а из присущих самому процессу речи силовых линий, направлений освобождения энергии. Слова по этой теории являются как бы векторами испускания энергии.

Все же и эта теория неправильна. Ошибка ее лежит не только в приписывании каждому звуку отличных от другого свойств, а гораздо глубже.

Дело в том, что эта теория пользуется для определения изначальных векторов языка геометрией нашего пространства. А эта геометрия гораздо моложе языка и является до некоторой степени его же созданием. Действительно, наше представление о пространстве, наша геометрия есть абстракция абсолютно твердого тела,

создавшаяся благодаря проекции языка на вещи и действия.

Таким образом, теория эта приписывает языку нашу геометричность, на самом деле ему не свойственную.

Сравнительное языкознание

Перечисленные теории являются скорее догадками любителей, чем теориями настоящей, официальной науки о языке. Что же утверждает эта наука, какую теорию выдвигают ученые, специально изучающие язык?

Как ни странно, они не предлагают ничего. Ограничившись несколькими замечаниями о том, что язык создан, вероятно, из звуков, связанных с работой (то есть мускульных усилий, направленных на внешний мир), а быть может, частью и из звукоподражания, языковеды спешат поскорее уйти от этого вопроса и уже не возвращаться к нему.

Это так вкоренилось, что самый вопрос о происхождении языка и исходных, первоначальных словах молчаливо признан каким-то неприличным вопросом, а занятия в этом направлении чем-то смешным и жалким, вроде попытки построить перпетуум мобиле.

Для современной науки о языке не существует самого вопроса об истории значений: она считает, что нынешний ассортимент понятий единственный возможный, он существовал в готовом виде всегда, разве что в более урезанном виде прежде. Для нее нет вопроса о трансформации смысла, как для естествознания не было вопроса о трансформации животных и растительных видов, пока они считались одинаковыми во все времена, незыблемыми.

Понятно, что при таком взгляде всякая попытка свести бесчисленное многообразие слов к небольшому ко-

личеству исходных слов кажется заранее нелепым и обреченным на неудачу предприятием, чем-то вроде таблицы категорий, из которой можно было бы дедуктивно вывести все свойства мира.

В основе этого отвращения современного языкознания к вопросу, который, казалось бы, должен стоять в центре его работ, лежит, кроме упомянутого уже представления о готовом ассортименте понятий, независимых от языка, еще и другое, — скорее уже не представление, а чувство. Это чувство хотя и не осознано, но весьма сильно: это — осторожность, почти инстинктивная боязнь беспочвенных спекуляций.

Эта боязнь понятна: нигде, пожалуй, материал не бывает так податлив, так услужливо подтверждающим любую гипотезу, как в языке. Ведь букв в языке всего пара десятков, а звуко сочетаний много сот тысяч; звуки могут переходить друг в друга; значения все связаны между собой самыми на вид разнообразными способами, так что можно соединять их нитями и так и так; короче говоря, нигде факты не подтасовываются с такой легкостью, как при исследовании слов. Недаром существовавшие во все времена фантасты и доморощенные философы влеклись к этому занятию.

Чтобы уберечься от спекуляций, языковеды отказываются вообще от какого-либо руководящего принципа. Они стараются только подмечать факты, считая, что факты в конце концов приведут к правильным общим выводам.

Недостаточное проникновение в глубь материала они стараются возместить шириной привлекаемого материала. Современное языковедение недаром зовется сравнительным: оно изучает факты одного языка, сравнивая их с фактами других языков.

Заимствования

Но никакое сравнение не может само по себе дать объяснения. Оттого, что русскому ОГОНЬ соответствует санскритское АГНИ и латинское ИГНИС, не становится понятным, как произошло это слово в том, другом или третьем языке.

Понятно поэтому, что языковеду доставляет удовлетворение, когда эту непонятную связь, это сходство он может истолковать как самую обычную для человеческого ума связь — причинную. Делается это двумя путями: либо все эти сходные слова считаются за производные от какого-то неизвестного слова более раннего языка; либо, что еще проще, считается, что одно из этих сходных слов произошло от другого, изучаемый язык заимствовал это слово из другого, слегка видоизменив его.

Хотя, собственно говоря, и такое толкование не вскрывает механизма возникновения слова, но оно зато отодвигает вопрос об этом, дает иллюзию объяснения. Поэтому, верно, языковеды и склонны так видеть всюду заимствование. Кажется, что ими движет при рассмотрении любого языка стремление доказать, что все его слова произошли из слов другого языка.

ИЗБА (для тех языковедов, которые не решаются произвести это слово от ИСТОПИТЬ) произошла от немецкого ШТУБЕ; КУРЫ (в «строить куры») от французского КУР; ПРОХВОСТ от греческого ПРОФОС; ЕРУНДА от латинского ГЕРУНДИЙ; и так далее.

Во всех этих объяснениях имеется, однако, двойная слабость: во-первых, связь между словами держится тут на весьма шатких ассоциациях; во-вторых, язык при таких объяснениях понимается как аморфная сре-

да, не имеющая сопротивления проникающим в нее чуждым элементам.

Да, действительно, современный человек, особенно интеллигент, не задумается ввести в свою речь новое, иностранное слово как нужный ему термин; потому что для него и свой язык, по существу, только собрание терминов, связи между словами, их, так сказать, фамильной принадлежности он уже не чувствует. Но прежде это было безусловно не так.

Пока законы языка чувствуются, введение чуждого, не входящего в общую ткань языка слова так же невозможно, как невозможно, скажем, для механика всунуть в машину кочергу потому только, что она также железная и валяется тут рядом. Или — как невозможно пчеле спутать бумажный цветок с настоящим.

Пчела узнает цветок по запаху. И человек, пока язык для него не омертвел, воспринимает слово по его интимной связи с другими словами этого языка, как бы по его родовому запаху. Чужое слово поэтому не воспринимается вообще как речевой элемент, оно такой же не имеющий отношения к речи звук, как скрип двери или тиканье часов.

Теория слов отрицает какое бы то ни было существенное значение заимствований для языка. Заимствование начинается только на более поздних стадиях и, так сказать, на периферии языка, в специальных областях, где слова раньше всего начинают восприниматься как термины.

В одном только случае чуждое слово легко может войти в язык, стать своим: когда слово-приемыш случайно подходит по своему звуковому составу к соответствующему языковому ряду, совпадает с возможным, но еще не реализовавшимся словом в данном язы-

ке. Но тогда это будет собственно не заимствование, а создание под влиянием внешнего толчка нового слова по законам этого языка.

Название Царское Село, говорят, происходит от бывшей тут когда-то финской мызы Саари. Можно ли сказать, что это название заимствовано из финского языка? Нет. Саари, воспринятое как что-то связанное с царем, как «цари», вместе с тем фактом, что тут стала бывать царская фамилия, дало толчок к созданию названия Царское Село.

«Заимствуется» только то, что подходит.

Ассоциативность

Языковедам кажется: раз они не приняли заранее никакой теории языка, значит, они застрахованы от ошибок, они видят факты, каковы они на самом деле. На самом деле это не верно.

Ведь для того, чтобы сравнивать и регистрировать, нужно уже иметь мнение о сходстве и несходстве, то есть нужно иметь теорию. И такая теория, только неосознанная, у них есть.

Почему сравнивают, связывают слово ИЗБА со словами ШТУБЕ или ИСТОПИТЬ, а, например, не ШТОБ (по-немецки пень) или ИСТУПИТЬ? Потому что им кажется, что между избой и комнатой или отоплением больше связи, чем между избой и пнем или притуплением.

То есть попросту они следуют собственным ассоциациям, ставят себя на место тех, кто создавал язык. Они подобны такому историку, который сказал бы: я не буду принимать заранее никаких теорий о психологии живших до нас народов; и поэтому стал бы объяс-

нять все их действия соответственно принципам, интересам и желаниям человека нашего времени.

Между тем наши ассоциации, не говоря уже о том, что они шатки и подвержены случайным влияниям, вообще не годны для объяснения фактов языка: они созданы сами на основе последней стадии развития языка.

Таким образом, единственной настоящей путеводной нитью остается для лингвистов звуковое сходство различных слов. Но при огромном количестве слов и малом количестве звуков языка возникает такое количество случайных совпадений, сбивающих с толку подобий, что не сделать тут ошибки почти невозможно.

Тут-то и встает вопрос: полезен ли вообще сравнительный метод?

Расширение материала выгодно тогда, когда есть возможность правильно освоить его. В противном случае оно превращается в засорение, в расширение возможности ошибиться.

Представим себе шахматиста, которому принесли запись партии, но не правильную запись, а с пропусками и перепутанным порядком ходов. При некотором терпении он в конце концов в ней разберется, восстановит партию. Но представим себе, что ему принесли сотню таких перепутанных записей и он решил, что ходы каждой партии разбросаны по всем бумажкам. Тут уже возникнет столько возможных комбинаций, столько случаев спутать ходы одной партии с ходами другой, что нет никаких шансов распутать этот клубок.

Яфетическая теория

Есть, однако, в современном языкознании одна школа, идущая вразрез со всем остальным языкозна-

нием. Эта школа — яфетическая — не только не разделяет с другими презрения к выяснению происхождения языка, к истории значений, но, наоборот, выдвигает работу в этой области на первый план.

Судить о яфетической теории довольно затруднительно, потому что все ее изложения не дают ее в цельной системе, а приводят только отдельные наблюдения и выводы, ограничиваясь многозначительными намеками, что дальше должно бы следовать еще более интересное и важное... Но и эти выводы все же достаточно характерны.

Прежде всего, что очень важно, яфетисты стараются отойти от свойственных современному человеку ассоциаций. И это действительно дает им возможность заметить много такого, от чего отворачиваются отдельные языковеды.

Однако объяснение замеченному они дают, в общем, неверное.

Причина их ошибки в том, что, отказавшись от современных ассоциаций, они сейчас же заменяют их другими: теми, что подсказываются самими словами, если их взять вне общей системы языка. Мы будем называть такие ассоциации «языковой фантастикой». Сейчас поясню, что это такое.

Мы, скажем, установили, что РЕКА и РЕЧЬ слова родственные. Само по себе это, конечно, звучит странно. Но странность пропадает, когда мы углубимся в язык дальше и узнаем, что РЕЩЬ, от которого произошли оба эти слова, значило «испускать, источать, метать». Языковой фантастикой было бы, если бы мы, будучи не в силах произвести этого углубленного анализа, попробовали связать РЕЧЬ и РЕКА какими-то ассоциациями, нам несвойственными, но свойствен-

ными, по нашему предположению, людям прежних времен. Мы бы додумались на этом пути до того, что РЕКА произошла от РЕЧЬ, либо, наоборот, РЕЧЬ от РЕКА; что было будто бы время, когда люди считали реки созданными, скажем, речью богов или, наоборот, дар речи считали даром реки; можно было бы, конечно, придумать и что-либо другое.

Правильно подмеченный факт был бы объяснен фантастической теорией.

Но таких примеров, как РЕКА и РЕЧЬ, можно привести сколько угодно. И поэтому языковая фантастика может разрастись как угодно велико.

Яфетисты, например, заметили, что во многих языках противоположные друг другу понятия — мать и девственница, начало и конец, верх и низ, белое и черное — выражаются вариантами одного и того же слова. Мы тоже сталкивались с этим на конкретных примерах и тогда же дали объяснение. Но яфетисты делают из этого факта другой, грандиозный вывод: при общественных сдвигах, при смене экономических формаций слова переходят в свои противоположности.

Яфетисты заметили, что столь разные понятия, как ДУХ и ДЫМ или — в других языках — ОЛЕНЬ и ЛОШАДЬ означаются родственными словами. Мы бы объяснили это так: ДУХ имело смысл «стремление, испускание» («испускать дух») и ДЫМ имело также значение «источение, испускание»; и лошадь и олень обозначались, очевидно, одним словом «бегун» или, может быть, «тягач». Яфетисты же делают такие выводы: слово ДЫМ происходит от слова ДУША — душа стала представляться «технологически, как пар или дым»; и поэтому слово кипятить происходит у грузин от слова «душа». А название лошади есть перенесен-

ное на нее название оленя, соответственно смене в культуре транспортных животных.

Языковой фантазии благоприятствует еще и то, что яфетисты в несравненно большей степени, чем остальные языковеды, прибегают к сравнительному методу; если им, например, надо объяснить какое-нибудь русское слово, то они уже не ограничатся привлечением подходящего материала из индоевропейских языков, а возьмут в случае нужды шумерское, турецкое, негритянское, какое угодно слово. Понятно, что вероятность произвольных толкований при этом возрастает в огромной степени.

Когда яфетист говорит, что бакское слово «нигар», означающее «слеза», значит «вода глаза», потому что на Кавказе есть язык, в котором «гар» значит вода, и такой язык, в котором «ни» значит глаз, то опровергнуть это не знающему бакского языка, конечно, невозможно; хотя и невероятно, чтобы в устной речи для простейших понятий слова образовывались составным способом, как образуются они для отвлеченных терминов в философской терминологии или сейчас у нас для правительственных учреждений. Но когда он пытается приложить свою теорию к русскому языку (почему-то это делается очень редко, гораздо реже, чем по отношению к экзотическим языкам), то тогда уже появляется возможность опровергнуть эту теорию.

ПЛЕВАТЬ, говорят яфетисты, значит «пускать воду ртом»: ПЛЕ — это рот, а ВА или сокращенно В — вода; в подтверждение приводится не русские же слова, а сванское слово «пил — рот» и французское «плевуар — дождить».

Однако такое словопроизводство не только совершенно шатко, но и просто неверно. Прежде всего по-

тому, что В (вернее, — ЕВ) в ПЛЕВАТЬ совсем не является частью элемента этого слова, как, например, в ЗЕВАТЬ (от ЗЕВ), а является, наоборот, признаком позднейшей производной формы. Чтобы сделать это очевидным, проще всего сравнить между собой ПЛЕВАТЬ и ЗЕВАТЬ.

ЗЕВАТЬ писалось через Ъ, как и вообще слова, где звук Е не производный, а исконный, основной. ПЛЕВАТЬ же писалось всегда через Е, а в др.-русском языке даже через Ъ (ПЛЬВАТИ), которым обозначался краткий скользящий звук, не основной, а появляющийся между двумя согласными.

Однократный вид ЗЕВНУТЬ происходит совершенно ясно от ЗЕВАТЬ (ЗЕВАТЬ — ЗЕВНУТЬ); однократный вид ПЛЮНУТЬ не происходит от ПЛЕВАТЬ (было бы тогда ПЛЕВНУТЬ, а такого слова нет). Также не могла произойти от ПЛЕВАТЬ и другая, др.-русская форма этого глагола, в которой тоже нет ни В, ни Е, — ПЛІНУТИ.

ПЛЮНУТЬ, вопреки обычному соотношению между однократной и несовершенной формами глагола, древнее, чем ПЛЕВАТЬ: в др.-русском не было слова ПЛЕВОК, но было слово ПЛЮНОВЕНИЕ — плевков.

От ЗЕВАТЬ — ЗЕВАЕТ, ЗЕВАЙ; от ПЛЕВАТЬ же ПЛЮЕТ, ПЛЮЙ.

ЗЕВАТЬ удерживает свое Е в составных словах, ПЛЕВАТЬ — нет: РОТОЗЕЙ и ЧИСТОПЛЮЙ.

ПЛЮЕТ прежде произносилось с ударением на первом слоге, а не на втором; если бы оно происходило от ПЛЕВАТЬ, оно бы всегда имело ударение на втором слоге.

Из всего этого возможен только один вывод: ЕВ в ПЛЕВАТЬ — производный звук, признак длительной

формы глагола, как, например, в ЗАТМИТЬ – ЗАТМЕВАТЬ, ПРОДЛИТЬ – ПРОДЛЕВАТЬ, ПЕТЬ – ПЕВАТЬ и т.д.

Какое же слово дало эту длительную форму? Это было, по всей вероятности, слово ПЛЕЩЬ (в др.-русском написании ПЛЬЩЬ), имевшее значение: «испускать, источать, прыскать, брызгать». Ряд восстанавливается в таком виде:

ПЛЕТИ – ПЛЕЩЬ – ПЛЕСКАТИ
 ПЛЕСНУТЬ
 ПЛИНУТИ
 ПЛЮНУТЬ
 ПЛЕВАТЬ

Таким образом ни «ПЛЕ – рот», ни «ВА – вода» в создании ПЛЕВАТЬ не повинны. Все же особенности спряжения ПЛЕВАТЬ объясняются тем, что формы ПЛЮЕТ, ПЛЮЙ и т.п. образовались не от ПЛЕВАТЬ, а непосредственно от ПЛЕЩИ (ПЛЬЩИ).

Другой пример яфетистов СЛЕЗА. Это слово будто бы происходит так: скрестилось слово СЕЛ («глаз») в форме СЛЕ со словом САЛ («вода») в форме ЗА; слова эти находятся в бретонском и армянском языках; СЛЕЗА, следовательно, значит: «глазная вода».

Мы не будем тут производить анализа СЛЕЗА; это было бы слишком долго. Но мы укажем на несколько признаков, которые не допускают такого словопроизводства.

Во-первых, СЛЕЗА обозначало в др.-русском не только воду, льющуюся из глаз, но и каплю сока растения; и сейчас мы говорим, например, о слезе сыра, хотя никто не думает, что сыр плачет.

Во-вторых, СЛЕ не могло быть элементом слова СЛЕЗА, так как это слово писалось через Е, а прежде через Ъ.

В-третьих, С в СЛЕЗА является приставкой, так же, как, например, в слове СЛИТОК (ЛИТЬ – СЛИТЬ – СЛИТОК).

В-четвертых, ЗА является весьма обычным окончанием для кристаллизаций, произошедших от глаголов, оканчивавшихся на ЩИ, ЧИ, ЧЬ (СТРЕКАТИ – СТРЕКОЧИ – СТРЕКОЗА).

В-пятых, никаких намеков, что СЕЛ и СЛЕ означали в русском языке воду, а САЛ или ЗА глаз, никаких таких намеков нет.

СЛЕЗА происходит от ЛЕТИ и находится в связи, правда, не прямой, с ЛИТЬ, и в близкой связи с др.-русским словом ЛЕЩЬ (ЛЬЩЬ), которое в узком смысле значило «блеск, испускание света», а в более широком, очевидно, вообще «испускание, истечение, излияние»...

Сказанного достаточно. Яфетическую теорию можно сравнить с алхимией; так же, как и та, она чрезвычайно смела, имеет некоторые прозрения и, в общем, ошибочна.

Праязык

Языковеды-индоевропейцы уподобляют развитие языка ветвлению дерева: основной ствол, праязык, дает начало нескольким языкам, которые, в свою очередь, ветвятся вновь и вновь. Яфетисты, наоборот, сравнивают язык как бы с перевернутым деревом: разные языки перекрещиваются, смешиваются, стремятся стать единым языком.

И то и другое, конечно, верно при различных исторических обстоятельствах: разделяются люди, разделяется и язык на несколько диалектов, превращающихся со временем в разные языки; объединяются люди,

объединяются и диалекты в единый язык, разные языки в общий.

Вопрос же о том, был ли один первоначальный язык, давший начало остальным, или было их много, существенного значения не имеет. Ибо если их было и много, то возникли они по одним и тем же законам первоначальной речи и, следовательно, они были в главных чертах тождественны. Вопрос, был ли один или много праязыков, так же не важен, как тот, возникла ли система чисел, счета в одном каком-нибудь пункте или сразу во многих.

Взаимоотношение между существующими ныне языками и праязыками нагляднее всего представляет такая схема: множество разных треугольников вычерчено на одном и том же основании; площадь и фигура треугольника будут представлять какой-либо современный язык, основание — праязык.

Понятно, что для нахождения праязыка не нужно совсем выходить за пределы изучаемого треугольника, переходить в другой или сравнивать его с другими; надо только проникнуть в самую его глубину, дойти до фундамента, до основания.

Но чем же тогда объяснить огромное разнообразие языков? Это объясняется огромной возможностью варьирования при сохранении тех же самых основных законов. Представим себе, например, что состав согласных в одном языке не совпадает с составом их в другом языке: таблица исходных элементов будет для каждого языка разная и, следовательно, и сами языки будут резко различны. Или, представим, смыслоутверждающей частицей будет избрано не ТИ, а какое-нибудь другое звукосочетание; или, наконец, будет другой закон весового соотношения; любой из этих факторов влечет

за собой изменение всех слов, как бы полную переинструментовку языка.

Более близкое или далекое сродство языков и объясняется большим или меньшим различием этих решающих факторов. Конечно, их различие или сходство будет не случайно, а зависеть от строения органов речи, от традиции, от общения или разобщенности различных человеческих групп.

Критерий теории

Всякая теория, в том числе Теория слов, должна отвечать следующим трем требованиям: она должна быть непротиворечива внутри, непротиворечива более общим основаниям, принимаемым за истинные, и непротиворечива частным утверждениям, то есть фактам.

О внутренней непротиворечивости Теории слов можно судить по уже изложенному. Ее соответствие более общим основаниям здесь выяснять неуместно. Остается — соответствие фактам.

Чтобы испытать теорию, мы возьмем все слова, начинающиеся на одну определенную букву, и проверим, насколько укладывается такой, не подобранный заранее, материал в рамки теории. Мы возьмем букву Р: тут невозможны звукосочетания РР и РЛ и поэтому слов будет не так уж много.

Разумеется, мы будем исследовать только такие слова, элемент которых начинается с Р, отметая все, начинающиеся с приставок раз-, роз- и т.п. Древние и диалектические слова мы привлечем не все, а только такие, которые окажутся нужными для анализа.

Историю значений в данном ряду, служащую для объяснения теперешнего значения слова, мы будем называть смысловой линией или просто линией.

V

Список Р

Рыть

Все слова этого рода происходят непосредственно или опосредственно от двух слов: РЫТИ и РЕТИ. Сначала мы рассмотрим слова, происходящие от РЫТИ. Это слово — РЫТЬ — имеет сейчас довольно узкое значение, почти всегда употребляется в связи с землей: рыть землю. Мы считаем это результатом процесса вытеснения, сужением первоначального смысла. По нынешнему словоупотреблению можно считать, что РЫТЬ имело значение: рвать, раздирать, драть, то есть, первоначально, хватать; ведь рыть землю — это и значит рвать или раздирать землю. Кроме того, согласно теории, РЫТЬ должно было еще иметь значения: стремить (ся) и тянуть (ся).

От РЫТИ слова происходят двумя способами: либо непосредственно, либо через РЫТИ — РЯЩІ. Установить для каждого слова, каким именно из этих двух путей оно произошло, не всегда возможно. Мы рассмотрим сначала слова, которые можно считать происходящими непосредственно от РЫТИ.

Рытик

Диалектическое слово, обозначающее: «грибная земля» и «язва». Это слово, ясно связанное с РЫТЬ, свидетельствует о его прежнем более широком значении. Действительно, значение «грибная земля» понятно: рыхлая земля; а откуда «язва»? Очевидно, РЫТЬ имело также и более широкое значение: рвать, драть, разъедать. РЫТИК (язва) — разодранная, разъеденная, разрыхленная (кожа).

Ряб

Рябое лицо — изрытое. Однако РЯБ говорят не только о неровной поверхности, но и о неровном цвете: рябая курица, в глазах рябит.

Это характерно вообще для названий цветов: цвет вначале в языке отмечается как неровность, пестрота; собственно, не цвет, а масть. И до сих пор в языке поразительно мало слов для обозначения чистых цветов (часть таких слов заимствована), и, наоборот, необычайно много названий мастей шерсти, волос. Масть, цветовая разность, предшествует самому цвету.

Рус

Русый означало прежде не блондина, а рыжеватый, желто-красный цвет волос. Вероятно, изначально обозначало просто — пестрый.

Руб

РУБ означало «кусок». Отсюда: рубить, рубль, рубаха, рублище. Линия: хватать, драть, ломать, резать. Более широкое первоначальное значение РУБИТЬ видно из таких, например, слов: «отруб», «отруби». Конечно, отруба значат не отрубленные, а просто отделенные участки, отрезы земли.

Рубаха значило сначала просто — кусок, отрез (ткани); такое происхождение характерно вообще для различных названий одежды.

Рух

РУХ означало «нарушение», «мятеж»; конечно, это уже специализированное значение; на более общее ука-

зывают слова: «рушить», «рушать» (разламывать — хлеб), «рухлядь». РУХ, значит, сначала означало не только «раздирание, разламывание», но и вообще всякую деформацию, обделывание, обработку; поэтому-то и РУХОЛЬНАЯ значило в др.-русском «мастерская», а РУХЛЯДЬ значило не только лом, как сейчас, но и вообще всякие вещи, скарб, пожитки.

Ровно

Такого же происхождения, вероятно, и РОВНО: «обделанно, гладко». Отсюда — «равный».

Тут интересно, что отрицательное понятие — не имеющее выдающихся мест — образовано из положительного и, казалось бы, ему противоположного: «рвать, драть, ломать, нарушать». РОВ и РОВНО — в таком же отношении, как, скажем, «выбитый» и «оббитый».

Рынок

Диалектически также — овраг, мыс, отмель, коса.

По всей вероятности, — выровненное, а также и, наоборот, изрытое место; кроме того, быть может, выделенное, вырезанное место (ср. КОСА).

Русло

Надо вспомнить, что наше понимание «вырытое (инструментом)» — позднейшее; при проекции на жидкость вырытое — разодранное стихийным процессом: либо собственным — «взбаламученное», либо чуждым, прошедшим через эту среду — «рассеченное, проложенное». Поэтому от РЫТЬ и образовалось др.-русское слово РОВЬНИЦА (канавы, проток, канал) и русское РУСЛО.

Рында

Значило: телохранитель, стражник, знаменосец. По линии: «хватать, ловить, держать».

Рыба

Имеет собирательное значение, подобно, например, дичи; единственное число (рыбина) явно позднейшее. Очевидно, происходит по линии — «хватать, ловить» и означало первоначально просто — «улов». Отсюда понятно идиоматическое выражение «на безрыбье и рак — рыба», его скрытый двойной смысл.

Рящи

Это слово можно только восстановить: «ищите и (об) рящите». Смысл: получите, то есть — возьмете, схватите.

Разбираемые дальше слова происходят от РЫТИ через посредство РЯЩИ.

Рыск

РЫСКАТЬ значит «хватать, ловить». Связь со значением «рыть» сохранялась в производном от РЫСКАТИ др.-русском слове РЫСКАРЬ (мотыга, лопата).

Руно

Значит «овечья шерсть». Диалектически значит вообще шерсть или шкура, но непременно содранная, срезанная; трава, также содранная; руно гороха — пучок гороха.

Линия: «хватать, драть, резать». Значение: «содранное, срезанное». Поэтому РУНО и прилагается именно к овечьей шерсти, что эта шерсть срезается.

Линии «рыбы» и «руна» показывают практический оттенок слов языка: рыба названа не по каким-либо ее собственным свойствам, а по ее отношению к человеческой деятельности; так же и шерсть. Это характерно для весьма многих слов. Похоже на то, что если «лес» имеет два значения — «бор» и «строительный материал» — то не второе происходит от первого, а, наоборот, первое от второго.

Рóвдуга

Значило — «содранная шкура». После того, что сказано о руне, можно не объяснять. Стоит отметить, что «у» в РÓВДУГА вторичное из «о», так же как в словах радуга, муравей.

Ря́тязь

Значило — «цепь». Линия: «хватать, цеплять, сцеплять».

Ряса

Значило первоначально — «бахрома, ожерелье». От этого происходят слова РЯСНО (ресницы), РЕСНИЦА и РЯСНОТА́ (соответствие, истина).

Та же линия: «хватать, сцеплять». Значение: «сцепление, нанизь, пучок». Ряснота — связь с остальным, подлинность, истина. Это слово синонимично словам ИСТИНА и ПРАВДА, но происходит по другой смысловой линии, чем они.

Рука

Писалось в древности и РЯКА. В уменьшительном — РУЧКА — значило: «черпак, сосуд». В связи с «рука», конечно, РУКАВ (не только одежды, но и рукав, проток реки) и РУЧЕЙ.

Надо заметить еще следующие идиоматические значения «руки»: власть («под его рукой»), зацепка, протекция («у него там рука»), ухват (ручка двери, пера) и сорт (товар лучшей руки).

Все эти значения идут по линиям: «хватать, зацеплять, черпать, отбирать, держать, властвовать»; и — «прорывать, прокладывать ход в определенном направлении».

Следует отметить, что названия сосудов происходят обычно от значения «черпать»; сосуд понимался прежде как то, чем берут жидкость, и только впоследствии как то, в чем ее хранят.

Ряд

Рядить, наряжать, снаряжать имеют очень разнообразные значения; все их, однако, можно свести к значению — «приводить в порядок, в соответствие». РЯД, как и РЯСНОТА, происходит по линии «схватывание, сцепление, соответствие, распределение». Отсюда же — ЗАРЯЖАТЬ, РУЖЬЕ.

Руг

РУГ значило «насмешка». РУГÁ значило «одежда, обрывок, земельный участок». Линия: «хватать, драть, задирать, зацеплять, отделять».

Таким образом, РУГАТЬ значило вначале «задирать». Такая линия обычна для слов, обозначающих брань или оскорбление.

Между РУГА (одежда) и РУГÁ (участок) взаимоотношение точно такое же, как между РУБАХА и ОТРУБ.

Ржавчина

В др.-русском РОЖДЬ (РЪЖДЬ), диалектически РЖА. Линия та же, что для РЫТИК; только там — разъедание кожи, здесь — металла.

Рожа

Означает не только «попорченное, изуродованное лицо», но и «болезнь, воспаление кожи». Линия та же, что для РЫТИК и РЖАВЧИНА.

Рыж

Означение нечистого, пестрого, так сказать «рваного» цвета; поэтому, вероятно, РЫЖИЙ и имеет некоторый бранный оттенок. Линия та же, что для РЯБОЙ и РУСЫЙ.

Рыдать

Имеется диалектическое слово РЫЖИТЬ, означающее «тошнить, рвать». «Меня рыжит» — «из меня выдирает, рвет». От этого «навзрыд» — судорожное, непроизвольное движение, выдиранье, и — РЫДАТЬ. Линия: «хватать, драть».

Рыгать. Рычать, рыкать. Ржать.

Та же линия, что для РЫЖИТЬ и РЫДАТЬ.

РЫГАТЬ в др.-русском означало и кричать, испускать резкий звук. РЖАТЬ имеет то же значение и происходит по той же линии.

Линия «драть» вообще характерна для происхождения названий крика, резкого звукоиспускания. Эта связь сохранилась в выражениях: «надрываться криком, драть глотку, раздирать воздух криком». По этой же линии — «РЫЧАТЬ, РЫКАТЬ».

Руда

Значило не только «ископаемое», но и «кровь, сажа, грязь». Рудить значило — «разрывать, нарушать, пачкать».

Какая связь между кровью и сажой и грязью? Все это результат «выдирания» внутреннего наружу, потрошения или выгребания. В зависимости от того, откуда извлекается внутреннее наружу — из земли, из печи, из тела, — и получаются разные значения: руда, зола, кровь, грязь. От РУДИТЬ происходят и разнообразные цветковые названия.

Рудяной

Эти названия: РДЕТЬ, РЕДРЫЙ или РЪДРЫЙ — рыжая масть коровы. РУМЯНЫЙ (РУДМЯНЫЙ) и РУДЯНОЙ (означает зараз и красный цвет, и черный, и вообще грязный).

Все эти названия происходят по той же линии, что РЯБОЙ, РУСЫЙ, РЫЖИЙ. Это — рваный, внутренний цвет, он может быть и красный, и черный, но непременно возникший не от внешнего окрашивания, а от просачивания внутреннего наружу, на поверхность.

Поэтому РУМЯНЫЙ и говорится только об органическом: румяное лицо — окрашенное изнутри кровью; румяное яблоко — окрашенное изнутри соком.

Такое совпадение красного и черного можно найти и в других родах, например ЧЕРНЫЙ и ЧЕРМНЫЙ, варианты одного и того же слова, связанного опять-таки с внутренностью — ЧРЕВОМ.

Рот, рев, ропот и ртуть

На этом кончается анализ слов, происходящих от РЫТИ. Остаются несколько слов, относительно которых затруднительно установить, происходят ли они от РЫТИ или от РЕТИ. Эти слова: РОТ, РЕВ, РОПОТ, РТУТЬ. Так как ряды этих слов не ясны, то и определение линий будет шатким, и поэтому мы здесь их анализировать не будем.

Рети

РЕТИ — слово не сохранившееся. Но это слово легко восстанавливается из его ближайших производных; др.-русские слова: РЕТЬ (состязание, распря, усердие), РЕТИТИ (стремить), РЕТОВАТИ (стремиться, сердиться). РЮТИЕ (стремление), РЮТИТИ (совать). Все эти слова происходят несомненно прямо от РЕТИ, и РЕТИ должно было означать — «стремить (ся), тянуть (ся)»; от «тянуться» и происходит «состязаться, спорить, сердиться»; от «стремить» происходит «совать».

Значение РЕТИ могло быть только «стремить (ся), тянуть (ся)», как этого и следовало ожидать по теории.

Ретивый

РЕТИВЫЙ, РЪЯНЫЙ, РЕВНОСТНЫЙ, все это значит — «стремительный, усердный».

Ревность

РЕВНОСТЬ имеет, кроме этого основного значения («ревность по службе, ревнитель»), еще и другое, более специальное, значение («ревновать ее к нему, ревнивец»). Откуда взялось это второе значение? От «тянуться, состязаться, спорить, завидовать»; РЕВНОСТЬ в др.-русском означало «зависть».

Рать

РАТЬ означало «распря»; РАТИЩЕ — «копье»; РАТАЙ — «пахарь». Линии: «тянуться, тянуть, раздирать»; «стремить, метать».

Рясть

РЕЯТЬ, РИНУТЬ, РОНЯТЬ — «стремиться, устремить, толкнуть, заставить упасть». От РЕЯТЬ происходит РОЙ.

Ристать

РИСТАТЬ — «стремиться, метаться». От этого РИ-СИЦА, РИСЬ (нынешнее РЫСЬ — зверь и конский бег). РИСОВАТЬ — «устремляться, чертить».

Рана

Значило — «удар, рассвет, беда». Линии: «устремить — ударить» и «устремить — начать». Отсюда: РАНО, РАН-НИЙ.

Рай

Значило — «сияние, гул, сад, радужная оболочка глаза»; в детской игре с камушком раем называется место, куда мечут камушек.

Линия: «стремить, метать, испускать» (свет, звук, растительность).

Отсюда РАЯТЬ — «звучать», и РАЙТЬ — «метаться, суетиться, бродить».

Рвать

В др.-русском писалось РЪВАТИ. Линия: «стремить (ся), тянуть (ся), раздирать». Смысл «стремиться» остался в выражениях: «рваться в бой, рвение». «Его рвет» — «его тянет, из него вытягивает, выдирает».

Роса

Линия: «стремить, источать» (влагу). РОСА — «источение».

Раб. Работа

РАБ (др. также РОБ) — тот, кто устремляется, тянется, силится. Поэтому РАБ означало работника (как

и РАТАЙ), а значение «невольник» — позднейшее. «Раб божий» — божий работник. От основного значения РАБОТА, РАБОЧИЙ.

Робя

РОБЯ — уменьшительное от РОБ — «работничек»; множественное число — РЕБЯТА (РОБЯТА). РЕБЕНОК — вторичное уменьшительное. Поэтому-то РЕБЯТА прилагалось не только к детям, и даже преимущественно не к ним (такое обращение еще подходило к мальчикам, но не к девочкам), а — фамильярно-покровительственно — к солдатам, молодым рабочим и т.п.

Риза

Означало — «ткань, одежда, оклад, переплет иконы». Линия: «тянуть, вязать, связывать вместе, сплести».

Рамо

Означало — «плечо». РАМЯНЫЙ — «плотный». Также — РАМА. По той же линии, что и РИЗА: «сплетение». Ведь сами слова «плечо» и «плотный» происходят от слова «плести».

Ремень

По линии: «тянуть, выдирать, вырезать».

Ремесло

РЕМЬСТВО значило — «искусство». Отсюда РЕМЕСЛО. Означало: «сплетание, сочетание, хитросплетение».

Репя

РЕПЕЙ значит завитушка, зацепка. РЕПЕНИТИ (диал.) значит ругать, очевидно, вначале зацеплять. РЕПИЦА значит начало хвоста, хвостовые позвонки,

само сплетение, дающее начало хвосту. Можно предположить, что и РЕПА значило сцепление, зацепка, завитушка.

Ребро

Означает не только кость, но и острие, гребень вещи. Возможно, что значит — стяжка, стык.

(С) рети

Сами слова РЕТИ, РЕСТІ́, как уже сказано, не сохранились. Но их можно найти с присоединением «с- (ст-, ск-)». Например: (С) РЕТЕНЬЕ (значит — встреча), (ВСТ) РЕТИТЬ, (СК) РЕСТИ. Линии их: «со-устремитесь, с-тянуться, столкнуться»; «тянуть, драть, раздирать».

Реци

Слова, рассмотренные до сих пор, произошли прямо от РЕТИ. Теперь мы переходим к словам, происходящим от РЕТИ через посредство РЕЩІ́. Само слово РЕЩИ не сохранилось в чистом виде; но его можно обнаружить в сочетании с «с- (ск-)» — СКРЕЩІ́, СКРЕЖЕТАТИ. Оно значило: «тянуть зубы по зубам, тереть, драть», и также — «греметь, грохотать».

Река, речь

Эти слова уже разбирались. От РЕЩІ́ происходит также РОТА (клятва, вначале, наверное, просто — торжественная речь).

Рок

РОК — сцепление обстоятельств, стечение, соответствие, соответствующее время.

Рокот

РОКОТ, РОКТАТИ (клокотать), РОКОШ (мятеж). Линия: «стремиться, бурлить, баламутить». Сюда же относится РАКА́ (винная пена).

Рост

РОСТ (др.-рус. также — РАСТ) — «стремление». Слово уже разбиралось.

Рождать

РАЖДАТЬ, РОДИТЬ, РАЖДИЕ (ветвь), РОЗГА (др.-рус. также РАЗГА), РОДНИК, РАЖДЬНЫЙ (стреми- тельный, свирепый), РАЖДИТИЕ (блеск), РАЖДАГА- НИЕ (пламя), РОЖАНИЕ (самострел), РАДУГА. Ли- ния: «стремить, испускать». Этот ряд уже разбирался.

Рад

РАЧИТЬ, РАД, РАДЕТЬ. Линия: «стремиться, быть готовым, заботиться». Ряд уже разбирался. В какой-то связи с этим рядом, но не ясно, по какой линии, и РА- КИТА.

Рак

Линия: «тянуть, зацеплять, хватать».

Рака

РА́КА, РАКОВИНА — «выхват». РЕЩЬ́ дает РА́КА и РАКОВИНА, совершенно так, как ПЕЩЬ́ дает ПЕЧЬ и ПЕЩЕРА.

Рог

РОЧИТЬ (диал. зацеплять канат, брошенный с ко- рабля, завязывать его вокруг столба), РОЧЕНЫЙ (др.-

рус. отборный, лучший), РОЖОН, РОГ, РОГАТИНА, РОГАЛИЕ (др.-рус. мотыга), РАГОЗА (плетение, ткань, ругань), РОГОЖА.

Линия: «хватать, отбирать, зацеплять, ковырять, колоть, сцеплять, плести».

Рига

РИГА означала не только «овин», но и «маета, сутолока».

Линия: «стремить, удирать, метать, мотать, маять».

Раж

РАЖ — стремление, исступление. РАЖИЙ — стремительный, хваткий, сильный. РАЗ — удар, начало, толчок. Отсюда: РАЗНЫЙ, РОЗНЫЙ — разделенный, рассеченный. Линия: «стремить, начинать, ударять».

Резать

РЕЗА — метка, черта. Очевидно, от — удара, след удара. Отсюда РЕЗАТЬ — ударять, рвать (связь с ударом заметна в РЕЗАТЬСЯ во что-нибудь — стремительно делать), РЕЗКО и РЕДКИЙ (разорванный, разделенный). Отсюда же, вероятно, и РЕЗВО. В какой-то связи — РЕДЬКА.

Решить

Кроме обычного значения имеет еще смысл: освободить (др. значение — решить оков), лишить (решиться разума), отделять, завещать (отрешить кому-либо), ударить, убить (порешить кого-либо), устранить (отрешить).

Линия: «хватить, ударить, отбить, отделить, схватить, извлечь, освободить».

С РЕШИТЬ связано РЕХНУТЬ (метнуть, ударить, метнуться, промахнуться, свихнуться), от которого — РЮХА и, наверное, РОХЛЯ и РОБКИЙ (линия их не ясна).

Решетка

РЕШКА, РЕШЕТО, РЕШЕТКА — сплетение (линия: «хватать, сцеплять, плести»).

На этом список Р кончается. Из приведенных анализов можно сделать два вывода. Во-первых, материал подтверждает теорию. Во-вторых, подтверждение это в каждом отдельном случае добывается с трудом, техника анализа довольно сложна. Можно сказать, что теория подтвердилась, но приложение ее оказалось делом не легким, и несомненно, что в приведенных анализах имеется некоторое количество частных ошибок.

Трудности тут проистекают от разных причин. Прежде всего, они зависят от того, что все исходные слова имеют одно и то же значение, так что, когда нет ясных фонетических указаний, почти невозможно решить, от какого именно из двух исходных элементов происходит данное слово. Затем, одно и то же значение может быть конечным пунктом разных смысловых линий. Наконец, сами фонетические законы не четки и иногда перекрещиваются противоречивым образом. Тут, конечно, специалист-лингвист, изучающий фонетические законы, мог бы избежать некоторых сделанных нами ошибок.

Еще один вывод можно сделать из произведенных анализов. Мы говорили до сих пор, что значения всех исходных слов, всех букв одинаковы. Это остается в силе. Но анализы показали, что каждый элемент имеет склонность давать преобладание одной из заложен-

ных в нем звуковых линий. Так, например, РЫТИ дает множество слов, связанных с линией «хватать — раздирать», а РЕТИ — с линией «стремить — метать». Можно сказать, что все элементы равнозначны потенциально, но их перспективные способности, их вероятности реализации различных смысловых линий различны.

VI

Заметки о словах

Этот, последний, отдел не нуждается ни в системе, ни в законченности; его можно продолжать сколь угодно, пока есть время и желание.

Баба, бабка и бабочка

Какая связь между этими словами? Чтобы решить это, выпишем сначала их значения.

БАБА женщина замужняя
 бабушка
 повитуха
 ворожея
 ступа и другие орудия для вбивания
 стойка и другие поддерживающие части
 в разных сооружениях

БАБКА бабушка
 повитуха
 часть ноги лошади
 связка льна, конопли и других злаков
 стойка и поддерживающие части в разных
 сооружениях
 кость для метания в игре в бабки

БАБОЧКА — мотылек

В общем десять значений: замужняя женщина, бабушка, повитуха, ворожея, кость для метания, нога лошади, связка, поддержка, вбивалка, мотылек.

Не производя подробного анализа, который был бы утомителен, скажу, к чему он приводит, какие линии скрещены в этом слове.

Тянуть-махать-качать: колыхательница зыбки, женщина, бабушка.

Тянуть-мотать-повивать: повитуха, повивальная бабка.

Тянуть-влечь-притягивать-властвовать: ворожея.

Тянуть-опускать-вбивать: ступа.

Тянуть-держать: стойка.

Тянуть-связывать: связка.

Тянуть-махать-дрыгать: нога лошади («махалка»).

Тянуть-махать-метать: бабка для игр («металка»).

Тянуть-махать-порхать: мотылек («махалка»).

Болото, блат

Болотный, блатной — это, конечно, варианты одного и того же слова. Какая тут связь? Тянуть-затягивать (топь, болото) и тянуть-утягивать (воровство, блат).

Век, веко, увечный

Чтобы найти значения этих слов и их связь между собою, надо привлечь еще слова этого же ряда:

ВЕТИ — ВЕЩИ — век — мера времени, увечье
(в др.-рус.)

веко — глазная покрывка

вежа, вежда — глазная покрывка,
 глаз, шатер, невод, башня
 вече — собрание
 вежа — жердь или пучок веток для
 метки
 вежот — пук, клок
 вежоть — горсть
 вещь — предмет, дело, поступок
 (в др.-рус.)
 вечер — конец дня.

Предполагаем, согласно теории, что ВЕЩИ значит — хватать. Выводим следующие линии.

То, чем хватают, тянут, ловят: вежа (невод).

То, что схвачено, порция или «хваток»: вежоть (горсть), вежот (пук, клок), вещь (в широком смысле — все, что берется, соответствует нашему термину «данные», а также сам акт взятия, поступок) и вежа (пучок); вежа, впрочем, быть может, произошла по несколько другой линии: хватать, ломать, обломок: жердь, палка.

Охват, в смысле полноты, сбор, сборище, собрание: вече.

Охват, в смысле полноты, целое, целокупность: век; и в смысле охватывания зараз, порционности, меры: век. Наконец, может быть еще и третий оттенок: охват, в смысле предела, окончания: так, очевидно, произошло слово вечер (вечер-запад, предел солнечного пути и вечер-конец дня, вечер дня). Век употребляется во всех трех смыслах: «навек (на целокупность времени)», «этот век (меру времени)», «положенный человеку век (предел времени)».

Охват, в смысле обнимания, укрывания, укрытия, покрытия: вежа (веко, шатер), веко.

Схватывать, в смысле вбирать, воспринимать: вежа (глаз), так же, как ухо и око, производны от яти, (объ) яти.

Хватать, в смысле хватить, ударить, ушибить: увече, век (увече).

Десна, десница, десять

Этот ряд характерен для связи линий — «хватать» и «измерять». Рот и рука обычно происходят от хватать — кусать, брать, держать. Вместе с тем, здесь в прямой связи с ними меры: десяток и десть.

Лик, ликовать, лечить

ЛЕТИ значит тянуть; отсюда — лень (тягота), лямка, льнуть (тянуться к чему-либо), лен (волокно) и проч.

Лик или лек значило: число, хор, игральная кость, лицо; в прямой связи с этим — лечить, а также — лицо, личность.

В др.-русском словаре приводится еще загадочная фраза: «насытив сынов и оставив от лека младенцам»; лек тут поясняется как останок, остаток.

На самом деле это объяснение неправильно.

Лек (лик) происходит по линии «тянуть, вязать, соединять воедино». Отсюда и значения: число, хор, костяк (связь, состав тела — костяк, откуда кость, в частности, игральная) и человек, как целое, — личность, лицо (недаром лицо употреблялось в таком смысле: «прибывшее из-за границы лицо; важное лицо»); «причислен к лику ангелов» — причислен к составу, числу, хору ангелов, а конечно, не к лицу. От лик (хор) — ликовать (водить хоры, плясать, веселиться).

Приведенная в словаре загадочная фраза объясняется, если под словом «лек» подразумевать — целое, вся порция.

Связь «лека» и «лечить» ясна: лечить — это значит восстанавливать целостность; недаром говорят «целить, исцелять».

Лебедь, лебедка

Лебедь (др.-рус. лебядь) означает, вероятно, «тонкая, стройная»; так, по крайней мере, можно предположить по тому, что существовало слово «либевый, либивый» (тонкий, худощавый). Лебедка — то, чем тянут. Вероятно, и лебедушка, как ласкательное обращение к женщине, не просто заимствовано от сравнения с лебедем, а означает — тонкая либо, вернее, притягательная.

Люб

«Мне люб» от «меня летит» (притягивает, тянет). От этого и «любить».

Люди

Не имеет единственного числа. В др.-рус. от «люд» производилось единственное число: людин (как от мир — мирянин, татары — татарин и т.п.). Собирательность значения происходит оттого, что люди или люд значит — связь, целое, собрание, совершенно так же, как, например, вече.

Люлька, лелеять, леля

Почему люлька имеет два значения: трубка и колыбель? Чтобы объяснить это, надо выписать весь ряд.

ЛЕТИ – ЛЕЛИТИ – ЛЕЛЯ (др.-рус.: тетка, крестная) – ЛЕЛЬ (бог любви) – ЛЕЛЕХА (диал.: копуха, медлительная, толстуха) – ЛЕЛЕЯТЬ (др.-рус.: качать) – ЛЕЛЯКАТЬ (диал.: клянчить) – ЛЕЛЯКИШ (диал.: окалина хлеба).

Итак, если не считать ЛЕТИ и ЛЕЛИТИ, которые до нас не дошли и реконструированы согласно теории, то имеем следующие значения: тетка, крестная, бог любви, копуха, толстуха, трубка, колыбель, клянчить, качать, окалина хлеба.

Мы приняли, что ЛЕТИ значит тянуть; тянуть дает значение махать, качать, как мы это уже выяснили при анализе БАБА, БАБОЧКА. Примем, что ЛЕЛИТИ значило тянуть; качать. Тогда: люлька будет то, что качают, – колыбель, и то, чем тянут (дым), – трубка; леля – та, что качает (колыбель); лель – тот, кто тянет, притягивает (бог любви); лелеха – та, что тянет (медлит); лелеять – качать; лелякать – тянуть, вытягивать (клянчить); лелякиш – то, что тянется (на зубах), хлебная окалина.

Похоже на то, что родство по женской линии получило название по отношению к ребенку, к нянчанию с ним.

Копать, копить, купать, купить

Чтобы понять значения этих слов и их связь между собою, надо привлечь и другие слова этого рода, происходящие от КЫТИ.

КЫТИ – слово, сохранившееся в древнерусском языке, значит оно кивать. Наше слово КИВАТЬ есть, собственно, просто длительная форма древнерусского слова: КЫТИ-КЫВАТЬ (КИВАТЬ), как БЫТИ-БЫВАТЬ или МЫТЬ-(у) МЫВАТЬ.

Кивать значит наклонять, клонить (голову); а клонить — это вариант значения тянуть (клонить ко сну — тянет ко сну). Таким образом, значение КЫТИ было «тянуть».

Нет сомнения, что это уже ущербленное значение, первоначальный смысл этого слова был шире. В этом убеждают слова, непосредственно происходящие от КЫТИ. С некоторыми из них мы уже знакомы; именно с КУРИТЬ (стремить, гнать) и КУРЫ, КОВЫ, КУС, КУСОК, КОСА, КОСМЫ (хватать в различных вариантах — ловить, брать, отделять, отдирать).

Итак, в слове КЫТИ мы обнаруживаем все тот же знакомый нам треугольник исходных значений. Дальнейшие анализы подтверждают это, приводя нас к обычным, типическим смысловым линиям.

Мы уже знаем по анализу БАБА, что «хватать, тянуть» может давать значение «ворожить». Тут от КЫТИ мы получаем КУД (злой дух, ворожба).

По тому же анализу мы уже знакомы с названием родственных отношений по прикосновению к ребенку. Тут от КЫТИ мы имеем КУМ, КУМА (те, кто держат, принимают младенца, его воспитатели).

По анализу ГОРЕТЬ мы уже знаем, что «раздражать (т. е. вариант — драть)» может переноситься и на вкусовое ощущение («горький»). Тут от КЫТИ мы находим КИСЛЫЙ (КИСЛЫЙ) — дерущий, щиплющий вкус.

По анализу ЛЕЛЕЯТЬ мы уже знаем, что тянуть может дать значение «медлить, копаться». Тут от КЫТИ мы видим КОСНИТЬ, КОСНЕТЬ (основное значение — медлить); и от КЫТИ-КОПАТЬ видим КОПАТЬСЯ.

По анализу ЛЕК мы уже видели переход значений «хватать, тянуть, держать» в «поддержка, связка — костяк». Тут от КЫТИ мы имеем КОСТЬ.

По анализу ДЕСНА мы видели связь значений «хватать» и «мера» (ДЕСНИЦА и ДЕСТЬ, ДЕСЯТЬ). Тут от КЫТИ мы находим КОСНУТЬ, КОСНУТЬСЯ (ослабленное мускульное хватание) и КЫПА (КИПА), КОПА (груда, а также мера в 60 единиц).

По анализу ЛЮБ мы видели, что тянуть дает значение притягивать, клонить, склонять (ЛЮБОВЬ — притяжение, склонность). Тут от КЫТИ мы имеем КОС, КОСОЙ, КОСИНА (уклонение, наклон).

По анализу РУКА мы видели, что хватать, черпать, собирать дает значения «сосуд, посудина, вообще все, чем можно брать или во что можно класть». От КЫТИ имеем: КУБ (перегонный), КУБЫШКА, КУБОК, КОШЬ (корзина), КОШЕЛЬ, КОШНИЦА, КУЛЬ, КУПЕЛЬ (сосуд). Впрочем, быть может, некоторые из этих слов произошли по иной, соседней, линии: «хватать-сцеплять-плести».

По анализу ВЕК мы знаем, что охват может приобретать оттенок — прикрытие, укрытие (ВЕКО, ВЕЖА — веко, шатер). От КЫТИ мы имеем целый ряд таких слов: КУТ, ЗАКУТОК, КУТАТЬ, КУЩА (сень, шалаш, шатер, палатка), КУПОЛ, КЫКА (головная повязка, покрытие; так же, как и ВЕК имеет еще значение — предел), КУКОЛЬ (накидка, колпак), КОЖА (оболочка; может быть, происходит и по несколько иной линии: «хватать-сдирать»).

По тому же анализу ВЕК мы нашли, что хватать может дать значение — «хваток» (ВЕХОТ, ВЕХОТЬ — горсть, пук, клочок); а также видели связь этого значения со значением «мера». От КЫТИ имеем: КОМ,

КУЧА, КУПА (толпа, пучок, целое, мера). КИПА (пучок, мера), КОПА (груда, мера), КОПНА (связка, пучок), КУПИНА (куст, пучок), КУСТ (пучок).

Теперь мы можем выяснить связь между собой КОПИТЬ, КОПАТЬ, КУПИТЬ, КУПАТЬ. Именно: КОПИТЬ – хватать, собирать; КОПАТЬ – хватать, раздирать (землю); КУПИТЬ – присовокуплять, присоединять, приобретать; КУПАТЬ – держать целиком в чем-либо. Отсюда и выражения: «купаться в грязи, в роскоши».

Топить

От ТЯНУТЬ происходят: ТОПЬ (тянущееся, затягивающее), ТОПИТЬ (погружать – «топиться»), ТОПИТЬ (перегонять, заставляя течь, размягчать – «топить воск»), ТОПИТЬ (разжигать – «топить печь»), ТОПЛЫЙ (так писалось в древнерусском ТЕПЛЫЙ).

Связь между этими словами видна из следующих линий: «тянуть-влечь-погружать»; «тянуть или стремить – заставляя течь, гнать»; неясно, как образовалось ТОПИТЬ (нагревать). ТЕПЛЫЙ имело значение: «размягченный», а также – «стремительный, усердный».

Хитрый, хилый

От ХЫТИ: др.-рус. ХЫТАТИ (хватати) и ХИТИТЬ; ХИТРЫЙ, ХИЩНЫЙ (хваткий, хватающий) и ХИЛЫЙ, ХУДОЙ (прохваченный, подорванный) – активная и пассивная формы одного и того же.

Чад, чадо

От ЧЕТИ, которое, согласно анализу ЧИТАТЬ, имело значение хватать, брать: ЧАГА (пленница), ЧАДЬ (дружина – собрание), ЧАЛИТЬ (зацепляться,

закрепляться), ЧАЛЫЙ (масть), ЧАН, ЧАРА, ЧАША (сосуд), ЧАСТЬ (кусок), ЧАС (мера), ЧЕЛЫЙ (в др.-рус.: ЦЕЛЫЙ), ЧАЯТЬ (надеяться, брать, предполагать наперед), ЧЕПЬ (в др.-рус.: ЦЕПЬ, сцепление), ЧЕСАТЬ (драть), ЧИН (в др.-рус.: власть, собрание — «причислен к чину ангелов»), ЧИСТО, ЧЕТКО (хватко, восприимчиво, ясно).

По линии «стремить-испускать»: ЧАД (дым) и ЧАДО (отпрыск, порождение).

Интересно значение слова ЧЕЛОВЕК. Один писатель объяснял его всерьез как «чело века»: это, конечно, отвратительно, как всякая спекуляция словами; но откуда взялось это слово?

Прежде всего, надо заметить, что исконная форма его собирательная: ЧЕЛОВЕЧЬСТВО в древнерусском, от которого производное единственное число ЧЕЛОВЕЧИН, затем ЧЕЛОВЕК.

ЧЕЛО значит лицо, и как и ЛИЦО имеет смысл: целое. ЧЕЛОЕ и есть более древний вариант ЦЕЛОЕ.

ВЕЧЕ или ВЕК, как мы уже знаем, имеет тот же смысл: целое, собрание. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, таким образом, составное, книжное древнерусское слово, означавшее нечто вроде «целокупность».

Стихотворения

Диалогическая поэма

Один человек

Выплеснут временным прибором
На этот случайный берег,
Смотрю недоумело, как остальные
Обсушиваются на минутном солнце,
Строят гнезда для будущих нежностей,
Попархивают и поплевывают,
Почирикивают о разных разностях...
Приятного дня и спокойной ночи!
А у меня под ногами
Земля ходуном ходит,
Вздымая пустые волны
До самых очей.
И стою совсем голый
На всех четырех ветрах.
Как накину узор узды
На зыбучую плоть воды.
Океан встанет на дыбы,
Подымая свои горбы.

Хор

Оттого, что ты отрекся,
От чего нельзя отречься, —
Оттого, расцветая в гордыне,
Дух твой мертвыми глядит глазами,
Оттого и земля ходит
Под тобой как мутное море.
Поклонись забытому праху
Всегда мудрых и верных предков.
Как бычок, потыкайся мордой
По слепому жилью
До теплого тела.

Один

Не затем дается одежда,
Чтоб бросать ее в утлое пламя.
Хуже дать душу и тело
На потребу предкам и потомкам.
Разве я рот моим предкам,
Не успевшим сказать слова,
Разве я руки потомкам
С еще слишком слабыми руками,
Что я петь за одних должен,
За других должен работать?

Хор

Дерево вырастает корнями
В крепкую сырую землю:
Трудно оторваться листьям
От распластавшихся в воздухе веток;
Ты можешь ходить и бегать,
Но все-таки несвободен.
Легче вырвать из себя все внутренности
И остаться с дутым телом,
Чем не любить тебя, о, мир!

Влюбись в потрескиванье дров
И в сумерничанье,
Когда зыбким опахалом
Туманится, качаясь, потолок.
И стеклянная рана окна,
И жизни стеклянная рана.
Комната медленно меняет цвета.
Люби труд дневной,
И пляски вечерние,
И говор ламп
По зеркалам.
Ты только узел движущихся нитей,
Ты перекресток чужих наитий.

Один

Мои пальцы щербаты
И глаза зелены.
Мое скучное тело, я тебя не хочу.
Мои желанья — медузы,
Вытащенные из воды.
Моя подержанная душа, ты не моя.
Сердце, мой семистрастник,
Никто не спрашивал меня,
Когда я родился.

Хор

Бесконечно рождаясь,
Ныряя из тела в тело
Сквозь смерть,
— И все неудачно —
(Недаром кричат и в судорогах бьются:
Все неудачно)
И ты должен любить и томиться,
И слагать любовные песни,
И смотреть, провожая, в глаза,
Чтоб потом совершить то дело,
Что совершают боги и звери,

Единственно важное в жизни.
Напиток готовый пей, пей,
Пока еще не просвечивает дно,
Пока не засыпет мелкий снежок
Глаза, уставшие видеть мир.
Глаза откроешь в других глазах.
Сердце опять забудет темп,
Чтобы опять испытать страсть,
Чтобы ее обзевать потом.
Ты только русло
Влаги священной,
Хранитель недолгий
Монеты жизни;
Стекло, распускающееся светом,
Когда за ним проносят лампу.

Один

Тяжко мне, тяжело, братья.
В память мою стучусь.
Память о будущих днях
И о ночи прошлой,
Отвори проклятую дверь!
Как я здесь среди странных предметов
И незнакомых друзей и врагов?..
И опять склоняется беспомыслие,
Как четыре белые стены,
Как четыре сестры
Над слишком маленьким братом:
Спи-спи; пусть тебе приснится
Девушка с глазами, как синие пятна...
Ты всего страннее,
О, страсть — пуговина мира!..

Хор

Обнимая шею подруги,
Ты виснешь на шее мира...

Один

Время непрерывная жертва,
Жизнь непрерывная тризна.
Сквозь непроницаемость времен,
Прозревая корни предметов
И предчувствуя их листья,
Проношу я мою душу,
Как рождающуюся звезду.

<1921>

Солнце запало в чужие страны,
Предки водят стада у башен,
Наблюдая большие звезды.
Опусти уставшие веки
От тревожно расплеснутых суток
И бессонной радостной жизни.
Слушай: Там, в лесах араукарий,
Там, где Рак проводит красный тропик,
И летит на выдолбленной лодке
Мертвый, покидающий страну, –
Сон бежит в запутанные чащи,
По пятам за ним охотник скачет,
Но темны леса в дремучем мире,
Да хранит тебя Господь повсюду...

Был старый союз на земле:

хмуρο раскачивались идолы,
Ветер гасил костер, запещерная шла гроза;
Мужчина качал колыбель, женщина бредила в углу.
Слушай тягу, да!
Поезда покидают страну,
Там, где мост дуга,
И вокзал – уходящий держит свод.
Глуха Валгалла и нам ли она.

Разговоры

1

Н. М. сказал: Меня интересует: питание; числа; насекомые; журналы; стихи; свет; цвета; оптика; занимательное чтение; женщины; пифагорейство-лейбницеиство; картинки; устройство жилища; правила жизни; опыты без приборов; задачи; рецептура; масштабы; мировые положения; знаки; спички; рюмки, вилки, ключи и т.п.; чернила, карандаш и бумага; способы письма; искусство разговаривать; взаимоотношения с людьми; гипнотизм; доморощенная философия; люди XX века; скука; проза; кино и фотография; балет; ежедневная запись; природа; «АлександроГриновщина»; история нашего времени; опыты над самим собой; математические действия; магнит; назначение различных предметов и животных; озарение; формы бесконечности; ликвидация брезгливости; терпимость; жалость; чистота и грязь; виды хвастовства; внутреннее строение Земли; консерватизм; некоторые разговоры с женщинами.

Н. А., отвечая на тот же вопрос, произнес: Архитектура; правила для больших сооружений. Символика; изображение мыслей в виде условного расположения

предметов и частей их. Практика религий по перечисленным вещам. Стихи. Разные простые явления — драка, обед, танцы. Мясо и тесто. Водка и пиво. Народная астрономия. Народные числа. Сон. Положения и фигуры революции. Северные народности. Уничтожение французи́ков. Музыка, ее архитектура, фуги. Строение картин природы. Домашние животные. Звери и насекомые. Птицы. Доброта-Красота-Истина. Фигуры и положения при военных действиях. Смерть. Книга, как ее создать. Буквы, знаки, цифры. Кимвалы. Корабли.

Д. Х. сказал, что его интересует. Вот что его интересует: Писание стихов и узнавание из стихов разных вещей. Проза. Озарение, вдохновение, просветление, сверхсознание, все, что к этому имеет отношение; пути достижения этого; нахождение своей системы достижения. Различные знания, неизвестные науке. Нуль и ноль. Числа, особенно не связанные порядком последовательности. Знаки. Буквы. Шрифты и почерки. Все логически бессмысленное и нелепое. Все, вызывающее смех. Юмор. Глупость. Естественные мыслители. Приметы старинные и заново выдуманнные кем бы то ни было. Чудо. Фокусы (без аппаратов). Человеческие, частные взаимоотношения. Хороший тон. Человеческие лица. Запахи. Уничтожение брезгливости. Умывание, купание, ванна. Чистота и грязь. Пища. Приготовление некоторых блюд. Убранство обеденного стола. Устройство дома, квартиры и комнаты. Одежда, мужская и женская. Вопросы ношения одежды. Курение (трубки и сигары). Что делают люди наедине с собой. Сон. Записные книжки. Писание на бумаге чернилами или карандашом. Бумага, чернила, карандаш. Ежедневная запись событий. Запись погоды. Фазы

луны. Вид неба и воды. Колесо. Палки, трость, жезлы. Муравейник. Маленькие гладкошерстные собаки. Каббала. Пифагор. Театр (свой). Пение. Церковное богослужение и пение. Всякие обряды. Карманные часы и хронометры. Пластроны. Женщины, но только моего любимого типа. Половая физиология женщин. Молчание.

Л. Л. интересуется: Время. Превращение и уничтожение пространства. Несуществование и непредметное существование (например, — запах, теплота, погода). Исследование смерти. Как может быть частный случай. Мировые линии, слова, иероглифы. Тело, рост, дыхание, пульс. Сон и видение себя во сне. Сияние, прозрачность, туман. Волна. Форма дерева. Происхождение, рассечение и изменение ощущений. Гамма, спектр. Черный цвет. Смысл чувств (например, ужас, головокружение). Неубедительность математических доказательств. Строение круга. Вращение, угол, прямая. Шахматная доска как особый мир. Рай. Нравственность и долг. Правила жизни. Счастье и его связь с некоторыми веществами и консистенциями. Чистота. Что значит прекрасное. Окраины, пустыри, заборы; убогость; проституция. Описи, энциклопедии, справочники, иерархии. Предки, евреи. Типы женщин. Причины полового тяготения. Судьбы жизней. Траектория революции. Старость, угасание потребностей. Вода, течение. Трубы, галереи; тьюбики. Тропическое чувство. Связь сознания с пространством и личностью. О чем думает вагоновожатый во время работы. Волосы, песок, дождь, звук сирены, мембрана, вокзалы, фонтаны. Совпадения в жизни. Длительность при общении, когда минует уже и интерес, и раздражение,

и скука, и усталость. Одинаковое выражение лица у разных женщин в некоторые моменты.*

Я. С., беседа с Л. Л., сказал: У Чехова в одном рассказе женщина смотрит на бутылку на окне, на дождь и мужика, проезжающего по улице, и не знает, к чему бутылка на окне, к чему дождь или мужик, т. е. у нее не мысли, а тени. Мне, да я думаю и всем, это должно быть понятно.

Л. Л. нашел в еврейской энциклопедии описание праздника возлияний, оно ему понравилось: «Кто не видел радости водочерпания, тот не видел радости в своей жизни. Благочестивые люди и общественные деятели плясали перед народом и распевали хвалебные песни, а хор левитов, расположенный на пятнадцати ступенях, ведших из мужского отделения в женское, играл на разного наименования инструментах, распевая в это же время псалмы восхождения. Член синедриона, правнук Гиллеля, раббан Симон бен Гамман не стеснялся жонглировать для увеселения народа, подбрасывая и подхватывая восемь горящих факелов, без того, чтобы они на лету сталкивались. Настроение было глубоко религиозным. Одни восклицали: «Блаженна наша молодость, что за нее не приходится краснеть нашей старости». Другие же пели: «Блаженна наша старость, что искупила грехи нашей молодости!»

Я. С. сказал: Есть три писателя — Сервантес, Гоголь и Чехов. В древности Аристотеля называли просто Философом. Так и Чехова можно называть просто Писателем.

Я. С.: Почему богословские и мистические книги, после Евангелия написанные, имеют неприятный привкус?

Л. Л.: Писавшие их стремились к власти... Они основывались на Евангелии, а оно отрицает пользу книг.

Л. Л.: Можно представить себе человека, не покупающего билет в лотерею из боязни проиграть, даже если билет бесплатный. Таков и ты, *Я. С.*, отрекшийся от любви, знакомых и многого другого.

Я. С.: Это не так. Это вышло случайно...

Затем: Удовольствие, например, от массажа, говорит *Я. С.*, имеет две стороны, как бы душу и тело.

Затем: Некоторые положения и события кажутся различными, на самом деле они на одном стебле. Поэтому и говорят, рассказывая сон: Тут зазвонил звонок, или зажглась электрическая лампочка, а может быть, случилось что-нибудь другое. И поэтому *Я. С.* однажды казалось, когда он шел по краю панели, что он улитка и ползет по краю листа. Это не галлюцинация, не сравнение и не мечта.

Пили водку за выздоровление *Н. М.* 22 июля (Запись *Д. Х.*).

Л. Л.: Счастливы вы, что не прекращаете работы и знаете точно, над чем работать.

Н. А.: Это кажется, что я знаю. А работать надо каждому, несмотря ни на какие обстоятельства.

Л. А.: Да, на них следует смотреть как на неизбежное, может быть, собственное отражение или тень. Или второго игрока, нужного для шахматной партии. Но есть другое, что препятствует: ошибка или непоправимое преступление, допущенное ранее. Тут, я думаю, ничего нельзя вернуть. А плодоношение ведь только признак правильной жизни и, я бы сказал, чистоты.

Н. А.: Вы во власти преувеличений и смотрите внутрь, куда смотреть не стоит. Начать по-новому можно в любой момент, это и будет искупление.

Л. Л. подумал, что это упрощение. В том-то и ловушка времени, что произвольное в какой-то момент потом становится незыблемым. Дерево выбрало неправильный угол роста, что тут поделаешь, когда это уже осуществилось?

Затем: Удивительная легенда о поклонении волхвов, сказал *Н. А.*, высшая мудрость — поклонение младенцу. Почему об этом не написана поэма?

Затем: Чудеса Евангелия не интересны, но само оно кажется чудом. И как странна судьба его, на что обычно не обращают внимания: в нем всего одно предсказание, и оно, уже скоро выяснилось, не сбылось; и последние слова действующего лица — слова отчаяния. Несмотря на это, оно распространилось.

В чем суть опьянения?

Н. А.: Его можно сравнить с курением или чесанием; раздражение кожи, легких, стенок желудка. В этом удовольствии.

Я. С.: Одной физиологией не объяснить. Суть в освобождении от личного, самого неприятного, что есть в мире.

Л. Л.: Предметы схватываются глазом более четко, цельнее. Они как бы вырастают или готовятся к полету. Да, они летят. Человек теряет свое место среди предметов, подвластность им. Это и дает освобождение от индивидуальности.

Затем: О плане: он мог ведь изобретаться в любую эпоху, может быть, так и случалось, а потом снова забывали. И о плавании и полете.

Н. А.: Я переплыл реку с поднятыми руками! (Он воздал похвалы плаванию: плывущий испытывает радость, недоступную другим. Он лежит над большой глубиной, тихо лежит на спине и не боится пропасти, парит над ней без опоры. Полет — то же плавание. Но не аппаратный. Планер — предвестие естественного полета, подобного искусству или полетам во сне, об этом и мечтали всегда.)

Я. С.: Планер, или лекарство, продляющее жизнь на несколько лет, или сорт ликера, все это одинаково безразлично, не имеет значения; когда придет смерть, не об этом вспомнишь.

Л. Л.: Тот, кто делит мир на вещественное и иное, как линией лист бумаги, совершает ошибку. *Я. С.!* Ты думаешь, что возвышаешь мир, открывая иное и не будучи в состоянии сказать о нем ни слова. Ты оказываешь неуважение ему. Наверное, все вещи многозначительны, хотя и в разной степени. Полет освобождает от тяготения, а оно основное образующее тела. Поэтому полет и освобождает. Что же касается до мысли перед смертью, то, может быть, этой мыслью будет некоторый эпизод детства, или свет сквозь ресницы, или что другое, мы не знаем этого. Но полет и плавание служат изучению жизни и смерти.

Я. С. и Д. Х. ехали на 38 номере. (Запись Д. Х.).

Третьего августа *Н. М.* и *Д. Х.* собрались у *Н. А.* в Эрмитаже. *Н. М.* говорил о методе писать стихи, о прекращении жажды к разнообразию и о желудочной теории.

Н. А. говорил: Поэзия есть явление иератическое.

Д. Х. говорил в тот вечер мало.

Мы пили пиво и ели сыр, кроме Н. М., которому еще после болезни нельзя много есть. (Запись Д. Х.).

Н. М. и Л. Л., возвращаясь из водолечебницы, говорили:

О зрении.

Л. Л.: Как известно, изображение в глазу получается перевернутое; между тем, видим мы все правильно. Почему? Вверх — вниз: это только отношение к движению тела или руки, оно определяется ориентировкой по уже известным по положению предметам и движению глаза. В том случае, когда этими признаками пользоваться нельзя, возможна ошибка. Это подтверждает опыт с булавкой: ее подносят так близко к глазу, что видна уже не она сама, а ее тень, падающая на дно глаза; и она видна в перевернутом виде.

О границах тела.

У низших организмов бывают болезни, при которых их насквозь прорастают чуждые жильцы, водоросли или бактерии. А они продолжают жить, точно и не замечая этого... Ногти вначале живые, сам человек, а в конце их можно стричь и резать, как режут дерево или железо.

О науке радости.

Можно ли достичь, чтобы радость была обычным состоянием. Л. Л. думает, что можно. Неприятности на девять десятых воображаемы; они происходят от зависти, представления себя на месте другого или от горечи при представлении возможного будущего. Но ведь все это на самом деле не реально. Человек выходит без галош, потом ему кажется, что пойдет дождь и он уже огорчается. А ведь если и пойдет, то на самом деле в этом неприятности никакой нет или она нич-

тожно мала. Радость под руками, но, чтобы ее ощупать, надо скинуть привычки, мешающие этому, пройти через некоторый аскетизм. Он будет легко отряхивать все неприятности, как пыль с одежды, современный святой, он будет всегда радостный, хотя и не веселый. И даже боль тут не препятствие. Разве боль от одеколна после бритья (заметил Н. М.) не одна из самых острых болей? Но мы знаем, на нее не стоит обращать внимания, и не замечаем ее. Радость и горе не противоположности и безразличие не середина между ними: как нет среднего между целым и растрескавшимся. Радость нормальна.

О сфинксах.

Н. М. считает, что в них действительно заключены загадки, но не аллегорически, а буквально. Это каменные ребусы. Искусство, верно, и началось с задавания загадок.

О выражениях воды.

Н. М.: В любом пятне или подтеке всегда видится прежде всего лицо. Бесконечные выражения лиц — это выражение воды.

Об американцах.

Н. М.: В них есть нечто старинное. Сотни обычных вещей они делают по-своему, точно и скромно, как йоги.

О спорте.

Н. М.: Он хорош, пока личное дело, и бесстыден, когда собирается много людей.

Разговор шел от Калинкина моста до Летнего сада.

А. В. прочел «На удаление зуба».

Л. Л. эта вещь очень понравилась, так же как и Д. Х. Потом Д. Х. изобразил полет мухи: подняв глаза и

разведя руки, он повторил несколько раз: Тю-тю-тю. Этим он рассмешил всех.

Я. С.: Твоя ошибка в том, что ты классифицируешь. Если разделить на четыре рода, их окажется пять; на пять — будет шесть. Поэтому не надо искать числа, а просто описывать один из родов. Если хочешь, дели на такое и не такое.

Л. Л.: Но в математике есть же классификация.

Я. С.: Это другое дело. Там не общая точка зрения, а частная, для данного случая. Так, тройное деление правильно лишь для треугольников на плоскости, для иных нет. Всех же, наверное, не охватить, в самом таком задании ошибка.

Л. Л. не согласился. Но его одолевала простуда. *Я. С.* тоже был простужен. Разговор затих.

Сон Я. С.: Ему вновь привиделся его бывший учитель Г. Он был просветлен, но не интересен. Встреча произошла, очевидно, на железнодорожных путях, были тут рельсы и провода. *Я. С.* попросил подбросить его вверх: испытание на чудо. Если сделает, тогда неинтересно: значит, это призрак, ведь Г. давно умер. Неужели не догадается? — думал *Я. С.* Нет, не догадался и подбросил высоко, но все же это можно было объяснить и естественно. *Я. С.* вновь попросил о том же. На этот раз учитель подбросил его выше телеграфных проводов. Значит, чудо. И сразу учитель стал *Я. С.* неинтересен и пропал. Ведь во сне так всегда: что становится безразличным, то перестает существовать.

Я. С.: В представлении о чуде погрешность; представишь, что оно осуществилось, и уже не интересно.

Л. Л.: Чудо, верно, все-таки не в факте, а в стиле.

Д. Д. и *Л. Л.* говорили об архитектуре, почему дома надо строить из камня.

Камень — шероховатое, твердое тело, на нем печать страшно медленного и долгого изменения; он тяжел; он вышел со дна моря или из земли; у него свой состав.

Здание охватывает пространство в высоту. В нем должна быть прочность и долговременность. Оно хранит. Глыба, положенная на глыбу, дает возрастание прочности. А металлическая конструкция чем больше, тем более хрупка. Каменная архитектура есть искусство использования тяготения, игра с ним; металлическая — использование сил сцепления.

Дерево — это ткань, оно продукт роста и подвержено разложению. Бетон аморфен, как газ. Камень же не аморфен и не ткань, а стихия. Он не отлит по случайной форме и не сломлен, а высечен. Он консерватизм земли.

Очень трудно сказать, в чем тут дело. Камень — долговечен. К нему прикасаешься с уважением.

Н. М.: Замедленная съемка показывает, как грустны все движения человека. Но интереснее было бы снимать так не ходьбу или падение, а человеческое лицо.

Н. М. скромно пил чай, развивая перед хозяевами свои любимые теории питания. От взора его не ускользнуло, что муха села на блюдце с сахаром. «Смотрите, — сказал Н. М., — муха минует одни сахарные песчинки и стремится к другим. Это показывает, что они в действительности не одинаковы. Вряд ли, чтобы у мух не было индивидуальных особенностей вкуса, как и у людей».

Н. М.: «У Н. А. непременно должны быть глисты в кишках. Этим я объясняю прекрасный цвет его лица». Н. М. говорил серьезно.

Н. М. считал себя знатоком эндоптического зрения. Его занимало, что делается у него в глазу. Он наблюдал пятна или помутнения, искры и волокна. Пятна плывут группой медленно на границе поля зрения, пока не пропадают. Искры совершают непрерывное движение, как туча мошек вечером перед хорошей погодой. Волокна крупны, они бледны и неподвижны. Есть еще другие волокна, крупнозернистые, они похожи на водоросли или морские животные.

Н. М. на основании различия движений этих телец и их размеров (он вычислил их) устанавливает, что видит человек в своем глазу. Он считает также, что пятна находятся довольно далеко от дна глаза, это сгустки в стекловидном теле, они поворачиваются вместе с глазом и уплывают из-за стремления уловить их в центр зрения. Искры или светлые точки, наоборот, обладают самостоятельным движением.

Л. Л. с горечью говорил о крушении Словаря.

Л. Л.: Ни ты, Я. С., ни те другие не желаете сотрудничества и не способны к нему. У вас нет необходимой для этого скромности. Вы развращены легким трудом. Вы не подчиняетесь даже тем правилам, которые сами установили. А главное, каждый из вас уверен, что только он и делает замечательные вещи; в других людях, собственно, никакой нужды нет. Неуважение к соседям — незавидная привилегия. Да, вы не потратите усилия, чтобы вникнуть, что считает другой. Капризность и истерический деспотизм одного, несокрушимый эгоизм и суетность другого, недоверчивость к смыслу всякой работы и лукавство третьего — вот что есть на самом деле.

Я. С.: Ты бы сам что-нибудь делал, тогда, может быть, были бы результаты.

А. В., тот легко и с готовностью покаялся.

А. В.: Мне дико везло это время в карты. Каждую ночь я проводил в ресторане и не засыпал раньше шести. Так что даже устал и все это надоело. В валютном баре, в еще пустой комнате, я видел девушку, сидевшую на ковре и ожидавшую иностранцев...

Д. Д. предложил Л. Л. писать вместе книжку о последних днях перед войной 1914 года, о расцвете того времени и неизбежной, но все же неожиданной катастрофе. Люди, которые суетились и решали. И вот, все кончено, невозвратно.

Д. Д. и Д. Х. впервые познакомились друг с другом. Они разговаривали о замкнутости эр, о неправомерности выхода из своей эры; о ложности понятий «первобытный человек» и «первобытная земля», — их никогда не было, всегда была своя высота и своя сложность; о постоянном идейном имуществе человечества; об увядании нашей науки.

Интересно, что они не слушали друг друга, но остались один другим вполне довольны.

Л. Л. время от времени входил в разговор. Н. А. писал шуточную оду и сам от удовольствия смеялся. Н. М. спал в соседней комнате.

Т. А.: Почему в человеческом устройстве есть что-то постыдное и унижительное?

Л. Л.: Это нечистота от противоречия между индивидуальностью и природой. Когда у морского животного через каналы непрерывно протекает вода, это и его питание, и выделение, тут нет ничего шокирующего. Но ведь и само это животное почти жидкость.

В человеке неизбежно сохранен тот же принцип, но человек уже резко отграничен от среды и чужд ей. Грязь — это и есть постороннее или лишнее, притом основное вещество.

Н. А. прочел «Облака».

Л. Л.: Поэмы прошлого были, по сути, рассказами в стихах, они были сюжетны. Сюжет — причинная связь событий и их влияние на человека. Теперь, мне кажется, ни причинная связь, ни переживания человека, связанные с ней, не интересны. Сюжет — несерьезная вещь. Недаром драматические произведения всегда кажутся написанными для детей или для юношества. Великие произведения всех времен имеют неудачные или расплывчатые сюжеты. Если сейчас и возможен сюжет, то самый простой, вроде — я вышел из дому и вернулся домой. Потому что настоящая связь вещей не видна в их причинной последовательности.

Н. А.: Но должна же вещь быть законченной, как-то кончаться.

Л. Л.: По-моему, нет. Вещь должна быть бесконечной и прерываться лишь потому, что появляется ощущение: того, что сказано, довольно. Мне кажется, что такова и есть в музыке fuga, симфония же имеет действительно конец.

Н. А.: Когда-то у поэзии было все. Потом одно за другим отнималось наукой, религией, прозой, чем угодно. Последний, уже ограниченный расцвет поэзии был при романтиках. В России поэзия жила один век — от Ломоносова до Пушкина. Быть может сейчас, после большого перерыва, пришел новый поэтический век. Если и так, то сейчас только самое его начало. И от этого так трудно найти законы строения больших вещей.

Я. С. прочел «Вестники». Л. Л. она очень понравилась. С незначительной грустью подумал Л. Л., что, хотя он и дал название и тему этой вещи, написать ее он бы не мог.

Л. Л.: Это искусство, но это и истина. Почему так не может быть? Мы отвыкли от поэтических исследований. Между тем писали же когда-то поэмы — руководства по огородничеству. Потому что исследование и возвращение овощей казалось тогда прекрасным... Напрасно, однако, ты не упомянул о сне вестников. Кроме того, исследование все же не дает ясного, осязаемого представления о том, о чем говорит. Нет перехода, цепочки, от обычных представлений к необычным. Впрочем, это мне кажется всегда о всех произведениях, что они останавливаются там, где должны были бы начаться.

Я. С.: О сне вестников надо написать особо...

Затем: о рояле.

Я. С.: В этом инструменте есть своя особая чистота, которая ощутима настоящему пианисту. Так как у меня этого ощущения нет, а также и темперамента, я и не мог бы, несмотря на мягкость тембра и некоторую свойственную мне лиричность, стать хорошим пианистом. Но однажды, наверное, всякий может сыграть гениально. Помню, когда я шел, давно, на экзамен, я очень волновался; конечно, я больше всего боялся забыть и остановиться на половине с поднятыми руками. Однако, когда я стал играть, я откинул голову и смотрел в потолок; не почему-либо, а просто так, по привычке. И я сам удивлялся, что могу делать пальцами все что угодно. Это было, пожалуй, блаженство.

Худ и желт был Я. С., имел воспаленные глаза, но на здоровье не жаловался.

Д. Х. и Н. М. говорили о чистых стариках, которые купаются в ключевой воде каждый день и никогда ни из-за чего не огорчаются. Хотя они и пример долголетия, но противны.

Потом Н. М. смотрел сквозь дырочку в записной книжке на лампу. Д. Х. хотел объяснить закон преломления света в хрусталике, но не смог, так как забыл этот закон.

Л. Л.: Когда подумаешь, сколько поколений было до тебя, сколько людей работало и исследовало, когда видишь толщину энциклопедического словаря, проникаешься уважением. Однако это неверно. Производное и второстепенное исследовано со страшной подробностью, главное неизвестно точно так же, как ты-сячи лет назад. Я приведу два примера. Каждый из живших испытывал половое тяготение, удовольствие от поцелуя, некоторых прикосновений и движений. Но никто, хотя опыта тут, казалось бы, хватает и не нужно никаких специальных лабораторий, не объяснил, что же его тянет, в чем тут удовольствие, почему прикасаются к тому-то, проделывают такие движения. Также каждому предстоит умереть. Но никто не сказал ничего толкового о смерти. Никто не поставил даже вопроса прямо: «Все, что мы видим в смерти, — это уничтожение тела; все, что нас интересует, — есть ли это и уничтожение жизни и сознания». Четыре слова: уничтожение, тело, жизнь, сознание. Но посмотри во все словари и книги, там нет объяснения этих слов; о них либо не упомянуто, либо идет не относящаяся к делу болтовня. Как будто на все это и не смотрели совсем. Действительно, наука уже давно не смотрит прямо, а ощупывает, изучает по мелочам и косвенно. Очевидно, потому, что до сих пор, когда смотрели, ничего не

видели. И понятно почему. Ведь все принимали время, пространство, предметность мира за что-то данное, неразложимое, о чем и говорить не стоит, а надо считаться с таким, как все это есть. Это было искажение в самом начале, закрывавшее все пути. Когда, например, Декарт исходил из «Я мыслю, значит я существую», то это была уже насквозь ложная основа. Потому что с еще большим правом можно сказать, что «не я мыслю», или «я не существую», или т. п. Были взяты уже неправильно завязанные узлы и, вместо того, чтобы их развязывать, пошли плести дальше. Сейчас, как и всегда, надо начинать с самого начала; и поэтому понятно, что отличительный признак людей, которые это чувствуют, интерес к тому, что такое время. Ибо это замок на двери, и его-то и надо открыть, а для этого развинтить. Сейчас надо задавать вопросы прямо, помня, что данные для ответа найдутся, если хорошенько присмотреться.

А. В.: Можно ли на это ответить искусством? Увы, оно субъективно. Поэзия производит только словесное чудо, а не настоящее. Да и как реконструировать мир, неизвестно. Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума — более основательную, чем та, отвлеченная. Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием «здание». Может быть, плечо надо связывать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то, значит, разум не понимает мира.

Л. Л.: Искусство не обязательно должно быть субъективно. Наоборот, высшее искусство, например панихида, создавалось как имеющее объективное и непреложное значение, как обязательное. Оно утверждает свою систему. И если есть иллюзорные системы, то есть и настоящая. Например, система лепестков цветка. Подлинная система может иметь много отражений или вариантов, но она одна, иначе был бы невозможен переход из одного варианта в другой.

Л. Л. излагал *Д. Д.* свою теорию слов. Она сводится к пяти принципам. Первый: слова обозначают лишь то, что они есть на самом деле — напряжение и разряжение; поэтому они не имеют предметного значения, а обозначают изменение среды подобной жидкости. Второй: таблица исходных (дыхательных) элементов с тождественными значениями, дающих параллельные ряды, так что каждый язык как бы переплетение многих языков (рядов); состав элемента — согласная с гласной или согласная с полугласной и гласной. Третий: значение элемента неограниченно; но мы можем его очертить тремя понятиями — стремить (ся), тянуть (ся) и хвата (и) ть. Четвертый: все последующие значения образуются сужением и приложением к частным случаям значения исходного элемента. Пятый: формы всех слов образуются из исходных элементов по законам «вращения».

Л. Л.: Я не рассчитываю, что моя теория может быть признана. Она противоречит не каким-либо законам, а, что хуже, самому стилю современной науки, негласным правилам, управляющим ее нынешним ходом. Никому даже не будет интересно ее проверять, к ней отнесутся заранее, как к решению задачи о квадратуре

круга или вечного двигателя. Тот путь, которым я шел, считается в науке слишком простым, спекулятивным, заранее опозоренным. Но, говоря по правде, я не считаю стиль современной науки правильным...

Затем: о Хлебникове.

Л. Л.: Я не могу читать Хлебникова без того, чтобы сердце не сжималось от грусти. И не внешняя его судьба тому причиной, хотя и она страшна. Еще страшнее его внутренняя полная неудача во всем. А ведь это был не только гениальный поэт, а прежде всего реформатор человечества. Он первый почувствовал то, что лучше всего назвать волновым строением мира. Он открыл нашу эру, как, может быть, Винчи предыдущую. И даже своими стихами пожертвовал он для этого, сделав их только комментарием к открытию. Но понять, что он открыл, и сделать правильные выводы он не мог. Он путался и делал грубые и глупые ошибки. Его попытки практического действия смешны и жалки. Он первый ощутил время как струну, несущую ритм колебаний, а не как случайную и аморфную абстракцию. Но его теория времени — ошибки и подтасовки. Он первый почувствовал геометрический смысл слов; но эту геометрию он понял по учебнику Киселева. На нем навсегда остался отпечаток провинциализма, мудрствования самоучки. Во всем сбился он с пути и попал в тупик. И даже стихи его в общем неудачны. Между тем, он первый увидел и стиль для вновь открывшихся вещей: стиль не просто искусства или науки, но стиль мудрости.

А. В. пришел внезапно, без предупреждения, и сразу проявил свойственную ему деятельность. Он звонил по телефону в разные места, интересовался ценой материи, лежавшей на столе, и готов был уже ее купить,

бурно ел и пил. Затем он стал с Л. Л. играть в шахматы на папиросы и уже не отвлекался разговорами.

Д. Х. и Л. Л. сидели в ванной комнате при топящейся печке и беседовали о взаимоотношениях людей.

Д. Х.: Я произвожу неправильное впечатление. Я глубоко уверен, что я умнее и менее талантлив, чем кажусь.

Д. Д. советовал Л. Л. укрепить его теорию слов данными современного языкознания. Тогда сомнения в правильности имеющихся в ней звуковых законов отпадут и она станет убедительна.

Л. Л.: Я не сомневаюсь, что они сойдутся. Но это меня не интересует. Я уверен в правильности моей теории, так как проверял ее на фактах, а не на выведенных другими законами. Для этого нужно иметь влечение к языкознанию, а у меня его нет. Мне важно, что моя теория не требует никаких предварительных знаний и никакого другого материала, кроме того, который у всех под руками: слов одного языка. В этом ее отличие от современной науки: та требует особой сложной техники исследования, передаваемой через книги и университеты. А ведь мы всегда, во все времена, мечтали о знании прямом и не обставленном сложными сооружениями. Всмотрись, подумай по сути — и поймешь! Но вся наука сейчас система боковых, периферических доказательств, собрание ловких приемов угадывания. Я не верю, что для того, чтобы понять мир, нужно читать философские книги или заниматься в физической лаборатории. Мир, очевидно, устроен так, что его суть сквозит в любом его кусочке.

Д. Д.: Для чего нужен язык, в чем его функция?

Л. Л.: Он разрезает мир на куски и, значит, подчиняет его. Но он, как и жестикуляция, естественный

вывод природы, ее дыхание, жизнь или пение. Человек плывет на звуках, как лодка на море, чем сильнее становится волнение и больше качает, тем ему веселее. Он проделывает все более сложные движения, он узнает существование моря.

Я. С. прочел «Чем я противен».

Л. Л.: Тут есть черты национальные, а также, выражаясь твоим шифром, пртр. Это отвращение к индивидуальности, к ее неизбежной нечистоте. Такое чувство бывает обычно после полового соединения, оно давно уже замечено, как особая тоска этого события, ощущение бесцельности действия. Но у тебя оно освобождено от обстоятельств и объекта, поэтому направлено на все и прежде всего на себя.

Затем: О стиле.

Я. С.: Стиль лучше всего понимали китайцы, они говорили: самое важное — содержание. Действительно, не нужно стремиться к точности выражений. Это и недостижимо; само мышление — создание неточностей. И однако словами можно выразить все: сочетание неопределенностей дает в некоторых случаях то, что нужно, определенность. Когда пишешь, надо только думать, что тут самое важное, и записывать то. Тогда окажется, написано хорошо.

А. В.: В людях нашего времени должна быть естественная непримиримость. Они чужды всем представлениям, принятым прежде. Знакомясь даже с лучшими произведениями прошлого, они остаются холодны: пусть это хорошо, но малоинтересно. Не таков Д. Х. Ему действительно может нравиться Гете. В Д. Х. не чувствуется стержня. Его вкусы необычайно опреде-

ленны и вместе с тем они как бы случайны, каприз или индивидуальная особенность. Он, видите ли, любит гладкошерстных собак. Ни смерть, ни время его по-настоящему не интересуют.

Л. Л.: А Н. М. это разве как-то интересует?

А. В.: Нет, но Н. М. подобен женщине; женщина ближе к некоторым тайнам мира, она несет их, но сама не сознает. Н. М. — человек новой эпохи, но это, как говорят про крестьян, темный человек.

Л. Л.: Он глядит назад...

Затем: О суде.

А. В.: Это дурной театр. Странно, почему человек, которому грозит смерть, должен принимать участие в представлении. Очевидно, не только должен, но и хочет, иначе бы суд не удался. Да, этот сидящий на скамье уважает суд. Но можно представить себе и такого, который перестал уважать суд. Тогда все пойдет очень странно. Толстый человек, на котором сосредоточено внимание, вместо того чтобы выполнять свои обязанности по распорядку, не отвечает, потому что ему лень, говорит что и когда хочет и хохочет невпопад.

Я. С.: Я бы предложил, чтобы судья, вынесший смертный приговор, исполнял его сам, вступив с осужденным в поединок. При этом судье бы давались некоторые преимущества в оружии. Все же был бы риск, суд избавился бы от нереальности, от судьи требовались бы некоторые моральные качества.

Я. С. прочел «Это и то» Д. Д.

Д. Д.: Это гносеология. А гносеология никому не интересна.

Л. Л.: Отвлеченность философии и ее терминология — предрассудок. «Я философ, а это эмпирическое и меня не касается» — глупая фраза.

Д. Д.: Разве, например, «Экклезиаст» отвлеченная вещь?

Я. С.: Некоторые предвидели ту перемену в людях, при которой мы сейчас присутствуем, — появилась точно новая раса. Но все представляли себе это очень приблизительно и неверно. Мы же видим это своими глазами. И нам следовало бы написать об этом книгу, оставить свидетельские показания. Ведь потом этой ясно ощущаемой нами разницы нельзя будет уже восстановить.

Л. Л.: Это похоже на записи Марка Аврелия в палатке на границе империи, в которую ему уже не вернуться, да и незачем возвращаться.

Н. А. видел сон, который взволновал его, сон о тяготении.

Н. А.: Тяготения нет, все вещи летят, и Земля мешает их полету, как экран на пути. Тяготение — прервавшееся движение, и то, что тяжелей, летит быстрее, нагоняет.

Д. Х.: Но ведь известно, что все вещи падают одинаково быстро. И потом, если Земля — препятствие на пути полета вещей, но непонятно, почему на другой стороне Земли, в Америке, вещи тоже летят к Земле, значит, в противоположном направлении, чем у нас.

Н. А. сначала растерялся, но потом нашел ответ.

Н. А.: Те вещи, которые летят не по направлению к Земле, их и нет на Земле. Остались только подходящих направлений.

Д. Х.: Тогда, значит, если направление твоего полета такое, что здесь тебя прижимает к Земле, то, когда ты попадешь в Америку, ты начнешь скользить на брюхе по касательной к Земле и улетишь навсегда.

Н. А.: Вселенная — это полый шар, лучи полета идут по радиусам внутрь, к Земле. Поэтому никто и не отрывается от Земли.

Он пробовал еще объяснить свой взгляд на тяготение на примере двух караваев хлеба, одного 10 1/2, другого 11 1/2 фунтов, которые кладут на весы. Но не смог. И скоро прекратил разговор.

Научные разговоры.

Я. С.: О моем бессознательном затрудняюсь что-либо сказать, но мое подсознательное просто глупо.

Задача: достать упавшую в дымоход вьюшку; рукой не дотянуться, так как дымоход делает петли. Ответы:

Л. Л.: Привести слона из зоосада, он достанет хоботом.

Д. Д.: Опустить на веревке кошку, она вцепится когтями.

Д. Х.: Чтобы она вцепилась, надо сначала воспитать в кошке условный рефлекс на чугун. Это не трудно: надо натирать все металлические вещи в комнате мышами.

Затем: О чудесах природы.

Д. Х.: Сверчки самые верные супруги среди насекомых, как зебры среди зверей. У меня в клетке жили два сверчка, самец и самка. Когда самка умерла, самец просунул голову между прутьями и покончил так самоубийством.

Л. Л.: Удивительно, что крокодилы рождаются из яиц.

Д. Х.: Я сам родился из икры. Тут даже чуть не вышло печальное недоразумение. Зашел поздравить дядя, это было как раз после нереста и мама лежала еще больная. Вот он и видит: люлька, полная икры. А дядя лю-

бил поест. Он намазал меня на бутерброд и уже налил рюмку водки. К счастью, вовремя успели остановить его; потом меня долго собирали.

Т. А.: Как же вы чувствовали себя в таком виде?

Д. Х.: Признаться, не могу припомнить: ведь я был в бессознательном состоянии. Знаю только, что родители долго избегали меня ставить в угол, так как я прилипал к стене.

Т. А.: И долго вы пробыли в бессознательном состоянии?

Д. Х.: До окончания гимназии.

По приезде Н. М. с Кавказа он беседовал с Л. Л. о тюркском театре, о японских добровольцах для торпед, о бобылях и о философии интеллигенции в разные времена.

Н. А.: Что такое, по вашему мнению, физическая масса?

Л. Л.: Индивидуальность вещества. Каждое отвечает на воздействие по-своему, одно покладисто, другое нет. Мера сопротивления на воздействие, или, иначе, инерция, и есть масса. А так как есть много разных родов воздействия, то, я думаю, можно говорить не только о массе, вычисляемой по сопротивлению движению, но и о массе термической (теплопроводности), электрической и т.п. Даже о массе логической.

Д. Д.: Об эпохах можно говорить, пользуясь медицинскими терминами. Средневековье, в отличие от нашего времени, было компенсированной эпохой. Впрочем, оно стало разрушаться уже в XVI веке. И этот перелом достиг наибольшей остроты сейчас. Но новая эпоха еще не началась, это все разложение старой, но-

вая придет лет через сто... В Средние века и у вселенной, и у города были центр и границы.

Л. Л.: Центр и границы – это смысл.

Д. Д.: Теперь же их нет. Вселенная бесконечна и бесструктурна. В деревне центра нет, разве кладбище. В городе им прежде была площадь с колодцем; теперь площадь только проход. Лишь ночью город приобретает какое-то устройство, оно выражается в расположении линий электрического света. Дом также потерял свой смысл. В деревне кое-где еще сохранились какие-то украшения на нем, воспоминания о знаках, отгоняющих чужое, знаках дома-крепости...

Затем: О знаках в жизни, которые говорят каждому ясно, что существующие сейчас представления мира неправильны. О нормальной длительности сна. Об ошибках определения времени при астрономических наблюдениях, когда наблюдатель помещает события в то время, когда они еще не произошли. О легенде призвания варягов и значении слова «варяг». О деревенской бане (причем Н. А. рассказал относящиеся сюда эпизоды из собственной жизни).

А. В. и Л. Л. состязались на дальность зрения правым и левым глазом, на быстроту умножения в уме, на эрудицию (фамилии министров и членов Государственного совета) и на то, кто больше забыл за свою жизнь.

Я. С. пришел в девять часов*.

А. В.* читал «Правила пользования автоматическим телефоном», вытянув ноги в желтых ботинках и гетрах на диване*. Я. С. опустил веки и сел подле него. Я. С. был мертвенно бледен.

Л. Л.: Ты бы разрешил снять с тебя маску, а то, неровен час, не знаешь, что с тобой случится.

Я. С. вместо ответа заговорил о французах.

Я. С.: Они просто-напросто свиньи, страна свиней. Наверное, где больше бьют, там люди все-таки становятся лучше.

А. В.: Какое это имеет значение, народы и их судьбы. Важно, что сейчас люди больше думают о времени и смерти, чем прежде; остальное все, что считается важным, — безразлично*.

Л. Л.: Ты с таким удовольствием произносишь эти два слова «о времени и смерти», как будто ими всецело завладел и положил к себе в карман. Главное, это удобно, они освобождают от всего остального. А сами ничего не требуют. Ведь ты, кажется, не удалился и не собираешься удаляться в пустыню, как делали это прежде, когда говорили «время и смерть». И Я. С. тоже хватается за эти слова, потому что они не налагают никакой ответственности, после них можно просто замолчать. А все остальное уже спутано, уже бессмыслица, и считаться с ним нечего... Нет. Я же думаю, что судьбы народов не безразличны. Что в общем произошло? Большое обнищание, и цинизм, и потеря прочности. Это неприятно. Но прочность, честь и привязанность, которые были раньше, несмотря на какую-то скрытую в них правильность, все же мешали глядеть прямо на мир. Они были несерьезны для нас, вроде средневековых карт. И когда пришло разорение, оно помогло избавиться от самообмана. И нынешняя наука, например, лучше науки XVIII и XIX вв.

А. В. купил пол-литра водки; он отлил половину, так как хотел пойти еще на вечер. Он стал звонить знакомым женского пола по телефону, начиная все фразы с «э» и особо фамильярным тоном, считая это, очевидно, за какой-то аристократизм. Но тут ему долго не

везло: те объявляли, что водки не пьют, а хотели бы просматривать киножурналы. А. В. тогда вешал трубку и звонил другой. Я. С. в это время отлил немного водки из спрятанной бутылки и А. В. этого не заметил.

Я. С.: Что Н. М., рассказывал что-нибудь интересное?

Л. Л.: Нет.

Я. С.: Почему-то человек, побывавший на лоне природы, обычно глупеет.

А. В. пил, вопреки обычному, скромно: он хранил себя для дальнейших событий. «Пей, — уговаривал Л. Л., — это пробуждает угаснувшие способности».

И вот А. В. ушел на другой вечер, все равно, что в другой мир. Я. С. и Л. Л. остались одни.

Я. С.: Ты бы обязал приходящих к тебе пять-шесть человек записывать что-нибудь по заранее выбранной формуле, например: «Фалес сказал...». Предположим, они будут ходить к тебе еще лет десять. Получится шестьдесят вещей. Можно будет отобрать штук двадцать и соединить. Это будет правильное произведение. Ведь все значительные произведения составные, даже части, их составляющие, плохо связаны, например, в «Дон Кихоте».

Затем: О счастье.

Я. С.: Возраст дает даже не мудрость, что-то более трудноопределимое. Со мной это случилось в тридцать лет. Интересно, что в ночь на эту дату мне приснился умерший учитель. С тех пор я стал и писать по-другому, и показывать написанное, и думать иначе. Я понял гениальное стихотворение: «Когда для смертного умолкнет шумный день...». Это имеет большое значение, что прожито полжизни. И я уже не уверен, что прожито удачно. У меня теперь две формулы: «Я не считаю порядок событий, относящийся ко мне, совершенным»

и «Не надо мне ни славы, ни богатства, ни почестей, мне нужна спокойная жизнь»*. Я совсем не тянусь к тому, что называют «общественным пирогом».

Л. Л.: Мы говорили с Н. М., что когда-то было там нищезанство и всякое такое, вроде богоборчества, а теперь у тех людей, наверное, одна мечта, чтобы их не притеснял и уважал управдом. Впрочем, спокойная жизнь без почестей — это, верно, иллюзия. Спокойствие именно дает связь с окружающим миром, ощущение, что нужен для него.

Я. С.: Я недавно думал, почему я не женюсь, не имею дела с женщинами. Я насчитал двенадцать причин. Но, по правде говоря, я думаю, что причина всего одна: не было до сих пор, значит, не к чему и дальше... Да, еще я стал интересоваться тем, что раньше мне казалось пустым: теориями счастья и блаженной жизни. Эпикурейцы, может быть, совсем и не глупы, это нерешенный вопрос. Но мне кажется, что счастье в неторопливости. И поэтому я всегда с удовольствием думаю, что вернусь домой.

Л. Л.: Я не представляю себе счастья на заброшенной станции. Неторопливость кажется счастьем, наверное, только больному или уставшему человеку. Когда я был в Новом Афоне, мне было невыносимо видеть каждое утро все то же сияющее небо, чувствовать крепкий запах тамошних растений, всю силу и цинизм той природы. Но я знал, что эта же природа была бы изумительна, если бы я был страстно влюблен, она бы тогда не подавляла, а усиливала счастье. Так что виноват был я. Неторопливость дает счастье только как пауза. И мне кажется часто, что счастье невозможно без торопливости и суеты, без власти и влечений. И тогда человек, снующий ночью по улице, высматривающий

себе на несколько часов проститутку, кажется мне сравнительно счастливым. И кажется мне, такой должна была быть и моя судьба, от которой я неправильно уклонился. Конечно, это отчасти мрачное счастье. Однако А. В., предчувствующий сейчас неожиданности, сидя на диване рядом с малознакомой женщиной, ощущая в желудке водку, смешанную с вином, живет сейчас как игрок, живет интереснее в данный момент и счастливее нас.

Я. С.: Не знаю, власть меня никак никогда не прельщала. А разговоры А. В. по телефону мне кажутся глупыми и противными, и тут я не могу ничего поделать. Счастье я ощущал только в освобождении от торопливости. Так, недавно, когда я ехал в автобусе, мне очень хотелось пойти в уборную. И когда я наконец попал, куда хотел, я был искренне рад. Всякое другое счастье, по моему опыту, приходит всегда не вовремя, с опозданием, когда стремления к нему нет и приходится себя убеждать, что оно еще осталось.

Л. Л.: Да, надоедает жить в мире твердых тел. Вот шкаф, вентилятор, библиотека, я не ощущаю в них ничего нужного или близкого. Очевидно, устройство жизни таково, что счастье получается только в напряжении всех сил, в тревоге и торопливости. А дальше? Самое странное, мне все чаще кажется, что мы не имеем права на дальше, и нет нужды в нем. Это даже важнее, чем существует ли на самом деле дальше. Для мухи же не требуют бессмертия, какая претензия считать, что оно нужно нам. Индивидуальность мне часто представляется совершенно неценным, пузырек на воде, которому естественно и справедливо лопнуть. Или — два изгиба одной волны, личность и окружающее, произойдет интерференция, их не станет.

Я. С.: Нет, я не согласен.

Такой разговор произошел между Я. С. и Л. Л., двумя смертными существами.

Д. Х.: Не хотите ли пойти к Н. А.? Там уже Н. М. и, кроме того, еще пирог.

Л. Л.: Не совершить ли нам по пути преступления, иначе говоря предательства.

Д. Х.: Я уже совершил его однажды сегодня, но готов вторично.

И они зашли по дороге в пивную и выпили по кружке. У Н. А. прочел Н. М. «Похвалу изобретателям».

Н. А.: Мне нравится. Чего-чего тут нет. Не знаю только, хорошо ли «бирюльки».

Н. М.: Не хочешь ли ты этим сказать, что много требухи?

Тут началась особая словесная игра, состоящая в преобразовании, подмене и перекидывании словами по неуловимому стилистическому признаку. Передать ее невозможно; но очень большая часть разговоров сводилась в этом кругу людей к такой игре; победителем чаще всего оставался Н. М. На этот раз началось с требухи и кончилось головизной.

Л. Л.: Представьте себе толстый и честно написанный роман, в котором в самом конце автор вдруг решил блеснуть: «Гость в ответ покачал головизной».

За столом обсуждалось происхождение слова «каяться».

Н. М.: А по вашей теории, что это значит?

Л. Л.: «Чети-каяти», от значения «хватать, цеплять, брать», в частности, затем «зацеплять другого человека действиями или словами, задирать, ругать». Оттого и неприкаянный — «неприбранный, без приюта». «Каяться» — это значит ругать или истязать самого себя.

Н. М.: Научите же и нас, как списывать теории с академика Марра!.. А по-моему, слова, начинающиеся на П., обозначают шар.

Н. А.: Например, шар?

Н. М.: Это иностранное слово.

Н. А.: Тогда, круг?

Н. М.: Тоже иностранное.

Между тем, ели пирог, и Д. Х. бесстыдно накладывал в него шпроты, уверяя, что этим он исправляет оплошность хозяев, забывших начинить пирог. Потом он стал рассуждать о воспитании детей, поучая Н. А.

Д. Х.: Надо ребенка с самого раннего возраста приучать к чистоте. И это совсем не так сложно. Поставьте, например, у печки железный лист с песком...

Младенец же спал в это время в кроватке и не знал, что о нем так говорят. Но Н. А. эти шутки были неприятны.

И вот, попив и поев, ощутили ясно, что мыслей никаких нет. Как далеко было то время, когда Н. М. провозгласил мудрость кузнечика и начертил на знамени жука. Когда Д. Х. верил сам, что не сегодня-завтра он станет святым и начнет совершать чудеса; пока же подготавливался к этому, ставя себе каждый день клизмы. Тогда и другие блистали кто чем. Теперь настала долгая эпоха безмыслия.

Н. А.: Чем заниматься друг другом и растекаться, не лучше ли поиграть молча, раз сказать нечего?

Так и поступили: стали играть в кораблики.

Стадии остроумия Н. М. заключены в следующие формулы:

«Помните, что жизнь прекрасна!»; «В вашем лице есть что-то неожиданное» (женщине при первом зна-

комстве) или «Человек, влюбленный в вас, не может вас не любить», «От такого-то до такого-то только шаг», «Ну что, помогли вам ваши ляхи?», «Пошлятины наворотил?», «В ближайшие дни, вернее, часы» и кончилось шутками относительно того, что у него есть 22 тысячи рублей.

Восхищение Д. Х.: «Это достойно кисти Айвазовского», его обидчивость: «Я далеко не глупый человек» и наблюдение: «Ваш рот похож на мой нос»,

Л. Л. спрашивал: «Отчего я такой юркий?» и жаловался: «Я сошка мелкая, винтик маленький».

Д. Д., Д. Х. и Л. Л., распивая водку и закусывая копченым сигом, беседовали:

Д. Д.: Мы соответствуем немецким романтикам прошлого века, они ничего реального не дали, но остались в истории.

И он раздавал роли — кому Шлегеля, старшего или младшего, кому Новалиса, Шлейермахера и других.

Л. Л.: Сходство заметно пока лишь в первой части. Впрочем, остаться в истории не такое уж утешение. Представьте себе: «Эта книга переживет вас; от вас, написавшего ее, уже ничего не останется, кроме гниющего тела, поедаемого червями, а вашу книгу будут еще переиздавать и читать в продолжение пятидесяти или шестидесяти лет».

Затем: Об отличиях народов.

Д. Д.: Древние греки чувствовали только пространство, евреи — только время. Поэтому греческая культура и прилагается так легко ко всем народам. И поэтому же они, наверное, любили мальчиков. Ослабление чувства времени проявляется прежде всего в неуважении к смене поколений, к рождению. Но можно спросить: почему же тогда у греков были мифы и от-

куда у евреев способность к коммерческой спекуляции? Я толкую это как психические экскременты, чуждые им.

Л. Л.: Все это страшно неточно. Пространство надо не противопоставлять времени, а выводить из него. Что касается евреев, то спекуляция коммерческая — сестра спекуляции философской. У евреев потеря прочности и в связи с этим стремление прикрепиться к абсолютному, тоска по нему, по центру, боязнь провинциализма. Это и есть то, что кто-то назвал семитической серьезностью. Чувство ребенка, покинутого матерью, и в связи с этим застывший в глубине страх и стремление укрыться, поглубже зацепиться за окружающее, коммерческие и философские спекуляции, беспокойство. Все это могло возникнуть только при разрыве с природой, родиной, при необычайной физиологической живучести и восточном ощущении преходящести, своей слабости перед миром... Впрочем, я полагаю, что все это можно было бы выяснить точнее, если бы были учтены физиологические особенности народов; это можно сделать хотя бы по статистике болезней; ведь они связаны с конституцией, особенно психические и кожные. Рассуждая же без этих данных, легко воспользоваться недоброкачественными теориями, вроде неопределенных слов о «психическом экскремента». Это немецкий способ мышления, интеллектуальный импрессионизм.

Д. Х.: Наш способ деления вообще, очевидно, неправилен. Мы как бы пользуемся целыми числами, а в природе границы проходят на каких-то дробях. Что же касается евреев, то в них что-то есть, какой-то компас.

Д. Д.: Самое трудное и тайное — время. Почему астрономия прозрачнее, чем история? Потому что там

изменения так медленны, что их почти не принимают во внимание.

Д. Х.: Я думаю, что дело не в самом времени, а тут только нагляднее всего неправильность нашего человеческого метода. Болезнь во всем теле, яснее всего она проявилась в прыщике, нам и кажется, что болезнь в нем.

Л. Л.: Я думаю, что время все-таки сердцевина, это стержень мира; вернее мир — развернутое время.

Затем: Об эпохах.

Д. Х.: Мысль о сходстве атома с солнечной системой по устройству не верна. Мир на самом деле устроен, наверное, остроумнее и проще. Идея эта принадлежит по типу своему не современной науке, а, скорее, науке времен Фламариона. Это было очень хорошее, но очень бесплодное время. Тогда Фламарион жил, как блаженный, взбираясь каждую ночь на свою башенку; а по утрам, наверное, на восходе солнца писал книги. Тогда появились первые автобусы, они изображались в журналах на политипажах, в квартирах и на улицах горел газ, и гордились всемирной выставкой в Париже.

Л. Л.: Время восторженного упрощения.

Д. Х.: Романтики отходили от быта и были мечтателями, мы же, наоборот, стремимся к быту.

Л. Л.: Интересно, как образуется круг людей. В Москве, можно сказать наверняка, нет таких людей. И интересно, что подходящие друг другу люди находят, натываются один на другого, будто случайно, но, как закон, всегда.

Д. Х.: Наше отличие, что мы думаем не лбом и не затылком, а теменем, особым местом мозга.

Л. Л.: Никогда не было столько неправильностей и никогда все же не было такого ощущения правильности и величия мира.

Д. Х.: Нам бы нужен был наш журнал, особенно для Н. М. А для меня свой театр.

Д. Д. стал показывать имевшиеся у него архитектурные журналы.

Д. Х.: У меня привычка каждый раз перед сном рисовать планы воображаемых квартир и обставлять их мебелью.

Д. Д.: Это сейчас единственно живая архитектура.

Затем: О хиромантах, почему они никогда не пробовали проверить линию жизни на руках покойников в любой мертвецкой. О спиритах — почему они не садят в свой круг рядом с медиумом только что умершего человека. О повторяемости кругов в жизни — они все не доводят повторения до замыкания. О том, что наводит ужас на *Д. Х.*, бобылях, русской бане, бородатых священниках, одном возгласе в панихиде. О драке мужиков в распушенных рубахах, их истеричности. О рынках, пахнущих уборной.

Затем: *Д. Д.* читал стихи Гете по-немецки. *Д. Х.* восторгался, *Л. Л.* не понимал по-немецки.

Н. А.: Книга Джинса мрачная, не дающая ни на что ответа. Поражает страшная пустота вселенной, исключительность материи, еще большая исключительность планетных систем и почти полная невозможность жизни. Все астрономическая случайность, притом невероятная. Чрезвычайно неуютная вселенная.

Л. Л.: Все же она показывает, что вселенная имеет свой рост, рождение и гибель. Она драматичнее и индивидуальнее, чем считали прежде.

Н. А.: Конечно, звезды нельзя сравнивать с машинами, это так же нелепо, как считать радиоактивное вещество машиной. Вселенная имеет свой непонятный

путь. Но посмотрите на один интересный чертеж в книге, распределение шаровых скоплений звезд в плоскости Млечного Пути. Не правда ли, эти точки слагаются в человеческую фигуру? И солнце не в центре ее, а на половом органе, Земля точно семя вселенной Млечного Пути.

Я. С.: *Я знал Лао Цзы до сих пор только в русском переводе, который не дает о нем представления. Немецкий гораздо правильнее; но тоже не слишком хорош. Приведу один пример: в русском тексте стоит слово «самка»; в немецком — «вечноженственное». И то и другое, очевидно, не подходит. Но в немецком все же меньше банальностей. У Лао Цзы, оказывается, совсем не так много нравственных мест; хотя, конечно, он не безнравственный философ. Там, где в нашем тексте стоит «Добродетелен властвующий над собой», надо читать на самом деле «Добродетелен бездеятельный». Начинает Лао Цзы так: «Тао, которое мы знаем, не настоящее Тао, и имя, которое мы знаем, не настоящее имя». Он был старшим современником Конфуция, жил почти в то же время, что Пифагор и Будда... Хочешь, давай вместе, пользуясь русским и немецким, восстановим Лао Цзы. Это интересный опыт перевода при отсутствии подлинника, если он удастся, можно будет потом начать переводить недошедшие вещи Аристотеля, Фалеса, Пифагора и других. Работы хватит: потеряно многое.

Н. А. (входя): Я меняю фамилию на Попов-Попов. Фамилия двойная, несомненно аристократическая.

Затем: О номогенезе, книге Берга.

Л. Л.: Все же она не открывает законов, а только доказывает, что они есть, дело не в случайности и не в одних внешних воздействиях. Бергсон уразумел это

прежде, но у того не было такого подбора любопытных и важных фактов. Сейчас, однако, уже открываются такие законы, теория параллельных рядов, проверенная на злаках. Параллельные ряды — это есть и в языке.

Я. С.: Ну как, Н. А., нашли вы для меня работу, не требующую особых усилий? Под усилием я понимаю всякое напряжение. Находите поскорей, а то я останусь без службы и мне очень нужны будут деньги.

Н. А.: Я бы предложил вам, если вы на меня не обидитесь, стать трубочистом. Это замечательная профессия. Трубочисты сидят на крышах, под ними разнообразные ячейки жактовских массивов, а над ними пестрое, как персидский ковер, небо. Да, объединение таких людей, я подразумеваю альянс трубочистов, могло бы изменить мир. Итак, становитесь, Я. С., трубочистом.

Я. С.: Не подходит. Увы, это требует особого напряжения.

Н. А. (направляя разговор в общее русло): Заметили ли вы, что в этом году первый снег выпал хлопьями, а не крупой. Это к неурожайному году... Итак, не бросить ли нам благородную кость?

Психологический разговор

Л. Л.: Я — безответный. На днях открыли вентилятор, и меня стало в него тянуть. Хорошо, что Т. А. заметила, когда я был уже под потолком, и ухватила меня за ножку. А то еще: купаюсь я и, задумавшись, сам не соображая, что делаю, открыл затычку ванны. Образовавшийся водоворот увлек меня. Напрасно цеплялся я за гладкие края ванны, напрасно звал на помощь. К счастью, мой крик услышали жильцы, взломали дверь и в последний момент спасли меня.

Д. Х.: Мой организм подточен. Вчера, когда вставал с постели, у меня вдруг хлынула из носу кровь с молоком.

А. В. нашел в себе сходство с Пушкиным. *Н. А.* с удовольствием согласился.

А. В.: Пушкин тоже не имел чувства собственного достоинства и любил тереться среди людей выше его.

А. В.: Недавно *Д. Х.* вошел в отсутствие *Н. М.* в его комнату и увидел на диване открытый том Пастернака. Пожалуй, *Н. М.* действительно читает тайком Пастернака.

Н. А. сидел у *Л. Л.* В это время вновь позвонил *Д. Х.* по телефону, опять о билетах на Реквием.

Л. Л.: Пустобрех Ваш *Д. Х.*

Н. А. копировал с энциклопедического словаря автографы, а *Д. Д.* беседовал с приехавшим *Д. Х.* Гете, Моцарт, Шуберт — так и слышались у них в разговоре имена великих людей. *Л. Л.* это надоело. Он вспомнил строчки *А. В.* из автобиографии:

«Гениальному мужчине
Гете, Пушкин и Шекспир,
Костомаров и Пуччини
Собрались устроить пир».

Затем *Н. А.* играл, как всегда, в триктрак и напевал несложную песенку: «Один адъютант имел аксельбант, а другой адъютант не имел аксельбант»*.

Потом о *Н. М.*

Он появляется в редакции без цели, как фланер, в странной одежде и спортивных туфлях зимой. Его все всегда принимают хорошо. Он садится и начинает бес-

стыдно издеваться: «Что, — говорит он писателю, — опять пошлятину наворотил?» А редактору: «Зачем вы разговариваете с ним, ведь он мошенник, ему нужны только деньги...». Все это правда, но принимается с улыбкой, за остроумие. Вообще шутки его напоминают шутки Ивана Ивановича из повести Гоголя: «А хлеба тебе, наверное, тоже хочется?» К тому же они направлены на тех, кто беззащитны, кто действительно пишет плохо. Так говорит Н. М., выполняя свою общественную функцию законодателя вкусов, вроде Петрония при Нероне. Ему дана привилегия говорить правду, как в старину шутам. Так прежде принимали симпатичного и талантливое, но спившегося вконец человека. Он проходит как особое явление природы, не входящее в обычный круг, не подчиненное общим правилам.

В конце концов к нему относятся хорошо, потому что считают за редкое и прекрасное произведение природы. А таланты нужны, как украшение, любому времени, любому строю. И поэтому ему все-таки перепадает небольшая часть земных благ. Он может, если захочет, прожить как эстетический прихлебатель.

Н. М. и Л. Л. встретились на Реквиеме.

Л. Л.: Что же вы пропали?

Н. М. (по обычаю ускользая от вопроса): У меня теперь телефон, могу его вам дать.

Л. Л. удивился.

Н. М.: Жена захотела. Телефон стоит уже три дня, и до сих пор я не заметил, чтобы он приносил счастье.

Потом о Реквиеме.

Л. Л.: В нем нечеловеческая властность.

Н. М.: Да; оказывается, человеческий голос таинственен. Если им правильно пользоваться, он выше

всего... А последние части написаны, кажется, уже не Моцартом, а по его указаниям, уже после его смерти.

Л. Л.: Прошу вас, не стесняйтесь и вы; если вам нужно, я с удовольствием сделаю вам это одолжение, закончу то, что вы не успеете.

А. В.: Д. Х. уже неделю питается супом, который варит сам, супом со снетками... А билеты на Реквием, которые он предлагал Н. А. и дал Н. М., были на самом деле не даровые: Д. Х. купил их.

А. В. и Л. Л. говорили о количестве денег, потребном человеку. *А. В.* считал, что тут нет и не может быть границ; чем больше, тем лучше. *Л. Л.* говорил, что много денег нужно лишь при честолюбии, чтобы не отстать от других. А так достаточно и не слишком многого.

Потом о вдохновении.

А. В.: Оно не предохраняет от ошибок, как это думают обычно; вернее, оно предохраняет только от частных ошибок, а общая ошибка произведения при нем как раз не видна, поэтому оно и дает возможность писать. Я всегда уже день спустя вижу, что написал не то и не так, как хотел. Да и можно ли вообще написать так, как хочешь? Д. Х. говорил когда-то, что искусство должно действовать так, чтобы проходить сквозь стены. А этого не может быть.

Л. Л.: Неизвестно, что такое вдохновение. Но оно напоминает пристальный взгляд, ясность и свободу. Это острое внимание, восхищение миром. Так что ему близки умиление, головокружение при просторе, забвение себя. И, заметь, тут есть всегда естественная легкость, как бы пропадает всегдашнее трение, и вместе пропадает ощущение времени. Откуда это, и истинно ли оно? Тут пока можно сказать только приблизительно: попасть

в течение мира и плыть по нему, как по течению реки. А истинно ли, это близко к другому нерешенному вопросу: когда любят, чего только не видят в женщине; действительно ли замечают тогда недоступное другим, или все это только странная иллюзия?

Затем о людях.

А. В.: Люди новой эпохи, а она наступает, не могут иметь твердых вкусов. Взять, к примеру, тебя, где твои вкусы? Можешь ли ты ответить на вопрос: ваш любимый писатель? Правда, у тебя на полке стоят книги, но какой случайный и шаблонный подбор! Между тем, прежде были люди, которые отвечали не затрудняясь: «Я люблю Плиния Старшего».

Л. Л.: Если бы у меня не было вкуса, мог ли бы я вести четыре года работу редактора в государственном издательстве!

А. В.: Но в конце концов тебя же оттуда выгнали.

Затем снова о деньгах.

А. В.: Мама мне до сих пор простить не может, что в день, когда я выиграл в карты тысячу рублей, а она попросила у меня денег, я дал ей пятерку.

Л. Л.: Тысячу рублей? Когда же это было?

А. В.: Этой осенью. И куда они разошлись, не знаю. Помню, что купил галстук.

А. В. прочел стихотворение без названия, жалобу на несовершенство человеческой природы.

Л. Л.: Изумительно, как тут точно и правильно поставленные вопросы остаются в то же время искусством. Оно прекрасно как преломление света. В других твоих вещах бывает, что равнодушие настолько властвует над ними, что они почти перестают быть искусством. Тут же есть особое благородство или изящество.

Это элегия. Вначале какой-то стороной напоминает некоторые хлебниковские вещи — «звери, когда они любят...». Но Хлебникову никогда бы не удалось сказать так просто: «Еще у меня есть претензия, что я не ковер, не гортензия».

А. В.: Это стихотворение, в отличие от других, я писал долго, три дня, обдумывая каждое слово. Тут все имеет для меня значение, так что, пожалуй, о нем можно было бы написать трактатик. Началось так, что мне пришло в голову об орле, это я и написал у тебя, помнишь, в прошлый раз. Потом явился другой вариант. Я подумал, почему выбирают всегда один, и включил оба. О гортензии мне самому неловко было писать, я сначала даже вычеркнул. Я хотел кончить вопросом: почему я не семья. Повторений здесь много, но, по моему, все они нужны, если внимательно присмотреться, они повторяют в другом виде, объясняя. И «свечатрава» и «трава-свеча», все это для меня лично важно.

Затем поехали к Д. Д., там говорили об общности взглядов.

А. В.: Если некоторые слова у людей совпадают, это уже много; сейчас можно только так говорить.

Л. Л.: Вот я прочел гениальную книгу: «Учение о цветах». Фауста я не мог дочитать, скучно, а тут все прекрасно.

Н. М.: О цветах есть у Лейбница замечательные мысли. Точно не помню, но суть в том, что цвета — это мельчайшие фигуры, треугольнички и т.п. И стекло, не пропускающее определенного цвета, — это просто решетка, неподходящая для таких фигур.

Д. Х.: Что же Н. М. не расскажет вам открытия, которое он сделал вместе с женой. Они теперь работают как супруги Кюри.

Н. М. рассказал, как, взбивая белки в сосуде с инкрустациями, они вдруг заметили, что в другом сосуде на воде появилась такая же рябь квадратиками.

Д. Д.: Не от звука ли это? Звук ведь дает узоры. Проверьте это, меняя сосуды.

Затем спор о бане.

Н. М.: Я примирю вас. Баня моет, ванна очищает посредством осмоса и диффузии. Это совсем другое. О, это великая вещь, две среды, разделенные перепонкой.

Д. Х. сообщил, что скоро будет жить в новой комнате.

Н. М.: А как вы устроите ее, по-левому или по-пошлому?

Л. Л.: Скажите, *Д. Х.*, тяжело Вам оставаться в Вашей левой комнате, когда все уйдут и вы остаетесь один?

Д. Х.: Я понял, какую комнату я люблю: загроможденную вещами, с закутками.

Д. Д.: Все люди, очевидно, делятся на жителей пещер и жителей палаток. Вы, конечно, житель пещеры. Самые лучшие жилища — английские квартиры в несколько этажей. Устанешь заниматься в нижней, идешь отдыхать в верхней. Высота ведь дает отдых. Я даже пробовал становиться на стул, прислоняясь к печке, что ж, это было хорошо.

Л. Л.: Это легко выполнимо: делать очень высокие кресла, высотой, скажем, с шкаф. Вы приходите в гости, садитесь в кресла и беседуете, как два монарха.

Д. Х.: Даже когда в библиотеке достаешь книгу с верхней полки и читаешь ее на лестнице, не спускаясь, это приятно. Было бы удобно избирать высоту положения по теме: когда разговор снизится, оба опускаются на несколько ступенек вниз, а потом с радостью вновь лезут наверх.

Н. М.: Люльки надо, в каких работают маляры, и дергать ее самому за веревку.

Д. Д.: Архитектуру до сих пор рассматривали неправильно, извне. Но ее суть во внутреннем, жилом пространстве. Даже целый город в Средние века был как бы одной квартирой, жилым пространством. Потому улицы в нем кривы и узки. Кто строит комнату себе, заботясь главным образом о проходах? Сейчас же улицы для движения, это не жилое, а мимоходное пространство.

Затем *Д. Д.* заговорил о романтиках.

Д. Х.: Да, вы, конечно, Тик. Я выпил свой чай. Налейте, пожалуйста, чаю бывшему Гете.

Н. М.: А вы слышали о теории, напечатанной в американском журнале? Земля — полый шар, мы живем на ее внутренней поверхности, солнце и звезды и вообще вся вселенная находятся внутри этого шара. Конечно, она совсем небольшого размера, и если мы могли бы ее пролететь по диаметру Земли, мы попали бы в Америку. Ясно, что тяготение при этом имеет радиальное направление от центра шара, оно есть отталкивание.

Д. Д.: Значит, когда мы роем яму, мы пытаемся выйти из нашей вселенной? Вот она, оказывается, пещера, вселенная.

Н. М.: И значит, моя теория распространения света мгновенно неверна.

Д. Х.: Стратостат все поднимался, поднимался и вдруг оказался в Америке. Все, конечно, изумлены: как это могли настолько отклониться от направления, проверяют приборы. А на самом деле просто пролетели насквозь вселенную.

Д. Д.: Что же находится там, за шаром Земли? Совершенно неизвестно?

Д. Х.: Где-то на дне океана есть дыра, через которую можно выбраться на внешнюю поверхность вселенной.

Л. Л.: Некоторые глубоководные рыбы иногда туда заплывают, оттого у них такой таинственный вид.

Д. Д.: Нет, это конец вселенной. Она начинается в центре со света, потом, на внутренней поверхности, вода и органическая жизнь, потом все тверже, пока не доходит до абсолютной твердости, за ней уже ничего не может быть.

Н. М.: Как не может быть температуры ниже абсолютного нуля. И как должен быть предел у чисел.

Л. Л.: Так что пространство замыкается Землей. Если открыли бы, что не только размер вселенной, но и размер Земли преувеличивался, да и все время небольшое, скажем, с человеческую жизнь, все происходит за этот промежуток и только проецируется в иллюзорные бесконечные времена.

Н. М.: Есть же такая теория, что все: и события, и другие люди, и его обиды, и прошлое, и будущее — представляется одному человеку.

Д. Д.: Солипсизм? Это тупик, он ничего не объясняет.

Н. М.: Нет, ведь и сам этот человек себе представляется, он свой собственный сон.

Л. Л.: Сон несуществования. У меня было сказано в «Разговоре о воде» — «большому сну снится, что он маленький сон, маленький сон, которому снится большой сон». Большой сон — это мир, маленький — индивидуальность.

У индусов очень разработанная мифология, тысячи разных богов; но все они, говорят, существуют, пока Брама закрыл глаза.

Д. Д.: О дыре в океане, это есть еще в Гильгамеше. «Он доходит, наконец, до подземного царства, встречается там умерших людей. Конечно, он их спрашивает. И они отвечают: “Здесь не лучше, чем у вас...”». Это, по-моему, лучший эпос — Гильгамеш.

Л. Л.: Индивидуальности как бы зайчики, многократные отражения одного и того же луча. Отсюда и время: описание взаимоотношения большого и маленького миров. Но как оно могло возникнуть?

Н. М.: Да, как оно могло возникнуть?

Д. Д.: Время — это рождение и рост.

Л. Л.: Время — это волна. Но это не объясняет.

Н. М.: Во всяком случае, все теории о времени — четвертом измерении — самые неверные и неинтересные.

Д. Д.: Я прочел роман А. В., по правде говоря, он мне в целом не понравился. Это касание всего и не всегда правильное.

Л. Л.: А. В. говорил, что проза для него таинственна; ему не нравится в его романе бытовой тон. Тон, пожалуй, биографически-протокольный, он во многом возбуждает брезгливость. Но конец романа замечателен.

Н. М.: Я считаю, что проза А. В. даже выше его стихов. Это основа всякой будущей прозы, открытие ее. В этом и удивительность А. В., что он может писать как графоман, а выходит все прекрасно. Недостаток его другой, в том, что он не может себя реализовать.

Л. Л.: Что это значит?

Н. М.: Найти условный знак, вполне точный. Гоголь и Хлебников его, например, не нашли. Все вещи Гоголя, конечно, не то, что нужно было ему написать, они действуют только какой-то своей эманацией. О Хлеб-

никове нечего говорить. Впрочем, я считаю А. В. выше Хлебникова, у него нет тщеты и беспокойного разнообразия Хлебникова. Но Пушкин, Чехов или Толстой реализовали себя. В этом, очевидно, и есть гениальность Толстого: реализовать себя до конца без гения невозможно.

Л. Л.: Я понимаю это так — поставить печать. У Гоголя, я знаю, вы с этим не согласны, такова должна была быть вторая часть «Мертвых душ». Когда читаешь ее, точно всходишь на высокую гору; понятно становится, почему Гоголю казались недостойными все его прошлые вещи.

Д. Х.: А для Н. А.?

Л. Л.: Его поэзия — усилие слепого человека, открывающего глаза. В этом его тема и величие. Когда же он делает вид, что глаза уже открыты, получается плохо.

Д. Х.: Гений, который изумительно себя реализовал, — Моцарт.

Н. М. (прощаясь): Этот год был годом безмыслия, плохим годом для нас. Я думаю, в следующем начнется очень медленное оживание.

Л. Л.: Кто-нибудь уж не оживет.

Н. А.: Я заключил договор на переделку «Гаргантюа и Пантагрюэль». Это, пожалуй, даже приятная работа. К тому же я чувствую сродство с Рабле. Он, например, хотя и был неверующим, а целовал при случае руку папе. И я тоже, когда нужно, целую ручку некоему папе.

Л. Л.: Видали наших друзей?

Н. А.: Д. Х. и Н. М. были у меня. Удивительно, до чего дошло: неинтересно стало даже спрашивать друг у друга, написал ли что-либо. Было скучно, хотя Д. Х. говорил много. Веселые они люди, гастролеры.

Д. Д. принес показать гравюры Пиранези.

Д. Д.: У него камни похожи на растения, а растения на камни. Почему камень оживает именно тогда, когда разрушается?

Л. Л.: Недавно я проснулся ночью и лежал без дела и сна в темноте. Знаете, тогда приходят странные мысли. Мне казалось ясным, что насекомые рождаются из психики, из плохих мыслей и чувств, своего рода самозарождение. Камень, толща, разрушаясь, индивидуализируется в растения, деревья. Это, похоже, как если бы кожа человека стала растрескиваться, отдельные ее кусочки поползли, стали жить и производить. Но что заставляло Пиранези рисовать это тогда без конца — тюрьмы, вокзалы, фабрики. Или в мостах и лестницах есть что-то священное, винтовая тайна?

Д. Д.: XVIII век был весь охвачен чувством разрушения и гибели. Вы не представляете себе, какое впечатление, например, произвело тогда Лиссабонское землетрясение. А ведь теперь, конечно, и глазом бы не моргнули.

Затем: О войне.

Д. Д.: Знаете, что больше всего напоминает война? Службу, учреждение. Или, если хотите, она нам ничего не напоминает, потому что длится все время, и сейчас. Такие времена бывают. Если бы вы, например, вдруг перенеслись в Московскую Русь, вы не нашли бы там ничего нового.

Я. С.: Я не понимаю кривизны пространства. Ведь и в нашем пространстве можно начертить и конус, и седло, и яйцо. Или пространство принимается всегда замкнутым? Но это выходит как-то глупо, что наше пространство, скажем, седло.

Л. Л.: Пространство, полагаю я, — это схема достижимости всех возможных переходов или усилий. Так как при построении этой схемы нет никаких особых условий, то она будет однообразной и продолжать ее можно сколько угодно: то есть пространство оказывается всюду одинаково проходимо и бесконечно. По этой схеме и располагаем мы весь мир соответственно тому, как на опыте, — или в проекции опыта, — достигаем мы каждую его часть.

Это о пространстве; теперь о прямолинейности.

Число возможных способов переходов между любыми двумя — началом и концом — не установлено никаким особым условием, их можно считать сколько угодно, то есть бесконечно. Тот способ, при котором требуется наименьшее количество переходов или усилий, чтобы достичь конца, называется прямым, прямой линией. Все остальные сравниваются с ним: степень кривизны есть степень отличия от прямой.

Это о прямой; теперь о фигуре или очертании.

Можно приписать какой-либо части пространства особое условие: некоторые из вообще возможных способов переходов в нем будут невозможны. Тогда получится фигура. Почему, однако, этот показатель невозможности таких-то переходов представим только для одно- или двухмерных частей пространства? Ясно, например, в чем ограничение движений существа, ползущего по поверхности яйца, по сравнению с летающим существом. Но как представить, что и для летающего свободно какие-то пути на самом деле запрещены, хотя оно этого и не замечает?

Я думаю, это можно понять, если вникнуть в то, что такое — охват.

Переходы следуют один за другим, в очередности, в этом суть пространства. Но мы можем их представить зараз, это и будет охват. Он и дает возможность сравнения разных способов переходов. У нас имеется иерархия из трех охватов, мы называем их объемом, поверхностью, линией. Чтобы дать представление о кривизне пространства, пользуются таким приемом: воображают еще один охват, при котором можно было бы сравнивать объемы по кривизне, как поверхности или линии. Я думаю, что такого нового охвата существовать не может. Это лишь фикция, позволяющая математически выразить кривизну пространства.

Но в чем же тогда в действительности эта кривизна? В том, верно, что все возможные для нас способы достижения не исчерпывают всех возможных вообще, могут быть более прямые, то есть непосредственные. Мы не вполне правильно располагаем мир в схеме достижимости.

Так, смутно, представляется мне это дело.

Я. С. не возражал, но оставался грустен.

Я. С. (жалуется входя): Я ощущаю свои три с половиной пуда, и мне это тяжело. Кроме того, я чувствую свои потовые железки. В этом тоже нет ничего приятного.

Л. Л.: Это ипохондрия. Ты сам в ней виноват, ты ее взращиваешь. Разве хорошо перед сном десять раз снимать и снова надевать дверной крючок? Это суеверие. Так не трудно и с ума сойти.

Я. С.: Ты был бы прав в своих упреках и мог бы смеяться надо мной, если бы я десять раз надевал дверной крючок. Это было бы, конечно, суеверие. Но ведь я де-

лаю это восемь раз. Не можешь же ты требовать, чтобы я был так легкомыслен, что бросал вызов судьбе, селся, как безумный, в трамвай, сумма цифр которого составляет или делится на девять?

Затем: О богатстве.

Я. С.: Где принцесса? Где моя принцесса, куда она затерялась? Декарт имел такую принцессу, он преподавал ей науки и за это имел приличное содержание и не нуждался в деньгах. А я? Если встретите принцессу, непременно передайте, что я с нетерпением жду, когда пригласит меня к себе в преподаватели.

Л. Л.: Но, *Я. С.*, Декарт много знал, он мог преподавать. А ты, что ты знаешь?

Я. С.: Ерунда, Декарт тоже не любил читать и был лентяй. У него была мечта: вставать поздно. Единственное его преимущество: школа ему дала больше знаний, чем нам с тобой.

Л. Л.: У него были прирожденные способности к математике.

Я. С.: Я вроде того ребенка, который заметил, что король гол. Это, кажется, моя специальность — быть таким ребенком*. Теорема Вейрштрасса — если дан интервал с бесконечным количеством точек, хотя бы одна из них должна иметь бесконечное количество соседств. Это звучит торжественно, а если пересказать просто, получится тавтология. То же и с Кантором. Единственная математическая наука, которая не производит такого впечатления, это теория чисел. Таблицы *Н. М.* действительно удивительны, в них заключены все правила теории чисел. А я нашел, что если к числу прибавить девять, сумма цифр не изменится.

Л. Л.: Есть игра — складывать пальцы по-разному, чтобы на стене получались всякие тени. У тебя такое

же отношение к математике. Что ни проделаешь с числами, всегда что-нибудь получится; это, конечно, любопытно. Можно, например, перемножать номера телефонов. Но ты к тому же любишь еще ниспровергать. Быть тебе в математике шлиссельбуржцем Морозовым.

Я. С.: В математике и музыке ты ничего не понимаешь, я к этому уже давно привык.

Л. Л.: Н. М. привесят жернов на шею за то, что он соблазнил одного из малых сих. Брось математику, Я. С.! Разве мало других наук? Например, география...

Я. С.: Отстань.

Затем: Об открытиях и способе писания.

Я. С.: Когда-то полет имел большой и непонятный нам смысл. Чем кончилось? Тем, что, — как ты сам сказал, — полетел глупый человек.

Л. Л.: Это сказал не я, это сказал однажды Н. А.

Я. С. (с неудовольствием): Ну, все равно, пускай это сказал я. Но почему так получилось? И этот конец не случаен. Так будет, верно, и с иерографией, которой занимались мы так же неудачно, как Лейбниц. Среди великих мыслей, которые все время преследуют человечество, число их ограничено и невелико, имеется и арифметика вестников. Я говорю о расположении точек, оно принадлежит к действительно существующим вещам. Но об этом в другой раз.

Л. Л.: Райты были последними нетехническими воздухоплавателями, это придает им возвышенность. Тут разница между открытием и изобретением. Открытие — это рождение глаза из света.

Я. С.: Есть разные виды гения. Леонардо да Винчи, например, никогда ничего не кончал. И хотя это считается недостатком, ясно чувствуется, в этом была и его ценность. В этом смысле я сходен с ним. Рафаэлю,

верно, стоило кистью мазнуть, и получалась картина; а тому нужно было лет пятнадцать. Но выходило никак не хуже.

Л. Л.: Под гениальностью подразумевают очень разное: особую живучесть, производительность, или работоспособность. Она, например, эта сила хватки, ощущение жизни и неутомимость, была, судя по разговорам Гете, у Наполеона. Затем особые способности, своеобразие, дающее человеку новый угол отношения к миру, как бы расцвет его с неожиданной стороны. И наконец, особое проникновение. Здесь, наоборот, получается удивительное однообразие, и совпадения для людей разных времен и народов. Если бы таких людей собрать вдруг вместе, они бы почувствовали сродство и знали бы, о чем говорить.

Я. С.: Не надо писать больших вещей, это предрассудок. У Лейбница всего две больших вещи, и обе скучные. Как раз по этим вещам называют его рационалистом, пишут о нем в учебниках по истории философии. Обе полемические, одна — против Локка, и это уже смешно, когда человек за всю жизнь написал две большие вещи, а обе полемические. Настоящие же мысли, гениальные, в его маленьких вещах, страницы на две, на четыре. Почему так?

Л. Л.: Я думаю, тут разница между записью и разговором. У индусов этому делению соответствовало в сочинениях суть и комментарии. Первое — открытие, то, что увидел этот человек и мог сказать только он. Второе — следствие, разъяснения и приложения, они могут со временем меняться. Им помогало в таком делении то, что они, кажется, еще не имели письменности, а память нельзя перегружать. Так же как будто поступают и математики. Их основные работы короткие,

в несколько страничек, а учебники толсты. Но разговор недолговечен, это кружение и разведка. Но запись — это объективное, в мир входит нечто новое, такое же как минерал или растение: тут нужна сдержанность*.

Л. Л.: Почему-то у всех образцов имеются неприятные стороны. У Платона то, что разговаривают всегда горшечники, сапожники и гимнасты, и все стараются друг друга переспорить. У Шекспира выражения вроде — пусть лопнут мои легкие! В Библии назойливые повторения, описания зданий с обязательным обозначением строительных материалов и количества локтей.

Н. А.: Быть бы Я. С. еврейским начетчиком, а он сбился с пути и оттого тоскует.

Л. Л.: Его женили бы тогда шестнадцати лет, так что ему не нужно было бы об этом думать. Жена бы работала, а он предавался мудрости и пользовался почетом и уважением.

Затем: О возрасте.

Л. Л.: Старость не значит дряхлость. Некоторые способности, например аккомодация хрусталика, ослабевают уже с самого детства. Но какие-то глубокие способности не слабеют, а расцветают с возрастом. Поэтому люди, которые не стареют, ничтожны и противны. Таков, например, критик Ч. Дряхлость же — это самоотравление плохой жизни. Иные старики как бы отбросы собственной жизни, яд своих прошлых незавидных поступков. Других испытание старостью обличает иначе. Это те, кто не делали ничего плохого, потому что, по сути, ничего не делали. Такие старики имеют ложно светлый вид, они незаметно и легко истлевают. Глаза становятся глупыми, прозрачными, за ними ничего нет. Тело как легкая шелуха, дунешь на

нее — она разлетится и не останется от нее и следа, как будто человека никогда и не существовало.

Таблица возрастов, составленная Н. А. вместе с Л. Л.

- От 0 до 10 лет — младенец
- От 10 до 20 лет — дитя
- От 20 до 30 лет — отрок
- От 30 до 40 лет — юноша
- От 40 до 50 лет — молодой человек
- От 50 до 60 лет — зрелый муж
- От 60 до 70 лет — в самом соку
- От 70 до 80 лет — пожилой
- От 80 до 90 лет — старик
- От 90 до 100 лет — глубокий старик
- От 100 до 110 лет — на склоне лет
- От 110 до 120 лет — маразматик
- От 120 до 130 лет — при смерти
- От 130 до 140 лет — агоник
- От 140 до 150 лет — при последнем издыхании.

Т. А.: Но ведь нормальная длительность человеческой жизни семьдесят лет. Так, например, считают немцы.

Н. А. (возмущенно): Немцы! У них вообще сплошное безобразие. Там, например, Тельман сидит уже который месяц в тюрьме. Можно ли это представить у нас?.. А деревья живут очень долго. Баобаб — шесть тысяч лет. Говорят, есть даже такие деревья, которые помнят времена, когда на Земле не было еще деревьев.

Л. Л.: А щука? Почему ваши предки не завели себе щуки? У вас в аквариуме плавала бы фамильная щука, напоминая вам о всех живших до вас Агафонах.

Н. А. (взглянув себе на ноги и заметив на коленях заплаты): Когда буду богатым, заменю эти заплаты бархатными; а посерединке еще карбункулы нашью. .

Т. А.: Много вам нужно в месяц, чтобы не нуждаться в деньгах?

Н. А.: Тысячу. Первые шесть месяцев жил бы на пятьсот, чтобы выплатить долги, а потом бы в свое удовольствие.

Т. А.: Вы ведь и сейчас живете, не плачете.

Н. А.: Как сказать, иной раз и зарыдаешь, когда отовсюду разом поднажмут платежи, а платить-то нечем. Ну, впрочем; чего мы заговорили об этом...

А. В. жаловался, что его при распределении пайков обошли.

А. В.: На паек мне наплевать, он мне не нужен, но это значит, что ко мне до сих пор особое отношение, ничего не забыто. А ведь Д. Х. дали. Почему? Мне ставят в упрек стихи без подписи в журнале. Но они большей частью не мои. Я это сказал.

Л. Л.: Сегодня не дали, завтра дадут.

А. В.: Д. Х. недавно опять выкинул штуку, без всякой причины был со мной груб. Объясняют, что это у него от нервности. Но почему эта нервность вдруг пропадает, когда он имеет дело с более важными людьми? Ты говорил когда-то: если бы тебе вдруг пришлось стать курьером и лакеем и я бы тебя встретил, я бы сделал вид, что с тобой незнаком, не подал руки. Я готов против этого всегда спорить. Но Д. Х. действительно расценивает людей по чинам. Правда, чины эти не общепринятые, а установленные им самим. Но это все равно. А раз так, я могу спросить, не я ли по чину выше?..

Л. Л.: Перемены отношений действительно происходят, но дело в другом. Связи, соединявшие нас, несколько человек, распадаются. Найдутся другие связи, но уже совсем не те, просто по сходству профессий или быта...

А. В. сейчас это не интересовало. Ему сейчас важно было только то, что касалось его самого. Он говорил обиженно, но, впрочем, без всякой злонамеренности. Просто припадок сентиментальности по отношению к самому себе. И он искал сочувствия. Под конец он смягчился.

А. В.: А знаешь, Д. Х. однажды при дамах начал вдруг снимать с себя брюки. Оказывается, он нарочно пришел для этого в двух парах брюк, одни поверх других.

А. В. (прощаясь): И зубы у меня как клавиши, на какой ни нажмешь, больно.

Д. Д.: Конечно, лучший ве́к для жизни был XIX. Короткий промежуток в истории, он, может быть, не повторится, когда человека, считалось, надо уважать просто за то, что он человек. Тогда к этому так привыкли, что думали, так будет продолжаться вечно.

А. В.: А наука того времени?

Д. Д.: Она не определяла жизни. Дарвинизм, борьба за существование, а в жизни суд присяжных, последнее слово подсудимому, постепенная отмена смертной казни. Но наука показывала: что-то подгрызает корни этого века.

Л. Л.: В конце прошлого века и в начале нашего часто в книгах, в тексте или на полях писали слово «sic» с восклицательным знаком. Почему?

Д. Д.: Это у русских меньшевиков. Оно обозначало непомерную гордыню и сектантское всезнайство, при котором все кажется так ясно, что иное мнение считается своего рода умственным уродством. Короче говоря, «sic» означало: кто не согласен — дурак.

Л. Л.: Теоретические бесноватые. Они напоминают христиан времен апостолов, которые, ни капли не сму-

щаясь, глаголами на всех существующих и не существующих языках.

Я. С. прочел «Признаки вечности». Эта вещь написана по поводу неудавшейся попытки Я. С. бросить курить. Она понравилась Д. Д.

Д. Д.: Прежде были рассуждения и философские системы. А теперь просто регистрация увиденных вещей. И это убедительнее.

Я. С.: Да, я уже давно не могу читать философских книг, неинтересно.

Затем: О стиле в математике.

Я. С.: Я понял, что значит метод в математике: это — стиль. Таких стилей было немного, по числу великих математиков. И может даже быть такой великий математик, который не сделал никакого другого существенного открытия, кроме открытия нового стиля. Не таков ли Н. М.? Я же лишь философ, зашедший по пути в математику; такой может сделать и открытия, но все-таки не он настоящий правитель математики*.

Л. Л.: Я могу только сказать — цифры, или, иначе, системы счисления, — это тот мостик, на котором происходит встреча человека с числом.

У Д. Д. встретился Л. Л. с П. Тот излагал свою теорию сказки. Все волшебные сказки — варианты одной основной с семью действующими лицами и точной цепью эпизодов. Вот эта цепь:

Отец отлучился; запрещение что-то делать.

Это все же делают.

Появляется соблазнитель или похититель; беда.

Прощай, отчий дом! Герой едет исправить беду.

Встреча с неизвестным существом; испытание.

И тот дарит ему подарок в путь.

Подарок указывает дорогу.

Поединок с врагом.

В поединке герой получает отметину — печать.

Добыча похитителя возвращена; теперь скорее домой!

Погоня!

Дома никто не узнает его.

Самозванные герои оспаривают его подвиг; состязание с ними.

Печать случайно открывается и свидетельствует.

Второе рождение героя.

Свадьба и царство.

Таким образом, по близости любой сказки к этому образцу можно судить о ее возрасте. Сходство же сказок, конечно, не от заимствования, а от того, что все они порождены одним отношением к миру.

Л. Л.: Вы считаете это только законом волшебных сказок и даже именно этим отличаете волшебные сказки от всяких других. Но не есть ли это основа вообще всех мифов, обрядов, сюжетов, от диккенсовских романов до американских кинокомедий? Те сказки, которые не причисляются к волшебным, отличаются, по-моему, лишь тем, что в них исчезло ощущение страха, это усохшие сказки. Так, по крайней мере, мы судим непосредственно. И разве произведения Гоголя не сказки?

П. не согласился. Он боялся утратить разграничение, право на научность. Однако он сказал, что в «Книге мертвых» в точности те же действующие лица, сюжет и смысл.

Л. Л.: Но в чем же этот смысл, в чем ключ сказки?

П.: Совсем кратко. Все, что разыгрывается в сказке, разыгрывается в душе; но это не представляемые,

а действительные приключения. Никаких рассуждений и иносказаний в сказке нет, все точно и конкретно. И ее герои — души. У человека по древним верованиям всех народов много душ. Сколько именно? По одним сообщениям, четыре, по другим — семь, девять. Разница, наверное, оттого, что путешественники-исследователи плохо понимали туземцев, что они хотят сказать... Чтобы душе достичь цели, ей надо пройти через беды, разрешить точно поставленные задачи, получить коня или птицу, сразиться со змеем, добыть золотоволосую царевну и т.д. Только тогда она находит то, что ищет, что ей нужно. Что именно? Кажется, себя. В «Книге мертвых» душа всегда говорит «я — Озирис», но странствует как раз потому, что ищет Озириса.

Так говорил П. Но в голосе его не было уверенности. Может быть, он не верил в то, что говорил, и в другой раз объяснял бы иначе.

Л. Л.: Почему у царевны золотые волосы?

П.: Золото — свет, царевна помечена светом.

Л. Л.: Субъективного не существует, всякая ассоциация — признак действительного сродства вещей, и на ассоциации и метафоры нельзя ссылаться, их следует объяснять, сводить к действительным связям. Вы говорите: золото — свет. Фрейд говорит: золото — кал, деньги. Разбираясь в значениях слов, я заметил, что красное и черное — варианты одного и того же, руда — это и ископаемое, кровь и зола. Так же: черное и чермное, две вариантные формы одного слова. Почему так? Цвет внутренности, разрыв вглубь, порождение мрака. А что означает змей?

П.: Это мне кажется понятным. Змей наиболее физиологичен, ползает на брюхе и не может подняться.

Он становится еще страшнее, когда у него отрастают крылья.

Л. Л.: Змей — это обнаженный желудок, поглощение. Червь и чрево — варианты одного слова. Возможно, что всякий ужас есть ужас перед неопределенным. Ведь в этом и есть уничтожение: потеря своей определенности. Ужас поглощения, всасывания, головокружение перед зыбью, отвращение к топи, дрожащему желе, медузам, касторовому маслу, вшам, клопам, паукам и т.п. К тому же и движения змеи не прямолинейны, они зыбки, извилисты или, иначе, лукавы... А почему в сказке три сына?

П.: Утроение — закон сказки. Может быть, три при первоначальном, очень ограниченном, счислении значило просто: много.

Л. Л.: Вряд ли была эпоха такого счисления. А если бы была, то в другие эпохи «много» поочередно означалось бы двумя, четырьмя, пятью и т.д. В чем же преимущество трех? Я думаю, три обозначает в сказке «все», исчерпывающую полноту. На это оно имеет некоторое право. Когда «все» познается, т. е. делится, оно делится непременно на три части: устанавливается разность, а разность есть отношение двух вещей, при котором само отношение разности становится третьей вещью. Само тело человека построено по этому принципу: оно симметрично и имеет туловище... Да, и костяная нога, и лес, и волосы — все имеет свое значение. И меня всегда занимало составить алфавит вещей с их значениями. Ведь в вещах нет ни символов, ни аллегорий. Но сами они кристаллизации мировых принципов. Так, крик не имеет никакого постороннего значения, но он выражает боль. Поэтому к мифам надо подходить не как к ошибкам, а как к правильным наблюдениям.

Д. Д.: Существует очень много теорий, объясняющих, как и когда могла быть придумана Библия. Тураев же принял ее просто за правильный исторический источник, и это оказалось самым плодотворным.

Л. Л.: И еще, не надо гоняться за доказательствами. Это только иллюзия, достоверность от них не увеличивается. В самом деле, что такое доказательство? «То, что я говорю, вполне соответствует тому, что вы признали за правильное прежде». Но это прежде признанное совсем недостоверно и новое может ему противоречить. Лучше сказать: «Я вникнул и увидел, что это так; вникните и вы».

Л. Л.: Разговоры Гете с Эккерманом несравненно приятнее и интереснее тех, что я записываю. В них нет претенциозности и отвлеченности. Потому что оба они работали, и разговоры не подменяли им работы, помогали ей. Величие Гете, конечно, не в знании каких-то особых тайн, а, наоборот, в его обычности. Он ясен духом, как всякий добросовестно и бескорыстно работающий человек. Как благородно, когда люди работают свободно и скромно. На них приятно тогда смотреть. Гете умел выбирать для исследования такие области, где не требуется специальных знаний или способностей. Он внимательно слушал, что говорила природа. И поэтому он вобрал в себя два столетия, XVIII и XIX, а своим учением о цветах зашел еще дальше. В этом, а не в его одаренности, главное его величие. Пушкин был, вероятно, одареннее Гете. И у Гете была своя ограниченность. Но он сумел стать в правильное положение, так что само время, как прилив, приносило ему свои ценности. Его разговоры произ-

водят впечатление разговоров в раю. Мы же неблагополучны и скудны.

Т. А.: Существуют традиционно признаваемые великие люди, между тем, не все из них действительно великие, есть и обыденные. Как определить разницу между величием и обыденностью?

Л. Л.: Для этого нет нужды знать, тут часто можно судить по одной фразе. Отбор же и оценка в науке так же случайны, как и в искусстве. Жизнь предъявляет очень смешанные практические требования, только время их очищает. А говорить о великих людях с каким-то особым благоговением, это просто бесплодно.

Д. Д.: Вы знаете, что умер Андрей Белый?

Л. Л.: У него был талант, но дряни в нем было еще больше, чем таланта.

Н. А.: Единственная вещь, которую можно читать, это «Огненный ангел». Да и то она не его, а Брюсова.

Затем: О национальных типах.

Л. Л.: У меня странное впечатление, что все чистые национальные типы похожи друг на друга. Чистокровный немец похож на чистокровного русского.

Д. Д.: Знаете, кто очень похож на русского крестьянина? Я нарочно смотрел в этнографических атласах: австралиец. Такой же бородатый мужичок.

Н. А.: Некоторые находят, что у меня профиль и фас очень различны. Фасом я будто русский, а профилем будто немец.

Д. Х.: Что ты! У тебя профиль и фас так похожи, что их нетрудно спутать.

Н. А.: Чистые типы — это основа; помеси, даже конституций, — это дурное человечество.

Л. Л.: Я думаю, что чистые типы не где-то в прошлом, а образуются во все времена. Смешение дает

гораздо больше браку, но зато изредка особо ценные экземпляры.

Затем: О созвездиях. *Затем:* О блохах.

Д. Х.: Моя бывшая жена имела удивительную способность. В любой момент она могла залезть рукой себе за пазуху и вытащить оттуда несколько блох. Больше таких людей я не встречал. Меня самого блохи кусают не так часто. Правда, крупные блохи. Открывает дверь, откинет одеяло и ляжет на постель, так что мне почти нет места...

Тут же *Д. Х.* сообщил, что у него живет канарейка, которую он кормит своими глистами.

Затем *Д. Х.* рассказал историю исполнения одной из вещей Гайдна, когда музыканты один за другим задувают свечи, складывают инструменты и уходят. Затем — историю сторожа скотобойни, сломавшего руку.

А. В.: Новгород мне понравился. Компания, вопреки ожиданию, оказалась хорошей. Это привело меня к теории, что плохих людей вообще нет, бывают только обстоятельства, при которых люди неприятны.

Л. Л.: Удобная теория.

Затем: О Я. С.

А. В.: Он пишет теперь так, что трудно высказать об этом мнение. Нельзя возражать, так же как о стихах или рассказах нельзя сказать, верны они или не верны.

Л. Л.: Просто мы слушаем друг друга без внимания. Искусство воспринимается на слух, а для оценки мысли нужно напряжение, для которого мы ленивы. Но даже и так о вещах Я. С. можно сказать, хороши они или нет, а это признак, правильны ли они.

А. В.: «Признаки вечности» мне нравятся. Но я не согласен, что время ощущается, когда есть неприятно-

сти. Важнее, когда человек избавлен от всего внешнего и остается один на один со временем. Тогда ясно, что каждая секунда дробится без конца и ничего нет.

Л. Л.: Когда нет событий, ожидания, тогда и времени нет; настает пауза, то, что Я. С. называет промежутком или вечностью, — пауза, несуществование. Это кажется странным: разве можно перестать существовать и потом вновь существовать? Но ведь тут много сторон, в одном существование прекращается, в другом отношении продолжается. Ожидание — это участие в токе событий. И только тогда есть время.

А. В.: Я. С. говорит — при ожидании неприятного.

Л. Л.: Да, потому что тогда есть утрата и сопротивление событию. А при приятном сливаешься с событием, отдаешься ему. Поэтому, например, при восторженном слушании музыки невозможно сказать, сколько прошло времени. Воздушный шар парит по ветру, поэтому он не чувствует движения, для него ветра не существует. Поезд же чувствует движение по толчкам, по тряске. Есть как бы две волны: волна человека и волна мира. Когда волна человека совпадает с волной мира, настает то, что Я. С. зовет промежутком или вечностью (он это заметил в кратком освобождении от уроков, в курении). Когда же не совпадает, тогда существование, сотрясение, время. Но есть, очевидно, еще третье соотношение, когда происходит перекидывание из одних сторон существования в другие, разрешаемое совпадениями разных волн; это качание — игра со временем, ритм... Следует только иметь в виду, что волна мира кажется нам движущейся потому, что мы глядим на нее с другой волны: саму по себе ее движущейся нельзя назвать так же, как и волну самого человека.

А. В.: И несмотря на все рассуждения, время стоит несокрушимое, все остается по-прежнему. Мы поняли, что время и мир по нашим представлениям невозможны. Но это только разрушительная работа. А как же на самом деле? Неизвестно. Да, меня давно интересует, как выразить обыденные взгляды на мир. Помоему, это самое трудное. Дело не только в том, что наши взгляды противоречивы. Они еще и разнокачественны. Считается, что нельзя множить апельсины на стаканы. Но обыденные взгляды как раз таковы.

Л. Л.: Почему же теории о времени не убедительны, не могут поколебать ничего. Потому что время прежде всего не мысль, а ощущение, основанное на реальном отношении вещей, нашего тела, в широком смысле, с миром. Оно коренится в том, что существует индивидуальность, и чтобы выяснить, что такое время, надо произвести реальные изменения, попробовать разные его варианты. Это возможно, так как мы действительно по-разному воспринимаем время при разных физических состояниях. Но Я. С. предпочитает не делать этого, а удовлетворяться тем, что он заметил, намеками. Это импрессионизм.

А. В.: Это может дать результаты.

Л. Л.: Да. Главное, надо понять, что существование и несуществование относительно. Существовать — это значит просто отличаться. Поэтому и может быть: отличается (существует) по отношению к этому, но не отличается (не существует) по отношению к тому. А прежде они не входили в круг исследования, принимались за незыблемые данные. Несуществование казалось собственно какой-то иллюзией, о нем ничего нельзя сказать. Они представлялись наподобие скалы и пропасти за ней. На самом же деле, зыбь и пена над ней.

Я. С.: Прежде говорили — жалко умереть в восемнадцать лет. Я этого не понимаю. Чего жалко и почему жалко в восемнадцать лет, а в восемьдесят не жалко или не так жалко? Жалели, верно, красивой жизни, чтения газет по утрам, посещений театра, комфорта, знакомства с женщинами. Умер молодым, а мог бы еще столько раз пойти в театр, узнать столько новостей, которые будут напечатаны в газете. Но все это нелепо. Красивой жизни не существует. Внешним признаком этого служит отсутствие интереса к женщинам. Сейчас даже непонятно, как это было вокруг женщины столько насочинено.

Л. Л.: Есть неистребимое чувство, что в мире имеется какая-то тайна. Распускание цветка прекрасно, и жалко его не увидеть. То же и о человеке. Нехорошо умереть, не выполнив ничего. Неизвестно, есть ли у нас предназначение или нет, но чувство этого и связанной с ним ответственности есть. Даже когда умирает молодое животное, жалко.

Я. С.: Разговоры о предназначении — пошлость. Тайна мира? Если она есть, тогда нечего жалеть, что тут чего-нибудь не увидел. А если нет, тогда нет и прекрасного, не на что смотреть. Знаете, Гейне рассказывает: он стоял как-то с Гегелем и, указывая ему на звездное небо, сказал: «Оно прекрасно». Гегель мрачно ответил: «Дыра». Так все в этом случае должно вызывать лишь страх, вернее — безразличие.

Л. Л.: У тебя подход к таинственности мира слишком коммерческий. Это не страховая премия.

Я. С.: А у тебя либеральный, не точный способ рассуждения. Еще Кант говорил, надо иметь решающий критерий. Например, идти или не идти в театр, тут, пожалуй, можно и не задумываться. Но предать или не

предать друга, каждый задумается. В последнем Кант, впрочем, как мы знаем, ошибался. Но критерий надо иметь, и у меня он есть: спрашивать, как это меня касается. Это единственный способ не потерять реальности. Распускание цветка, например, меня касается, а теория условных рефлексов нет. У тебя же такого критерия нет. И тут А. В. имеет перед тобой преимущество. Он ощущает неблагополучие мира, а ты нет...

Я. С. (уходя): Когда разбогатею, куплю себе мула, буду разъезжать на нем по городу.

Л. Л.: Вы очень удачно показываете, как Н. М. застегивает пальто. В чем тут дело?

Д. Х.: Только в том, что он застегивает пуговицы обеими руками. Наш гений вообще со странностями. Вы не поверите, но, честное слово, он до сих пор не умеет узнавать по часам время.

Н. М.: Странно все же, что Я. С. еще что-то думает, мы об этом уже давно забыли. Писать для самого себя — все равно что острить наедине с собой, не смешно. Нужно иметь людей, в расчете на которых пишешь. Скольких? Немного. Достаточно, может быть, двух, трех. Но их нужно иметь непременно.

Д. Д.: У Пушкина было всего несколько таких читателей, особенно к концу его жизни. Число их постепенно убавлялось, их вытесняли из жизни. Но они были связаны общими вкусами. Я так объясняю ненависть Пушкина к Александру I: он считал его человеком своего круга, который должен был оказаться защитой и покровителем, но изменил. Николай I другое дело: тот был чужд и с ним возможна была простая коммерческая сделка.

Н. М.: Гоголю не для кого было писать в его последние годы, это ясно чувствуется.

Затем: О китайских вещах.

Н. М.: Они прекрасны. Обычно очень ценятся древнеегипетские вещи, и они действительно хороши; но по сравнению с китайскими они грубы, как шероховатость телеги по сравнению с лакированностью автомобиля.

Л. Л.: А откуда пошло умение палехских мастеров?

Д. Д.: Я думаю, хотя не имею доказательств, что оно пошло тоже из Китая. Палех на Волге, а у Древней Руси была большая торговля с Персией и другими восточными странами.

Н. М.: То искусство кончилось. Современные японские вещи все равно что германская дешевая продукция.

Затем: О магометанстве.

Н. М.: Для меня оно загадочно. Ведь у него нет никакой идеи, это бездарный плагиат других религий. И однако оно распространилось и до сих пор держит власть.

А. В.: Мне говорил Я. С. с некоторой стыдливостью: «В 30 или 31 год каждый человек переживает кризис, задумчивость половины жизни. Недавно я думал о моих друзьях и пришел к заключению, что, говоря термином Кантора, их можно обозначить нулевым множеством».

Л. Л.: Он так самолюбив, что боится даже себе признаться в этом.

А. В.: Я думаю, ему очень важны отзывы о его вещах, хотя он и не показывает этого.

Л. Л.: Мы сейчас не даром чаще чем «хорошо» говорим о чистоте, правильности или точности. В каком

бы роде ни писал, но всегда должна быть твердость, власть вещи, независимо от того, готовы ли ее встретить приветливо или нет. Между тем, в вещах Я. С. еще много такого, что рассчитано на сочувствие, не непременно.

Затем: О мгновении.

А. В.: Расстояние измеряется временем. А время бесконечно дробимо. Значит, и расстояний нет. Ведь ничего и ничего нельзя сложить вместе.

Л. Л.: Почему ты решил, что мгновение бесконечно мало? Свобода дробления, это значит, мгновение может быть любой величины. Они, верно, и бывают всякой величины, большие и малые, включенные друг в друга.

А. В.: Если бы это было так, тогда понятно, почему, как ни относиться ко времени, нельзя все же отрицать смены дня и ночи, бодрствования и сна. День — это большое мгновение.

Л. Л.: Примечательные состояния: ясности, дальности, значительности, смущения, примирения.

Ясности. Оно наступает внезапно, без причин и полно сдержанной и огромной радости. Все прекрасно, видно особенно ясно и доставляет удовольствие смотреть на все. Ощущение, как будто находишься среди бесшумно и точно работающих механизмов; либо в чистом, выстланном кафелем бассейне, где течет вода и не спеша происходят непонятные тебе события.

Значительности. Когда какая-либо обыденная картина, — беседа людей в другой комнате, которую наблюдаешь через открытую дверь, — вдруг кажется страшно важной, имеющей особый смысл. Люди и вещи встают как живой иероглиф.

Смушения. Это отдаленность от собственной индивидуальности. Можно пояснить сном: иногда видишь, тебя преследуют, нагоняют, сейчас нанесут удар; но в самый страшный момент начинаешь чувствовать, что этот бегущий собственно не ты, все более и более не ты, и страх исчезает. Вроде этого и в жизни. Удивление перед самим собой, что вот существует такой с фамилией, наружностью, поступками, судьбой, — и он имеет к тебе отношение, это ты. Озадаченность такой нелепостью и чувство, что вот-вот поймешь, в чем здесь путаница.

Наконец, примирения. Оно наступает после неприятностей и волнений. Это минуты покоя, разбитости и умиления. Состояние банкрота, которому кажется, что он беседует с Богом. «Мой милый, мой любимый, — говорит Бог. — Я мучаюсь вместе с тобой всеми твоими мучениями. Я проделываю всю твою жизнь с тобой». — «Но как же, — говорит банкрот, — или Ты не всемогущ, или Ты сам так устроил, зачем?» — «Не надо говорить об этом, — отвечает Бог, — этого тебе все равно сейчас не понять».

Д. Х. и Л. Л. говорили о пытках.

Л. Л.: Это то, с чем никак невозможно примириться, что не умещается ни в какой философской системе. Между тем, чудовищная жестокость существует, и, когда говорят «азиат», подразумевают именно эту жестокость. Очевидно, лишь очень небольшая часть человечества лишена в некоторой степени ее, для остальных это обычное дело.

Д. Х.: Есть русская жестокость, еще хуже «азиатской». Она тем страшнее, что какая-то бестолковая, почти добродушная и легко сменяется жалостью и слезами, тоже не имеющими никакой цены.

Л. Л.: Разве вы лишены патриотизма?

Д. Х.: Да. Из всех народов я ненавижу русских и японцев. Пусть их пропадают. Мой патриотизм всего-навсего петербургский.

Я. С. встретил гостей радостно. Он вынул тетрадь с математическими таблицами и стал показывать что-то *Н. М.*

Н. М.: Я думаю, не поступить ли в университет на математическое отделение. Знаете, это хорошо, прой-ти математику досконально, без цели.

Я. С.: В университет? Но ведь вам же придется прой-ти массу ненужного и неинтересного.

Н. М.: Я прежде сам так думал. Но теперь мне ка-жется, что в математике нет неинтересного.

Я. С.: Так ведь можно изучать самому.

Н. М.: Это не то, вы не будете среди людей, которые этим занимаются. Не будет уверенности, что вы в кур-се. Да и действительно вы не будете в курсе, потому что не будете участвовать в разговорах. Вы окажетесь провинциалом. Так же как в литературе печатаются только знакомые редакторов, так и в науке могут ра-ботать только те, кто связаны между собой, входят в группу. Пришлите по почте что угодно в любой жур-нал, этого даже не прочтут. Все люди ленивы. Так и должно быть.

Л. Л.: Обыкновенная дорога в науке самая правиль-ная. Только она дает право на открытие. Об этом пра-ве не говорят, но оно имеет непреодолимую силу. Это закон экономии внимания: выслушивают только тех, о которых известно, что они хоть знают, что было сде-лано в этой области до них... Но все же вы, *Н. М.*, в университет, конечно, не поступите...

Н. М.: И Л. Л. было бы с кем поговорить, если бы он был в университете. А так, с кем ему говорить о его теории слов? Но его слушали бы лингвисты, только если бы Л. Л. сам стал лингвистом.

Л. Л.: И все же есть случай, я думаю, когда можно работать одному. Это когда науки, в которой работаешь, еще нет, ты сам ее создаешь. Тут нет фундамента, на котором ты строишь, значит, и нет владельцев этого фундамента.

Я. С. налил немного водки и выпил без закуски. Потом он прочел свои вещи: о точках и об окрестностях вещей.

Л. Л.: Мне не нравится математизированный стиль, стремление заключить в формулы. Точнее от этого не становится, а чувствуется какое-то самодовольство; вот как чисто сделано и лаконично, а если трудно понять, так мне дела нет до читателя.

Н. М.: Нет, формулы, по-моему, правильный путь. *Я. С.* мешает поэтичность. Науку и искусство не спутать. «На холмы Грузии легла ночная мгла» действует неизвестно чем; наука же действует непрерывным сообщением нового, занятностью... В математике интересно то, что тут есть какая-то автоматичность. Математика там, где операции могла бы делать и машинка: почему-то это привлекает.

Я. С.: Как ни написаны вещи, которые вы прослушали, но в них указано то, чего прежде не замечали. Дано, например, определение несуществования и его различных видов. Вы же этого не заметили.

Н. М.: Если так, тогда это написано плохо. Надо писать так, чтобы было заметно. Во Франции редакторы газет проверяют фельетоны, читая их извозчикам. Это правильно. Надо писать так, чтобы было понятно прачкам.

Затем: О людях.

Н. М.: Почему вы, Я. С., не любите Н. А.?

Я. С.: Люди делятся на жалких и самодовольных. В Н. А. нет жалкого, он важен, как генерал.

Н. М.: Это неверно. Разве не жалок он со всеми своими как будто твердыми взглядами, которые он так упрямо отстаивает и вдруг меняет на противоположные, со всей своей путаностью?

Я. С.: А Д. Х.?

Н. М.: Он — соглашатель, это в нем основное. Если он говорит, что Бах плох, а Моцарт хорош, это значит всего-навсего, что кто-то так говорит или мог бы говорить, и он с ним соглашается... Я же не соглашатель, а либерал. Это значит, у меня нет брезгливости к людям и их мнениям.

Л. Л.: Но вы их не уважаете.

Н. М.: Да, пожалуй. На склоне лет я с ужасом замечаю, что характер у меня плохой, может быть от дурного воспитания. Да, я плохо отношусь к людям.

Л. Л.: И капризно. В вас нельзя быть уверенным, в любой момент вы можете без причин проявить грубость. Вы относитесь к людям неровно — либо презрительно, либо верите в их авторитет, как женщина. И никогда не известно, где граница вашего самоволия.

Н. М.: Если бы можно было убить без всяких неприятностей для себя, чтобы избавиться от забот и нужд, я бы это сделал.

Л. Л.: Так как вы этого никогда не пробовали, то, очевидно, это лишь слова.

На прощание Я. С. сыграл две вещи Баха.

Н. А. и Л. Л. беседовали за пивом.

Н. А.: Н. М. все ходил по гостям, а в последние дни даже это прекратил. Уехал он в грустном настроении с

двумя рублями денег на почтовом поезде. Не понимаю, что с ним делается. Нужно же иметь волю не поддаваться и чем-то интересоваться.

Л. Л.: Не у всех одинаковая выносливость. А как Д. Х.?

Н. А.: Он все не пишет ничего. Он надеется на свой театр. Если и это не удастся, тогда, сказал он, придется сдать. Но что это значит — сдать? А Я. С.?

Л. Л.: Я видел его недавно. Он был незабываемо печален. Не верю я в такое отречение от мира, когда человек невесел и с каким-то удовольствием произносит то о том, то о другом: «болван!».

Л. Л.: Слова обозначают основное — стихии; лишь потом они становятся названиями предметов, действий и свойств. Неопределенное наклонение и есть название стихии, а не действия. Есть стихии, например, тяжести, вязкости, растекания и другие. Они рождаются одни из других. И они воплощены в вещах, как храбрость в льве, так что вещи — иероглифы стихий. Я хочу сказать, что выражение лица прежде самого лица, лицо — это застывшее выражение. Я хотел через слова найти стихии, обнажить таким способом души вещей и узнать их иерархию. Я хотел бы составить колоду иероглифов, наподобие колоды карт.

Д. Д.: Не думаю, чтобы этого можно было достичь, изучая язык. Вы хотите найти собрание иероглифов для всех случаев, как бы общую азбуку мира, между тем мир — это индивидуальная история, рассказанная в иероглифах; каждый частный случай — это особенная история, со своим законом; и весь мир — частный случай, имеет особенность.

Кто придумал рюмку, ее прекрасную форму, ее жизнь преломления света? Сама она похожа на цветок и на камень, и жидкость в ней тоже.

Л. Л.: Говорят о плохих эпохах и хороших, но, я знаю, единственное отличие хорошей — отношение к видимому небу. От него и зависит искусство. Остальное не важно. Нам, например, кажется, писать по заказу плохо. Но прежде великие художники писали по заказу, им это не мешало.

Д. Д.: Произошла потеря осязаемости вещей, вместе с ними встали кредитные билеты.

Л. Л.: Что такое отношение к видимому небу? Чувство мира, как своего дома, своей семьи. Оно выражается во всяком труде — часовщика и поэта. Ведь труд — это познание мира, любовь и уважение к нему. Древние звали бога ремесленником. Когда же это чувство пропадает, пропадает искусство. Некоторые считают это неизбежным, винят тут машины. Я не думаю, что это так. Сейчас ощущают машины как подсобные орудия. Древние ощущали их как игрушку. Но разве нельзя ощущать их как астрономические тела на земле? Правда, пока машины для этого были слишком грубы, они работали всегда в перенапряжении, с неумелой растратой сил. Но уже сейчас создается другая, отличная от прежней техника... Но если не в них, так в чем же дело? Потеря благополучия, отрыв от мира, это коренится очень глубоко. В конце концов, в том, что человек может передвигаться в несравненно большем круге, чем тот, который связан тесно с его жизнью. Пока было еще резкое отличие того, что до горизонта, от того, что за горизонтом, было еще ничего. «За горизонтом», это почти не касалось. Горизонт не только пространственный, но и временной (связь со своим родом), и численный (число людей и событий, с которыми связан), и понимания (механический мир, подобный в устройстве человеческому телу, движениям мускулов). Теперь

все эти горизонты, предохранявшие человека от встречи с величием мира, исчезли. С ними исчезло и чувство связи со всем миром, права на место и внимание в нем, чувство близости мира и важности событий, в нем происходящих. Большинству людей сейчас страшно и неуютно. И тут не может быть настоящего искусства. Какую уверенность в значительности и важности Троянской войны нужно было иметь, чтобы написать о ней двадцать четыре песни. И даже уже падающее искусство, роман, держалось еще на том же. Надо было придавать огромное значение переживаниям отдельного человека, чтобы подробно описывать их. Все это прошло.

Затем: Об островах Маори, куда пускают только вполне здоровых и хорошо сложенных людей, чтобы вывести райскую расу людей; об островах, где живут племена, зовущие мужчину сначала именем его жены, потом именем его ребенка. О профетических признаках в биологии.

Под конец спор о том, нужно ли считаться с направлением истории, спор длинный и бесплодный. Н. А. спорил бестолково и с обидами. Он сказал: «Я изложил эти мысли в Торжестве Земледелия и удивляюсь, что никто смысла поэмы не понял». В словах его было нечто неприятное.

А. В.: Правда ли, что двое ученых доказали неверность закона причинности и получили за это Нобелевскую премию?

Л. Л.: Не знаю. Это связано, верно, с теорией квант, о которой я слышал, что там законы мира понимаются как статистические. Я сам думаю, что отвыкнуть от закона причинности гораздо легче, чем это обычно кажется. Ведь если мы и считаем о камне, что он неиз-

бежно упадет с высоты, то о себе мы, по крайней мере практически, не думаем так, что наши поступки неизбежны. И тут нет никакой нелепости.

Затем: О музыке.

Л. Л.: Меня интересует, чем воздействует на человека музыка. Она самое демаскированное искусство, ничего не изображает. Остальные же как бы что-то представляют, сообщают. Но ясно, они действуют не этим, а так же, как музыка.

А. В.: Когда люди едут на лодке или сидят на берегу моря, они обычно поют. Очевидно, это уместно, музыка как бы голос самой природы.

Л. Л.: А в самой природе ее совсем нет... Музыка как бы очищает человека от накопившихся в нем неправильностей, ядов. Она как вода засыхающему растению. Она вообще больше всего напоминает жидкость, ее течение. Еще ее действие сходно с действием полового акта: после него чувствуется успокоение и освобождение; в большом же количестве она опьяняет и расслабляет. Вибрация и ритм, дыхание инструмента, деревянного или медного. Правильное дыхание, которое меняет и дыхание слушающего, растворяет его в себе, пронизает ритмом жизнь мускулов и тканей. Это избавление от кривизны индивидуальности по отношению к миру, растворение и разряжение, игра со временем, сводящаяся к его уничтожению. В этом суть искусства.

О неврастении.

Что такое неврастения? Постоянное затаенное беспокойство, точно внутри что-то сведено судорогой, окаменевшая готовность к защите. Прежде я думал: ее можно лечить только одним — счастьем. Но ведь счастье присутствует и в веществах, и в силах.

Обычно думают: человек — это его тело. Но это все равно, как если бы весовщик думал: весы — это та чашка, с которой я имею постоянно дело, на которую я кладу гири; на самом деле весы — это отношение обеих чаш. Человек — это отношение тела и мира, он опирается как бы на две волны. Их взаимное покачивание и есть человек.

Я говорю это к тому, что выпрямлять покачивание можно с разных сторон.

Природа лечит неврастению, и воздух, и вода, получается как бы продувание человека, его кровеносных сосудов, его дыхательных и прочих трубочек. И короткая легкая дремота, когда дыхание удлиняется, и невесомость при плавании, и широкое разнообразное пространство, и музыка, и массаж, вообще всякий ритм. Почему работа лечит неврастению? Она выводит человека из застоявшегося рукава воды в русло, возобновляет обмен сил человека с миром.

Тик лечат, как известно, не усилием преодолеть его, а искусством расслабления. При разряжении исчезает комок, освобождается от искривлений чистый правильный ритм. В этом, наверное, и польза гипноза и электризации; они требуют, как предварительного условия, разряжения.

Техника разряжения не пользовалась вниманием, в особенности в Европе, так как практическая жизнь требует напряжения, усилий, — они дают результаты.

Я. С.: Четыре важных вещи, которые я хочу сообщить. I. Миру присуща приблизительность; поэтому никогда не надо говорить точно, в числах. II. Страх — порождение расстояния; представление смерти — представление бесконечного расстояния. III. Мир определяется всего несколькими знаками, как-то — небытие,

время, смерть, деревья или вода. IV. Сознание не подвержено ограничениям пространства и времени, оно может быть сразу в разных местах, следовательно, возможно, что оно одно для всех людей и каждому кажется, что оно именно его.

Л. Л.: Во всем этом чувствуется что-то правильное. К сожалению, твои пункты не только не объясняют, но даже не дают зацепки для объяснения вещей, о которых ты говоришь. Тут нет посредствующих звеньев, какой бы то ни было связи с имеющимися у нас житейскими представлениями. И можно ли говорить: «вне ограничений времени и пространства». Ты не объяснил, в чем эти ограничения, не показал, как представлять себе «вне времени и пространства»; и, значит, фраза бессмысленна. Да и как нелепо ставить пространство и время рядом, как равноправное, — это уже не дает шансов их понять. А те знаки мира, которые ты перечислил, так тождественны и общеприняты, что бесплодны. Нельзя открывать тайн мира набегами; ясновидением, при котором брезгливо отбрасываются все посредствующие звенья. Тут смесь гордости с трусостью. Гордость — говорить только об основах мира; трусость — не прокладывать к ним пути сквозь ежедневный житейский опыт. Это нахальное мышление.

*Я. С.:** У тебя два недостатка: легкомыслие и лень. Легкомыслие: ты судишь просто по последнему своему впечатлению. Лень: ты дорожишь своим спокойствием. Поэтому именно ты можешь понять только ненавязчивое искусство. А есть и навязчивое, например Библия. Ты не смог дочитать до конца даже книги Иова.

Л. Л. изложил Д. Д. свою теорию неврастения.

Д. Д.: Это не ново. Учителя музыки, например, больше всего обращают внимание на то, чтобы руки у учеников были расслаблены. Гимнастика Дельсарта также основана на разряжении.

За водкой.

Н. А.: Женитесь, Я. С., вы не знаете, как приятно быть женатым.

Я. С. (обращаясь к Д. Х.): Вы прекрасны. Вот про Л. Л. этого нельзя сказать. Давайте же поцелуемся.

Д. Х.: А в вас есть нечто величественное. Я с удовольствием с вами поцелуюсь, если вам это не неприятно.

Н. А. (внезапно): Ну, как, отрыган-то действует?

Я. С. хочет налить еще водки себе, но обнаруживает, что бутылка пуста.

Я. С. (разочарованно): Все допили! Пойдемте, купим еще бутылку.

Прежде, чем ему успевают ответить, вдруг страшно бледнеет и выходит тошнить.

Л. Л.: Вы родились под счастливой звездой, Д. Х. Природа вас щедро одарила. Про вас можно сказать словами Н. М.: «Митька Загряжский — талантище!» А что хорошего дала вам эта звезда? Или, может, в окончательном перерасчете не важно, что человек сделал?

Д. Х.: Если и так, все равно нельзя думать об этом перерасчете.

Я. С. возвращается страшно белый, так что даже естественно, что это такое человеческое лицо.

Я. С.: Я думал, в чем недостаток европейского образа мысли, и я нашел его. Этот недостаток: несерьезность или, иначе говоря, талантливость. Про Лао-Цзы разве можно сказать, что он талантлив? Он был всю

жизнь архивариусом, по-нашему, значит, вроде библиотекаря, а писать не стремился никогда. Кажется, под конец жизни он покинул свой город, и на пути солдат попросил его записать на память то, что он знал. Он больше уже не вернулся. Может быть, и первые европейские мыслители были такими же. Но порча началась уже давно, с Сократа, Платона и Аристотеля. И вот, в Европе собственно не было философии. Разве Беркли — философ? Конечно, он очень удобен для истории философии, потому что вся его мысль — пустяковая, годится для оканчивающего гимназию. И все другие тоже боялись касаться основных вещей, даже не замечали их. Так что Канту не трудно было увенчать все это толстой книгой, вообще отрицающей возможность философии... Да, началось с Сократа. Сколько он болтал перед смертью! И все после него писали так, что видно: вот, это я писал. К чему это? Знаешь логику Дармакирти? Это только комментариев на логику Дигнаги. Дигнаги жил в пещере, он написал логику на песке. Кто-то проходил мимо и стер. Снова написал Дигнаги, и снова прохожий стер. И так в третий раз. Тогда Дигнаги написал: «Зачем стираешь? Если заметил ошибку, укажи». После того прохожему стало стыдно стирать... Я понял, не надо специально думать, давать себе заданий. Надо быть неспособным и несообразительным. Не вносить в Писание ничего личного, никаких имен... Прежде мне казался правильным стиль Розанова. Теперь я вижу, это конец. Он и сам говорил, что пишет для уборной. Это звучит красиво, но все же это ни к чему. Все та же европейская линия: Августин — Абельяр — Паскаль — Руссо — Розанов... Итак, я отверг последнего (перед ним был Платон), последнего своего кумира. Теперь их больше не осталось.

Д. Д.: Музыкант — тот же настройщик, он настраивает душу человека. Зачем? Он и сам не знает этого. Потому занятие музыкой само по себе бессодержательно. И повышенный интерес к музыке, как было в прошлом веке в Германии, признак поглупения. Это же относится и к отдельным людям, например к Д. Х.

Л. Л.: Но это не только музыка, все искусства только настраивают. Поэтому человек, слушающий музыку в концертном зале, нелеп. Он делает вид, что занят; на самом деле он пуст. Так же глуп человек и в картинной галерее. Искусство уместно в житейской обстановке, дома, в гостях, на празднике. Оно должно приходить как бы случайно, к людям, связанным друг с другом, как невзначай приходит молчание в разговоре, тогда оно хорошо. Тем и был приятен прежде театр, что он был частью общего быта, местом праздничной встречи.

Д. Д.: Музыка сама по себе — явление чисто европейское, даже только последнего времени. У других было пение или музыка, как аккомпанемент. У греков она служила чему-нибудь: либо битве, либо пиру, либо религии.

Л. Л.: А как вы объясняете воздействие музыки на человека?

Д. Д.: По-моему, тут нет ничего таинственного, это физиологическое действие, которое проверено опытами; ведь лечат же музыкой сумасшедших. Вибрация инструментов, которая передается телу, наподобие электрической индукции. Гораздо таинственнее живопись, ее воздействие. Почему перспектива — признак падения живописи?

Л. Л.: Мне это малопонятно... Что же касается настроений, которые возбуждаются искусством, то тут

ведь еще ничего не исследовано. Надо было бы составить дерево настроений. Это было бы вместе дерево стихий или пульсаций: ведь в основе всех настроений лежат напряжение и разряжение.

Затем: О русской литературе, о том, что она выше европейской. Затем: О Розанове, о том, что он был первый фашист.

Д. Х.: Я хотел бы быть директором. Человек должен чувствовать, что от него зависят какие-то люди, только тогда то, что он делает, будет правильно. Человек, имеющий власть, право расстреливать, всегда имеет преимущество перед другими. Он чувствует реализацию своих слов и ответственность. Я же лично хотел бы быть директором театра...

Д. Х.: Вот чего я не выношу. Пенки, баранина, маргарин, лошади, дети, солдаты, газета, баня. Баня — это то, в чем воплотилось все самое страшное русское. После бани человека следовало бы считать несколько дней нечистым. Ее надо стыдиться, а у нас это национальная гордость. Тут стыд не в том, что люди голые, — и на пляже голые, но там это хорошо, — тут дымность, и затхлость, и ноздреватость тел.

Затем: О людях.

Д. Х.: В Н. М. стихия бани, она и дает ему силу. Он ходит два раза в неделю в баню и там парится. Он очень белый. И стихи свои он сочиняет в бане, распевая их на полкѣ. В нем нечто мужицкое, и потому он так чуток к этому в людях, так ненавидит это. Он из нас самый русский, может быть, даже по крови.

Л. Л.: Разве русскому лицу свойственен такой причудливый нос?

Д. Х.: Напрасно думают, что русское лицо мягкое и округлое, как у Н. А. Это финское. Русское именно с таким вострым носом. Впрочем, дело, конечно, не в крови.

Л. Л.: Вы правы, старорусские лица строги и аскетичны, в них нет той смазанности черт, какая обычно приписывается русскому лицу.

Д. Х.: В Н. М. необычная озлобленность. Среди нас, правда, нет хороших людей; но Н. М. обладает каким-то особым разрушительным талантом чувствовать безошибочно, где что непрочно и одним словом делать это всем ясным. Поэтому-то он так нравится всем, интересен, блестящ в обществе. В этом и его остроумие. И даже его теории пропитаны тем же. Разве можно придумать что-либо более оскорбительное, от чего ученый физик, если бы услышал, полез на стену, что-либо вернее попадающее в слабый пункт физики, как утверждение, что свет вообще не имеет скорости, распространяется мгновенно?

Л. Л.: А Я. С.?

Д. Х.: У нас у всех остроумие странное, вроде того, как бы половчее сказать: «Я — идиот», или «у меня ноги потеют». Но Я. С. лучше всех нас носит созданную им маску. Конечно, она как-то соответствует ему. Все его поведение разработано чрезвычайно тонко: и эти ссылки, что он не умеет говорить, и что у него способности ограничены, и подчеркивание, что он идет в уборную. Он возвел свои недостатки в новые добродетели, в особые достоинства, гордится своей неврастением.

Л. Л.: Он из тех гордецов, что сами готовы любому уступить дорогу и отойти в сторону, лишь бы не получать толчков. Такие становятся деспотами своего несуществующего царства. Это нехорошо, потому что в

теоретической области капризы недопустимы, тут нельзя быть ни деспотом, ни мечтателем, ни неврастеником... А А. В.? Он как-то говорил мне: раздробление времени, которое он произвел, уничтожает интерес ко всякому дальнейшему изучению; вместе с тем, идти дальше некуда: остается только повторять все снова, что время и мир не существуют, с ними не существует и никакой объективной ценности; единственное, что остается, это, говорит А. В., власть богатства; в силу богатства он верит, и его мечта — хвастать, что он зарабатывает много денег. Это печальная иллюзия — богатство, ведь рано или поздно становится ясно, что оно само по себе не может ничего заполнить в жизни, и когда это станет А. В. ясно, пропадет последняя иллюзия, не останется ничего.

Д. Х.: Я хорошо отношусь к нему, но он сам сделал так, что с ним трудно. Он иногда милейший человек, но стоит только показаться любой реальности — деньгам, еде, женщинам, — как с ним происходит мгновенное превращение, он становится одержимым. Вот человек, который, конечно, родился в ресторане... А Н. А. родился в провинции и на всю жизнь останется провинциалом, читающим по вечерам «Ниву» в кругу семьи и удивляющимся успеху наук.

Затем: О судьбах.

Д. Х.: Среди нас есть такие, путь которых уверен и ясен. У них есть профессия. Другие в очень рискованном положении: они как бы создают новые профессии. Конечно, у нас в чем-то, в чутье, есть преимущество перед настоящими учеными; но нет необходимого — знаний. Наше общество можно вернее всего назвать обществом малограмотных ученых. Но как любой шахматный кружок дает лучшему в нем звание категорно-

го игрока, так и среди нас каждый может стать знатоком в какой-то своей области, где ему карты в руки. И это как будто намечается. Я не знаю, как вас назвать, Л. Л., философом или как иначе, но, по-моему, у вас намечается свой путь, отличный от известных.

Л. Л.: Не знаю; во мне нет оригинальности, как, например, в Н. М., и все же я на многие вещи смотрю совсем по-иному, чем это принято; тут, кажется мне, объясняется просто тем, что у меня прирожденное свойство: я смотрю пристально там, где остальные скользят взглядом; во мне еще раз воплотилась «семитическая серьезность».

Об инстинкте.

Есть три способа объяснения инстинкта. Первое: насекомое соображает как человек. Второе: случайная цепь действий, отобранная и удержанная отбором времени. Третье: таинственное, отличное от разума, свойство. Все три объяснения бесплодны. Но тут дело не только в инстинкте, а вообще в целесообразности, встречающейся в природе, например, распределение листьев на дереве, — откуда она?

Я думаю, что мы удивляемся ей так же, как у Мольера кто-то удивляется тому, что всю жизнь говорит прозой. Инстинкт не какое-либо специальное свойство, особый механизм, а все те же основные свойства мира, жизни, проявляющиеся в частных случаях. Для его объяснения не надо вводить никакого добавочного фактора. Тут происходит то же, что, обычно, при попытках объяснения, например, изотропии пространства или коммутативности сложения: подыскивают, почему так, а на самом деле так потому, что нет никакого добавочного условия анизотропии или некомму-

тативности, — задача оказывается перевернутой, для них-то надо подыскать добавочный фактор, нарушающий общий закон.

Что такое инстинкт? То, что дает возможность животному производить целесообразные действия, хотя оно и не знает цели.

Животное находится в положении, не соответствующем продолжению его жизни. Это можно назвать исходным положением. Затем оно переходит в соответствующее продолжению жизни положение. Это можно назвать конечным положением. Цепь поступков, которые переводят его из начального в конечное положение, — это будут инстинктивные поступки. Возможность и условия их даются устройством тела животного и устройством окружающего мира. Поступки эти целесообразны. Почему животное, не зная ни своего устройства, ни устройства мира, ни конечного положения, находит правильный путь к этому положению?

Пример. Младенец не имеет материнского молока. Это исходное положение. Младенец получает молоко. Это конечное положение. Хватание груди и втягивание молока — это инстинктивный поступок. Чем его объяснить?

Конечно, это не какое-либо специальное свойство, а выражение в частном случае основного закона всего живого: хватание и втягивание. Живое — то, что растет, включает в свою структуру окружающее. Этот же закон — вариант общего мирового закона расширения или растекания, уничтожения разностей уровней или, вернее, просто разностей.

Но откуда младенец узнает, как пользоваться ловко органами своего тела, в данном случае губами? Поче-

му он как-будто понимает устройство своего тела, знает, как его использовать в окружающем мире? Движение губами, это очень простой случай, но бывают другие, когда действие гораздо сложнее, например, история с осаами-«парализаторами», описанная Фабром. Откуда знает оса устройство своего жала и тела своей жертвы?

Конечно, ответить на это точно можно, лишь изучив подробно осу и ее жертву, узнав, чем привлекает нервный центр жертвы осу, наверное, оса чувствует его, находит к нему прямой путь, как мы на свет или собака по запаху, потому что это самый простой путь.

Как бы ни было сложно использование устройства тела в инстинктивном поступке, принцип объяснения тут — соответствие устройства тела и поступка: тело строится по тем же принципам, оно как бы основной, отстоявшийся во плоти поступок. Младенец втягивает молоко, потому что его тело, как всякое живое тело, по сути, — втягиватель, оно и образовалось как втягивающий процесс.

То, что из одного источника или стороны одного и того же, имеет естественное соответствие. Не удивляемся же мы, как ловко устроен круг, не только изнутри кругло, а извне посмотришь — тоже кругло. Или что треугольник так хитро устроен, что у него не только три стороны, но и три угла. Для того, кто не понимал бы, что это одинаково вытекает из того же самого принципа фигуры, это было бы действительно странно.

Собаке, чтобы бежать за добычей по кратчайшей — прямой линии, не надо изучать геометрии и распространения света по прямой, собака сама существует по тому же закону, воплощает его в своем беге. И если пчела, как говорят, строит стены улья по геометричес-

кому закону, который дает наибольший объем при наименьшей затрате материала, это значит, что принципы геометрии и принципы механики, воплощающиеся в работе пчелы, всего-навсего два выражения одного и того же принципа.

Л. Л. рассказал Н. М. о неврастении как нарушении равновесия — «масло в спирту», об искусстве как балансировании по времени и о времени как ускорении. Н. М. слушал внимательно, но не выражал ни согласия, ни несогласия. Он только сопоставил с теорией неврастении искусство дыхания.

Н. М.: Йоги говорят: кто не ощущает ритма в мире, тот не ощущает счастья. А ощутить ритм нужно прежде всего в дыхании.

Как соблазнять женщин?

А. В.: Надо сделать так, чтобы привычные женщине понятия о том, как ей следует себя вести, оказались не к месту. Убеждай, что три часа и три недели по сути одно и то же, так что не к чему ждать долго. Делай предложение совершенно прямо, но не принятым тоном. При этом все время надо иметь в виду самолюбие. Пусть женщина, уступая, думает, что это не твой, а ее успех, что она уступила все же минутой позже, чем этого домогался ты... Да, сейчас все идет таким скорым темпом, что и в любви придется объясняться скороговоркой... И все же лестница остается прежней, от поцелуя руки через все полагающиеся обряды сближения. Ее только проходят быстрее. А вот чтобы среди самого спокойного разговора предложить женщине отдаться и она сразу же согласилась, нет, это несбывшаяся мечта, этого у меня не бывало... Недавно мы с Н. М. уха-

живали в одной комнате за двумя. Только я стал целовать в полумраке свою в шею и уши, раздался отчетливый голос Н. М.: «Что, брат, уши грызешь?» И потом он все время вмешивался с вопросами о том, как идут дела, и с советами. Это было мучение.

О температуре.

Л. Л.: Нож и скатерть одной температуры; но на ощупь нож холоднее. Почему? Потому что металл теплопроводней, или, иначе, обладает меньшим тепловым сопротивлением, он быстрее уравнивает температуру с телом, чем скатерть. Таким образом, чувство тепла зависит от скорости передачи тепла, от, так сказать, крепости раствора «тепло/время». Очевидно, это же касается и других чувств, — частота волн световых, звуковых, — но в температурном чувстве это всего яснее. Думают обычно: мир во времени; неверно, время составляет самую ткань мира. Думают обычно, время дает все в последовательности, оно бесконечно дробимо; неверно, миг дает качественное ощущение, а не очередность воздействий, он охватывает их зараз.

Почему мы не ощущаем температуру, равную температуре своего тела? Потому что температура — это разность, отличие от принятого за основное. Очевидно, это тоже относится ко всем чувствам, всем качествам. Но мы не обладаем постоянным звуком или светом тела, а температурой обладаем. Вероятно, если бы температура тела была всегда совсем постоянной (на ощупь), мы бы приняли ее нулем, отсутствием температуры, как тишина — отсутствие звуков, собственный постоянный запах человека — отсутствие запаха и т.п. Тут мы входим в область исследования строения качеств, необычайную по интересу и до сих пор никак не

разработанную, ибо не было к ней ключа, понимания существования как разности. Я говорю о том, что каждое чувство имеет свое, менее или более сложное, строение, свое количество измерений. В температурном чувстве измерение одно, сильнее или слабее тепло, скорость перехода температуры еще не выделена в особое качество. В световом чувстве — и в звуковом тоже, — оно уже отделено от силы, образуя особое качество, цвет или тон. Почему запахи никак не упорядочены, а вкус смутно распределяется по четырем качествам? Почему звук, меняясь в силе, не дает качества, а температура дает жар и холод, два различных состояния? Очевидно, потому именно, что есть разрез температур по их сравнению с температурой тела. Интересно, что этот разрез может быть осуществлен двояко: разрез надвое (жар, холод) или натрое (жар, тепло, холод), и способ деления четко не выбран. Черный цвет соответствует тишине; но тишина не ощущается как особое качество, а черный цвет — цвет. Потому что свет локализуется, тут несуществующее как свет существует как занимающее место, — наше пространство строится на светомускульном соотношении. Почему не существует звука, соответственного белому цвету? По той простой причине, верно, что есть световое солнце, но нет звукового, есть смена дня и ночи, а правильной смены звуков и тишины нет. Почему смесь цветов однообразна, серый цвет, и не выделяется как что-то принципиально отличное от других цветов, а смесь тонов дает очень разные шумы? В чем принцип гаммы и принцип спектра, почему образовано такое-то количество тонов и цветов, их поколения и отношения родства. И много еще других тайн.

Тот, кто изучает это, присутствует как бы при рождении мира, его качеств; он видит, что каждое чувство

имеет своеобразную историю, раскрывающую особую сторону мира, особый его принцип, который в других чувствах спрятан; он видит то, что предстает перед нами как незыблемое, данное, на самом деле сложное построение, его можно варьировать, делать другим; строение чувств можно изменять в воображаемых опытах и даже в реальных. Мир кажется ему изобретателем или художником; в каждом качестве заключена мировая история.

Температурный мир.

Представь себе, что в мире существуют только температуры, больше ничего. Вот тебе непространственный, беспредметный мир. Представь себе, что одна из температур — ты. Что будет?

К сожалению, я еще не могу охватить особенностей этого странного мира, слишком он непривычен. Я знаю, что если существует только одна температура — ты, ты еще не существуешь. Ведь нет разности, нет, значит, собственно и самой температуры. А если две? И тогда ты собственно не существуешь. Потому что есть только одно отличие, одна разность, и, значит, она ни с чем не сравнима, не имеет признаков. Это предсуществование. А при трех? Может быть, это уже существование. Но какое странное: мир и ты будете одно и то же. Надо вводить еще и еще температуры, вернее, надо комбинировать их, создавая все новые отношения, разности, чтобы из несуществования переходить вверх по степеням усложнения, существования. Появятся время, пространство, жизнь, сознание, отделение индивидуальности от мира. И все это в принципе достижимо одним несуществующим элементом. Ведь если есть А, можно его соотнести с самим собой.

А/А будет В. Дальше можно получить уже сколько угодно новых элементов. Такое их получение, при котором и как бы все остается то же самое, и как бы создается из ничего новое, лучше всего назвать вращением.

Я знаю, это так странно, что кажется бессодержательным или нелепым. Между тем, так и возникают все качества мира; чтобы в этом убедить, надо было бы исследовать конкретную историю какого-либо качества. Только так можно представить себе постепенное возникновение индивидуальности, сознание, представить, как чувствует мир дерево, коралл, медуза, рыба, червь, младенец во чреве матери, составить для каждого из них язык.

Воображаемые модели мира, вроде температурной, незаменимы для изучения его свойств и понимания разнообразия его вариантов.

О пространстве.

Оно — особая, частная схема достижимости или времени. Поэтому его составляющие — расстояние (очередность) и выбор (охват).

Говорят: нота фа дальше от ноты до, чем нота ми; то есть говорят о расстоянии. Почему же это расстояние не считается пространственным?

Когда играют зараз несколько инструментов, можно вниманием выделить звук одного из них, потом перейти к другому, третьему, пока не вернешься к первому, не пройдешь полный круг. Почему же тут угол внимания и круг не считаются пространственными?

Потому что пространство есть сравнение расстояний и выбора (углов) поступком. Сравнение усилием или, если смотреть извне, мускульным напряжением и разряжением. Ведь наше тело не обладает другими

родами усилий, световыми, температурными или иными. Количество усилий, ходов и есть расстояние. Конечно, в абстрактном пространстве оно и измеряется абстрактными усилиями, в физическом, например, может измеряться ходами световой волны, в геометрическом вообще никак не определенными ходами. Итак, пространство есть схема или стандарт возможной последовательности поступков.

Так как эта схема не ограничена дополнительными условиями, то она и дает неопределенность пространства по размеру, делимости, свойствам: бесконечная продолжаемость его и делимость, изотропия. Из этого и следовало бы выводить геометрические формулы, а не так, как их выводят сейчас, периферическими рассуждениями.

Так как усилие — это преодоление сопротивления (мышечным способом), то пространство — схема полной повсеместной твердости мира. Так как, однако, усилия разделены паузами, то твердость должна все время перемежаться чем-то, не требующим никакого усилия, пустотой. При бесконечной дробимости пространства получается однообразное чередование твердости и пустоты, чего-то загадочного — не существующего никак и занимающего место. Так пространство отделяется от мира. Получается геометрическое, точечное, и физическое, пустое [пространство], в котором точкой или системой точек плавает мир. Поскольку эта схема не вполне соответствует действительности, приходится идти на очень сложные построения, чтобы ее исправить, приблизить к реальности.

Чувство пустоты, какого-то активного несуществования порождает страх.

Расстояние и выбор — это два подхода к любому месту, два измерения пространства. Однако сам выбор может расчлениваться, из общего закона выбора может выделиться особый частный, имеющий почему-либо важное постоянное отличие. Так, думаю я, выделилось третье измерение, по вертикали: тут постоянно ощущается неодинаковость усилий, ввиду тяготения. Можно, конечно, еще дальше расчленить выбор, ввести новые измерения; это никак не обогащает пространства, да и надобности в этом нет: больше постоянных сил, кроме тяготения, действующих всегда в одном и том же направлении, нет.

Пространство мускульных поступков — вариант вообще достижимости; поэтому геометрические законы и имеют гораздо большее значение, чем наглядное, в чертеже. Поэтому-то современные геометры и стараются не основываться на чертежах, утверждают, что точки, линии, поверхности, объемы — это слова, под которыми можно подразумевать что угодно.

Все сказанное относится вообще к пространству поступков. Но наше пространство, житейское, в котором мы располагаем мир по данным наших чувств, есть частный, особый вариант этого пространства. Дело в том, что наше пространство основано на координации движения и света, мускульных усилий и зрительных впечатлений. Они очень разнятся друг от друга. Например, зрительное чувство имеет плавный переход от полного света до темноты. Мускульное имеет резкий разрыв: мы или касаемся чего-либо или нет. Есть много и других различий, дающих нашему пространству своеобразие. Стереоскопичность его, конечно, мускульная поправка к зрительному ощущению.

Эта мускульно-свето- (и, наверное, еще гравитационно-) координация довольно зыбка. Может случиться, под влиянием различных физиологических условий, показатели разных чувств («кривые сопротивления») начинают вдруг работать вразброд, противоречить друг другу. Пространство разрушается. Мы ощущаем это как смазывание локализации, головокружение.

Так как пространство не дано, а вырабатывается, оно захватывает не все, опытом и тренировкой можно, так сказать, «опространствить» или, наоборот, «распространствить» различные ощущения, различные элементы мира. Есть такие, которые находятся в промежуточном состоянии. Таковъ запах, звук, тепло. Это заметно и в выражениях языка. Мы говорим «тепло!», к чему это относится, — к предмету, к телу. Еще яснее это на примере собственного тела. Не странно ли, что зуб болит, а какой именно зуб, указать не можешь. Наконец, такие физиологические состояния, как раздражение или удовольствие, либо совсем не относятся к телу, либо относятся очень неопределенно. Маленькие дети обычно указывают врачу как болезненное совсем не то место, где в действительности происходит процесс, дающий боль.

Да, пространство — это наука, которой мы учимся в детстве так же, как языку, только еще раньше.

Если же мы хотим исследовать строение нашего пространства, избавиться от его неправильностей, мы должны прежде всего сравнить его с другими возможными построениями пространства. Их тысячи, но, изучив несколько, легко представить остальные. Можно построить, например, звуковое пространство или оставить световое, но совершенно изменить его, введя системой зеркал постоянное искривление светового

луча. Мало ли какие опыты можно проделывать в воображении, представляя, каким пространство окажется для существа, живущего в таких или иных условиях. И тогда мы и наше привычное пространство поймем вернее.

Но всегда лучше, если это возможно, делать не только воображаемые, а и реальные опыты. Тут они вполне осуществимы. Мы, например, измеряем расстояние в уверенности, что наше тело постоянного размера. Для некоторых животных это правило неприменимо. Мы можем представить их пространство, искусственно сделав зыбкими размеры руки («резиновые перчатки»). Или использовать парность глаз, снабдив один из них одним стеклом, другой другим. Все это, конечно, первое, что приходит на ум. Но это способ реально изменять пространство.

Л. Л. рассказал о возникновении пространства Д. Д. и Я. С. Они отнеслись к этой теории без интереса. За несколько лет до того, при самом возникновении теории, Л. Л. сообщил о ней Н. М., Д. Х. и С. Выслушав, С. посоветовал Л. Л. не заниматься не своим делом, заняться лучше, скажем, критикой литературы. Но он был серьезен. Н. М. нашел блестящий ответ на то, что говорил Л. Л., тонкий и остроумный: он начертил на бумаге закорючку вроде «рожицы кривой» и сказал: «Вот, значит, каким будет пространство». Тогда Д. Х. прибавил к закорючке хвостик и сказал: «Нет, вот каким». После этого все трое ушли. «Резиновые перчатки» еще долго не забывались, служили предметом разнообразных шуток.

Я. С.: Нельзя, говоря об основных вещах, пользоваться такими производными и неправильными вы-

ражениями, как мускулы. Надо не брать термины из анатомии или физиологии, — а с ними и их ложные понятия, — а придумывать свои термины. Объяснять пространство мускульными усилиями нелепо.

Л. Л.: Этим и неприятны были философские книги, что писавшие их считали себя владельцами царства идей, отделенного от всего остального мира. И ты тоже боишься соединять основные мировые принципы с конкретными вещами, протянуть между ними ниточки. Конечно, легче говорить общими формулами, настолько широкими, что в них только на какую-то долю есть правильность. Но мне хочется достичь точности. А ты брезгаешь касаться обычных вещей.

Я. С.: Я исследовал деревья.

Л. Л.: Что ты в них исследовал? Ты уловил в них только намек, туманное очертание их значения, и ты уже горд... Между поступками и мыслями нет принципиальной разницы, и мне жаль, что я не могу проверять мыслей на опыте. Ибо не стоит считаться с чужими мнениями, но с действительностью считаться надо.

Затем: О Пастере.

Фабр рассказывает, что когда Пастер взялся спасти шелковичного червя от заразы, он не знал даже того, что знает каждый школьник, — что гусеница превращается в куколку, а потом в бабочку. Очевидно, он не был знаком с самыми основными трудами по этим вопросам. Однако скоро он узнал все это на опыте, нашел возбудителя заразы и спас французское шелководство.

«В» и «на».

Почему говорят: в Малороссию, но на Украину; в Остен, но на Ривьеру; в Крым, но на Кавказ?

Потому что «на» обозначает проникновение без сопротивления, когда нет точной границы, а «в» прохождение через границу. Первое для географических и этнографических районов, второе для административных и политических. Крым прежде был царством.

А. В.: Я читаю Вересаева о Пушкине. Интересно, как противоречивы свидетельские показания даже там, где не может быть места субъективности. Это не случайные ошибки. Сомнительность, неукладываемость в наши логические рамки есть в самой жизни. И мне непонятно, как могли возникнуть фантастические, имеющие точные законы, миры, совсем не похожие на настоящую жизнь. Например, заседание. Или, скажем, роман. В романе описывается жизнь, там будто бы течет время, но оно не имеет ничего общего с настоящим, там нет смены дня и ночи, вспоминают легко чуть не всю жизнь, тогда как на самом деле вряд ли можно вспомнить и вчерашний день. Да и всякое вообще описание неверно. «Человек сидит, у него корабль над головой» все же, наверное, правильнее, чем «человек сидит и читает книгу». Единственный правильный по своему принципу роман — это мой, но он плохо написан.

Л. Л.: Но ведь это относится ко всему искусству вообще. Разве в музыке, например, не свое время? Разница лишь в том, что музыку и не считают описанием жизни, а роман считают.

А. В.: Может быть, я оптимист, но я считаю теперь, что стихи надо писать редко. Я, например, еще до сих пор живу все тем же стихотворением о «гортензии», чего же мне писать новое, пока старое, так сказать, приносит проценты.

Л. Л.: Все твои теории были всегда в высшей степени практичны: они оправдывают то, что ты в данный момент делаешь.

А. В.: Я понял, чем я отличаюсь от прошлых писателей, да и вообще людей. Те говорили: жизнь — мгновение в сравнении с вечностью. Я говорю: она вообще мгновенье, даже в сравнении с мгновением.

Д. Х.: Я уважаю Н. М., а Н. А. и А. В. люблю. Так, за больным Н. М. я, наверное, не стал бы ухаживать, а за теми стал.

Т. А.: Бросьте, Д. Х., ни за кем вы не будете ухаживать; ведь вы, чуть кто заболит; всегда бежите прочь.

Д. Х. говорил, что ему нравятся неискренние люди, вроде Ч.

Л. Л.: Это понятно. Почему мы относимся страстно к людям, ненавидим подлецов? Потому что мы чувствуем себя участниками событий, сталкиваемся с людьми реально или потенциально как бы на узком мостике над пропастью. Тут благодущие исчезает. А вы не участвуете ни в какой борьбе, можете смотреть точно с луны, для вас люди вроде бирюлек. Но проигрывает в последнем счете как раз не участвующий в игре.

Д. Х.: Как-то мы шли с Н. М., оба мрачные. И я придумал игру: кому что подарил бы, если б мог. Мы сразу развеселились. Это самое приятное — дарить.

Л. Л.: Да, подарок — это маленькое чудо. Жалко, что праздники так однообразны. Если бы устраивать их так, чтобы в каждый день дарили что-нибудь особенное, принятое в этот день.

Затем: О гармонии.

Д. Х.: Это единственное, чем я горжусь: вряд ли кто чувствует так гармоничность в человеке, как я. Может

быть, на всей земле всего тысяча таких людей. Одни чувствуют ее в руках, другие в голосе, а я во всем. И это совсем не правильность черт. Можно быть одноглазым и гармоничным. Особенно гармоничность видна на пляже. Там же она развивается. Сначала человек чувствует себя белой сосиской с красными пятнышками и ему всех стыдно; спина ниже туловища. А потом перестает думать об этом, ходит голый спокойно и с достоинством. Это останется в нем даже зимой, когда он наденет костюм. Одежда и нагота, то и другое, наши органические состояния, нельзя пренебрегать ни одним. А голым всего удобнее быть на пляже. Есть даже оправдывающая причина: купаются.

Л. Л.: Почему же вы тогда против бани?

Д. Х.: Там все заняты делом, культ мочалки. Трут так, что стирают уже внутренности, проступивший сквозь кожу почечный жир. А на пляже безделие.

Л. Л.: А спорт?

Д. Х.: Там борьба, это тоже мешает.

Т. А.: Нельзя ли хоть без свидетелей, ходить голым, скажем, по лесу?

Д. Х.: Нет, одному нельзя. Одному ничего не сделать. Так же как в совершенном одиночестве и стихи не будут писаться. Путь М. вернее, чем путь Н. М. Недаром Н. М. проповедует теперь тихую гибель.

Д. Д.: В мясе голубей есть что-то неприятно сладковатое; такого вкуса, наверное, и человеческое мясо.

Д. Х.: Я как раз люблю все такого вкуса. Телячьи ножки, которым серозная жидкость придает мягкость и сладковатость; устрицы, они нравятся мне своей слизистостью. Я знаю: для большинства людей отвратительно все раздутое, мягкое, зыбкое. Между тем в этом

сущность физиологии. И мне это не неприятно. Я могу спокойно приложить к губам паука или медузу.

Л. Л.: Вещи этой консистенции замечательны тем, что одновременно и возбуждают отвращение, и сулят наслаждение. Эта двойственность есть и в том, что возбуждает половое чувство. Как будто всякое сильное наслаждение — в разрушении структуры.

Д. Д.: В этом суть инстинкта поедания.

Л. Л.: Поедание и половое соединение — два следствия одного и того же принципа.

Д. Х.: Все же нам понятно это именно через половое чувство, через физиологию.

Л. Л.: Тут, очевидно, суть в освобождении от каких-то ограничений индивидуальности, от напряжения ее, возвращение в стихию.

Д. Х.: Если так, то наибольшее наслаждение должно давать самое аморфное. Пересыпание песка приятно, потому что напоминает, будто струится вода. Но газ еще аморфнее воды. Почему же в газе нет ничего прельщающего?

Л. Л.: Вода покладиста, но не бесхарактерна, она обладает некоторым сопротивлением, принимает в земной среде какую-то свою форму. А газ просто растекается и исчезает. Он для нас как бы не существует, не стихия уже, а абстракция.

Н. А.: Я тут познакомился с одним человеком, и он мне даже нравился, пока я не узнал, что его любимая картина «Какой простор!». В этой картине весь провинциализм, неопрятность и бездарность старого русского студенчества с его никчемной жизнью и никчемными песнями. А как оно было самодовольно! Осиновый кол ему в могилу...

Знаете, мне кажется, что все люди, неудачники и даже удачники, в глубине души чувствуют себя все-таки несчастными. Все знают, жизнь — что-то особенное, один раз, и больше не повторится; и поэтому она должна бы быть изумительной. А на самом деле этого нет.

Д. Х.: Из нас всех Я. С. единственный, который при всех условиях жил бы так же, как живет сейчас. Его произведения будут любопытны, хотя бы их нашли через тысячу лет, но не более, чем любопытны.

Л. Л.: Не думаю так. В Я. С. есть необычайное, если можно так выразиться, мыслительное чутье. Ведь и все мы, прежде всего, не обсуждаем мысль, а как-то чувствуем ее. И это чутье в Я. С. еще удивительно обострилось благодаря тому, что он, в отличие от всех других мыслителей, не подвержен соблазнам. Я говорю вот о чем: мир можно сравнить с государством, а мыслителей с бухгалтерами, находящимися у него на службе. И вот все они, быть может, не замечая этого сами, старались по долгу службы составить наиболее благополучный баланс, свести концы с концами во что бы то ни стало. Все подтасовывали, хотя бы уже оттого, что стремились создать стройную систему. Я. С. не чувствует себя на службе у мира. То, что ему кажется смутным, он оставляет смутным. Он необольстим.

Н. М.: У художников есть одно преимущество перед писателями: они могут без конца рисовать то, что они видят, например, цветы. И всегда это интересно и хорошо, большего и не надо; это и есть натурализм.

Л. Л.: Я думаю, тут дело в том, что цветок для познания бесконечен, а человек нет. Ведь человека дают в искусстве как индивидуальную историю, как лич-

ность. Но может быть такой взгляд, когда и человеческие жизни предстанут писателю так же, как цветы художнику. Это тогда, когда смотреть на них не изнутри жизни героя, а так, как глядит на волны человек, сидящий у моря. Тогда вещь раздвигается и в нее можно включать все что угодно. Так написана Илиада, в которой в поэзию превращено все, что попало в поле зрения: и битвы, и споры, и родословные, и корабли, и рождения, и смерть, и картины на щите. Но для этого, наверное, нужна и другая поэтическая форма, чем принятая теперь. Гекзаметр, например, непрерывен, и он естественен, как дыхание; рифма же рассекает стихи, как мир для нас рассечен на предметы, на причины и следствия; гекзаметр отличается от рифмованных стихов, как орган от рояли. Я думаю, рифмованные стихи появились и исчезнут, это недолговечная вещь. Или, вы думаете, и через двести лет будут так же писать стихи с рифмами?

Н. М.: Да, я в этом уверен.

Шахматная доска.

Л. Л.: В собрание священных предметов должна войти и шахматная доска. Потому что она представляет особый замкнутый мир, вариантный нашему миру. Так же есть в ней время, но свое; пространство, предметы, сопротивление, — все свое. Там механика, точная и не худшая, чем наша, которую изучаем на земле и на небе. И с этим особым миром можно проделать решающий опыт: дематериализовать его.

Начать с того, что видимые фигуры заменить тем, что они на самом деле есть, силовыми линиями на доске. Затем разрезать шахматную доску на поля, составить колоду, разыграть шахматную партию в карты.

Затем заменить эту колоду подобранной по соответствующей системе таблицей знаков; превратить ее в одну формулу, в которой при изменении одного знака претерпевают изменения все. Обозначить конечный вид этой формулы, то, что зовется в партии матом, и вывести законы преобразования формулы из начального вида в конечный.

Так один из миров превратится в саморазворачивающийся рассказ неизвестно о чем.

Я. С.: Меня интересует счастье. Помнишь у Пушкина: «С Богом в дальнюю дорогу». Что там? Один убит, другой пропал без вести, «жив иль нет, узнаешь сам», дочь живет где-то в глуши, в Лизгоре, но «с мужем ей не скучно там». И тот мир, в который они провожают убитого, похож на мир теней, неизвестно, что хорошего там. Все же ясно, все эти люди счастливы. Им не страшно большое пространство, им не может быть скучно, и нет у них чувства ничтожества, которое понятно нам.

Л. Л.: Ты прав, у них невеселое счастье, но это счастье.

Я. С.: Кто же эти люди? Моряки или рыбаки, жители побережья. Это не случайно. У Гамсуна тоже действие происходит всегда в прибрежном поселке. Или среди леса. Но лес, в конце концов, то же море. И пожалуй, люди у Гамсуна тоже в большей или меньшей мере счастливы. В чем же счастье? Как ответить на это точно, исследовать счастье наподобие того, как Гете исследовал цвета?

Л. Л.: Есть один признак, по которому счастье можно отличить всегда от удовольствия. Когда удовольствие минует, оно становится совершенно безразличным, его не стоит вспоминать. А счастье и в старости, уже не существуя, сжимает сердце, вызывает умиление,

улыбку или слезы. Неувядаемость — вот испытание счастья.

Затем: О разговорах и вещах одного ключа.

Я. С.: В разговорах переходят от одной темы к другой по какому-то закону; потом вдруг покидают линию, по которой шли, начинают другую. Я бы хотел узнать законы разговора. Для того, чтобы их установить, мне придется исследовать гораздо шире, как математику, который, решая частную задачу, добивается формулы наиболее общей, предусматривающей и такие случаи, которые фактически не встречаются. Я хочу создать математику разговоров.

Л. Л.: Есть, особенно это видно в искусстве, вещи одного ключа. Я говорю не о подражаниях, они, конечно, встречаются страшно часто, но это не интересно. Я говорю о таких вещах, как, например, «Есть упоение в бою» Пушкина и «Оратор римский говорил» Тютчева. Или: романы Мопассана и «Парижанка» в кино. Трудно определить, чем эти вещи совпадают, но чувствуется это ясно. Стоило бы составить книгу таких параллелей. Это дало бы больше для понимания искусства, чем все теории эстетики.

Д. Д.: Единственный сейчас правильный путь для изучения истории — это рассматривать не целые государства, а небольшое общество, что ли, компанию друзей и наблюдать на этом культурном континууме все законы.

Л. Л.: Говорят, когда муравьи тащат соломинку, они тащат ее совсем не кратчайшим путем. Так же, верно, добиваются и люди до цели. Отчего никто не проследит исторической траектории хотя бы на небольшом отрезке.

Затем: О Киевской и Суздальской Руси, о реформе Столыпина, о бездорожье, об эпохе 1910 – 1913 гг., о норманнах, о причинах переселения народов.

Затем: Об архитектуре; здание должно быть в пейзаже, этим, верно, особенно прекрасны монгольские монастыри: огромные степи – и вдруг среди них роскошный монастырь, точно жемчужина в раковине пустыни.

Н. М.: Я видел несколько раз во сне, что я умираю. Пока смерть приближается, это очень страшно. Но когда кровь начинает вытекать из жил, уже совсем не страшно и умирать легко.

Н. А.: Мне кажется, я видел даже больше, момент, когда будто уже умер и растекаешься в воздухе. И это тоже легко и приятно... Вообще во сне удивительная чистота и свежесть чувств. Самая острая грусть и самая сильная влюбленность переживаются во сне.

Л. Л.: Бывают и тусклые, неотвязные сны, когда продолжается то, что мучило днем. Один видит, что он все играет в карты, другой, что он работает, третий, что он без удовольствия общается с женщинами. Это похоже не на сны, а на мысли, не желающие остановиться, отделившиеся и ставшие почти самостоятельными.

Д. Х.: Это желудочные сны.

Л. Л.: Я лично очень плохо запоминаю сны, но и другие, мне кажется, запоминают тоже не сами сны, а ближайšie к ним ассоциации, которые приходят при просыпании. Между тем, можно было бы проследить искусственно сны. Некоторые люди в особой обстановке говорят вслух, что они видят во сне. Удивительно, как меняется их голос, насколько искренней, чем обычно, он становится.

Н. А.: Когда среди ночи проснешься под впечатлением сна, кажется, его невозможно забыть. А утром невозможно вспомнить. Но сам тон сна настолько отличается от жизни, что те вещи, которые во сне гениальны, кажутся увядшими и ненужными потом, как морские животные, вытащенные из воды. Поэтому я не верю, что можно во сне писать стихи, музыку и т.п., чтобы потом пригодилось.

Л. Л.: Я однажды видел во сне, я читаю стихи, они мне казались изумительными. Я ничего не запомнил, только одно сравнение, которое там было. Приблизительно вот что: луна всходит на небо, как воин на крепостную стену, и, если присмотреться, на ней изображен воин на крепостной стене.

Н. М.: Когда я голодал двадцать дней, чтобы избавиться от малярии, по ночам видел все тот же сон, будто я что-то съел, было страшно обидно, что испортил все дело. От малярии я так вылечился.

Д. Д.: А как вы себя тогда чувствовали?

Н. М.: Чувствовал необычайную легкость. В голове полная ясность. Есть совсем не хотелось. Но надо было следить, чтобы менять положение тела осторожно, не делать резких движений: сердце не выдерживало, от внезапного движения становилось дурно. И еще было скучно, какая-то пустота. Когда я раз прибавил в стакан воды капельку лимона, это показалось огромным событием.

Н. А.: Еще бы, целый мир вкуса был исключен.

Н. М.: Вообще голодание благотельно: оно сжигает те остатки пищи, которые постоянно находятся в кишках, покрывая их изнутри толстым слоем, и гниют. Голодание освобождает от них.

Д. Х.: Но перед началом голодания непременно надо поставить клизму. Это мне говорили и в тюрьме опытные люди. Иначе голодание опасно и вредно.

Д. Д.: Значит, те явления, которые обычно наблюдают у голодающих, не обязательны?

Н. М.: Да, это отравление ядами кишечника. Люди умирают от горячки. Еще до этого они начинают вонять.

Л. Л.: Вы ведь ставили одно время себе регулярные клизмы, Д. Х.?

Д. Х.: Да, я пробовал применять учение йогов.

Н. М.: У моей жены есть две тетки, уже старые, они всю жизнь ежедневно ставят себе клизмы. Они выглядят сейчас как девочки. Конечно, книги йогов написаны плохо, с глупыми цитатами, но это потому, что они писались для европейцев, рассчитаны на глупых англичан. Йоги несомненно знают что-то, чего мы не знаем, они мудрые люди. Они нашли, как правильно жить, точные правила жизненной игры. А в этом все дело.

Н. А.: Что тут особенно важного, — просто особая физкультура, физиологическая гимнастика.

Н. М.: Да, гимнастика, и начинай с нее без личных претензий.

Д. Х.: Академия художеств тоже не дает таланта, однако пройти в ней курс нужно, чтобы овладеть техникой рисования.

Л. Л.: Это ложное облегчение; нельзя учиться отдельно технике. Это приобретается при чем-то.

Д. Д.: Каждый должен черпать из своей культуры. Наша нравственная техника основана на жертве, на том, что зерно не дает ростка, если само не умрет. Без этой сути техника поведения пуста.

Н. М.: Человеку зубная боль мешает думать о чем-либо, он должен прежде всего избавиться от нее. Ему указывают как, а он не хочет и еще на что-то ссылается.

Н. А.: Верно, и зубная боль чем-то ценна. Ваши йоги самодовольны; это противное занятие — прислушиваться к своим кишкам.

Д. Х.: Если ты будешь ругать йогов, я пририсую к Рабле усы и, проходя мимо монголо-бурятского общепития, сделаю неприличный жест...

Тут *Н. А.* вдруг порозовел; он встал и, махнув в воздухе рукой, ни с кем отдельно не попрощавшись, ушел.

Н. М.: Глупо, глупо ведет себя; и всегда так, когда с ним спорят. На что обиделся? На то, верно, что, когда разговаривал по телефону, *Д. Х.* назвал его уткой.

Д. Х.: Нет, дело в том, что он сел за диваном, вне общего внимания, ну, ему и стало потом обидно.

(Тут они были неправы: *Н. А.* не выносил, когда разговор превращался в краснобайство; как раз это послужило когда-то толчком к его разрыву с *А. В.*)

Д. Х.: Но вообще весь этот разговор о йогах пошел по какому-то неправильному пути. Бывает так, тогда разговор следует сразу прекращать. Споры всегда бесплодны, каждый говорит в них не то, что нужно.

Затем *Д. Х.* представлял своего воображаемого брата *Ивана Ивановича*.

Д. Х.: Это бывает с каждым: расходишься чересчур, становишься уже хвастуном, взял нотой выше, чем нужно. Как только поймаешь себя на этом, сразу сбавь тон, прекрати разговор. Признаком такого экстаза от самого себя, от того, вон как ловок, служит у многих людей покраснение носа, когда они говорят.

Л. Л.: Да, сам человек еще не замечает, что ему стыдно, а нос это уже чувствует. Это самое впечатлительное место, нос. Но что такое стыд, почему при нем краснеют, еще, кажется, никто не сказал.

Д. Х.: Нахальство — самое неприятное. Я детей потому так не люблю, что они всегда нахальны.

Л. Л.: От детей нужно требовать двух вещей: правдивости и уважения к взрослым. Они должны привыкнуть к уважению, чувствовать, что есть, может быть, и непонятное, но более важное, чем сам. Иначе вырастет пустой человек. Не уважающий своих родителей становится или негодяем, или неврастеником, несчастным человеком.

Затем: О занятиях.

Д. Х.: Я изобрел игру в ускоритель времени. Беру у племянника воздушный шарик, когда тот уже ослабел и стоит почти в равновесии в воздухе. И вот, один в комнате, подбрасываю шарик вверх и воображаю, что это деревянный шар. Спокойно подхожу к столу, читаю, прохаживаюсь, а когда шарик уже приближается к полу, подхватываю его палкой и посылаю опять под потолок. Другое занятие: пугать таксу. Я сделал собственное чучело из своего пальто и шляпы, показываю на него таксе и делаю вид, что сам испуган, прячусь. Такса тоже пугается до сумасшествия, лает, бежит прочь... А читать мне трудно. Я и так читаю очень медленно, а тут еще приходится делать все время «зайчики». Когда я читаю, это очень непривлекательное зрелище. Переворачивать страницы мне лень, а прекратить чтение тоже очень трудно: надо остановиться на хорошем слове*.

Н. А.: Вчера я встретился с Н. М. и Д. Х., мы обличали друг друга.

Л. Л.: Разговор о личностях и отношениях — самый неинтересный разговор. Но, бывает, за ним кроется нечто важное, определение позиций на будущее. Тогда это зашифрованный знак еще неясного поворота.

Н. А.: Он никак не помогает делу, искусству, писанию. Для него личные дела не важны.

Л. Л.: Думаю, что важны, только связь тут не простая.

Н. А.: Были бы лишь подходящие условия для писания. Д. Х., например, нужен театр; Н. М. свой журнал; мне две комнаты, а я живу в одной.

Л. Л.: Это имеет не большее значение, чем хорошо ли очинён карандаш, какого сорта бумага. Если вам трудно, то что же сказать, например, о Д. Д., Я. С., обо мне? У вас троих — Н. М., Д. Х. и у вас, — есть большие преимущества по сравнению с теми тремя. Прежде всего, вы знаете точнее, что вам делать. Вам лично — писать стихи. Затем, вы талантливы; это ясно чувствуется всеми, это ценится, облегчает жизнь. Затем, над вами не висит угроза самой простой гибели: не на что будет жить; в конце концов вы всегда уверены: стоит только вам захотеть, и деньги будут. Ваша жизнь легче, вы не работаете, как поденщики; а Д. Д. и Я. С. работают так. И все же мы, пожалуй, делаем больше, чем вы.

Н. А.: Мы все живем как запертые в ящике. Больше так жить невозможно, при ней нельзя писать.

Л. Л.: Я знаю все это. Но мы не директора фабрик, для которых одиночество прекращает возможность дела. Все великие волны поднимались всегда всего несколькими людьми. У нас, мне кажется, были данные, чтобы превратить наш ящик в лодку. Это не случилось,

тут наша вина. Вина А. В., которому плевать на все, кроме личного удовольствия; в результате он не скучает только с теми, кто играет с ним в карты. Ваш разрыв с А. В. был первым знаком общей неудачи. Вина Д. Х., который при своей деланной восторженности глубоко равнодушный человек. Вина Я. С., который деспотичен, как маниак. И главная вина — Н. М. Ее трудно определить. Не в том дело, что он спокойно срывает любое общее начинание, например, словарь. Что внес, как законную вещь, ложь и, значит, неуважение друг к другу. Он единственный мог стать центром и сплотить всех.* Он всегда естественно становился на неуязвимую позицию человека, который всегда сам по себе, даже в разговоре, там, где появляется ответственность и можно попасть в смешное или неприятное положение, он ускользает.

Н. А.: Напрасно вы вините. Просто люди разные, и не было желания грести вместе. Свободы воли ведь нет. Это яснее в искусстве. Надо писать как можно чаще, потому что удача зависит не от тебя, пусть будет хоть больше шансов.

Л. Л.: Пусть вы только проводник, но от вас зависит продолжать быть проводником или нет, хорошим или плохим.

Н. А.: К этому все и сводится: создать такие условия, чтобы дать максимум в искусстве. Ящик оказался плохим помещением, значит, следует его разломать и выйти из него. Что ж, компания распадается. Когда у меня в гимназии были товарищи, тоже казалось, неужели я буду без них. Но жизнь все время создает новое. Сейчас дело уже не в компании, сейчас — спасайся, кто может.

Л. Л.: Да, кто может, спасется. Но я не думаю, что это был единственный возможный выход. А теперь ясно, оставлен на самого себя.

Н. А.: Главное, уже не весело вместе. Видали вы, как Н. М. едет в гости. Унылый, воротник поднят, кепочка маленькая, длинный нос опущен книзу, в кармане стручок перца на случай, если будет водка.

Л. Л.: На что похоже время? Самый этот вопрос кажется странным. Так привыкли мы к тому, что время единственно, всеобъемлюще, ничего подобного ему нет, мы находимся в нем, как в воздухе.

Его и не замечали сначала, как воздух. Но в воздухе есть свои зоны сгущения, разряжения, есть его несовпадения с движением человека, ветер. Это позволило его исследовать. И время тоже не однообразно.

Если бы удалось, хотя бы мысленно, выкачать время, поняли, как будет без него.

Мы ощутили неискоренимое удивление: как это может быть — было и нет. Или все всегда существует, или ничего никогда не существует. Очевидно, есть какая-то коренная ошибка, от которой надо освободиться, чтобы понять время. И мы нащупываем среди обыденных вещей те, которые многозначительны, точки, под которыми спрятаны ходы внутрь. Мы хотим распутать время, зная, что вместе с ним распутывается и весь мир, и мы сами. Потому что мир не плавает по времени, а состоит из него.

Время похоже на последовательность, на разность и на индивидуальность. Оно похоже на преобразование, которое кажется разным, но остается тождественным.

Мы хотим видеть уже сейчас так, как будто мы не ограничены телом, не живем.

На этом кончается запись разговоров. Разговоры происходили в 1933 и 1934 гг. В них участвовало семь человек.

Зачем я предпринял эту неблагодарную работу и как хватило терпения ее довести до конца?

Меня интересовало фотографирование разговоров, то, чего, кажется, никто не делал: я пробовал сохранить слова нескольких связанных друг с другом людей в период, когда связь их стала разрушаться; мне хотелось составить опись собственных мыслей, чтобы знать, что делать дальше.

<1933–1934>

Примечания

При жизни Л. Липавского его философско-эссеистические работы не публиковались. До некоторых пор хранительницей архива Липавского была его вдова Т. А. Липавская (см. примеч. к «Снам»); в 1960-е – 1970-е годы она передала этот архив Я. Друскину (см. примеч. к «Разговорам»), который являлся также хранителем всего архива Хармса, спасенного им от уничтожения в период Великой Отечественной войны, и большого числа рукописей А. Введенского – своих близких друзей и единомышленников. В 1978 г. Я. Друскин начал передавать все эти материалы, в том числе и рукописи Липавского, на хранение в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ныне: Российская национальная библиотека – РНБ). По смерти Друскина его сестра Л. С. Друскина продолжила эту работу, дополнив, в том числе, несколькими рукописями Липавского сложившийся в личном архиве Друскина (Фонд 1232) комплекс материалов писателя и философа.

Впервые объектом публикации и исследования философско-эссеистическое наследие Липавского явилось в работах швейцарского ученого Ж-Ф. Жаккара (см. примеч. к «Исследованию ужаса»), посвятившего интерпретации идей писателя также отдельную главу в своей монографии «*Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe*» (Bern, Berlin, Fr. am Main, 1991 (Slavica Helvetica. Vol./Band 39)). Отдельные публикации наследия Липавского предпринимались журналами «Логос», «Место печати», «De visu».

Наиболее полным до настоящего времени изданием произведений Липавского (за его пределами остались несколько работ писателя) была антология: «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский. Л. Липавский. Я. Друскин. Д. Хармс. Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. Б. м., 1998 (2-е дополненное изд.: М., 2000).

В настоящем издании публикуется всё сохранившееся философско-эссеистическое наследие Липавского. Все тексты сверены с автографами или авторскими машинописями, хранящимся в настоящее время в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 1232. Ед. хр. 59 – 68 и б. н.). В результате этой работы устранены неточности прежних публикаций, а произведение «Разговоры» существенно пополнено за счет восстановления, где это оказалось возможным, многочисленных фрагментов, вычеркнутых Я. Друскиным. Восстановление недописанных слов и нормативной орфографии и пунктуации в текстах Липавского специально не оговаривается. В книгу включены также два ранних стихотворных произведения Липавского, опубликованных в изданиях «Цеха поэтов».

ТРАКТАТ О ВОДЕ

Впервые: «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский. Л. Липавский. Я. Друскин. Д. Хармс. Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. Б. м., 1998. Т. 1. С. 67 – 76. Авторская машинопись – РНБ.

С. 6. *...вас зовут по имени (это есть у Гоголя)* – в «Старосветских помещиках».

С. 7. *Потом все царство зарастает до поры деревьями и цветами* – сказка Ш. Перро «Спящая красавица».

С. 17. *Я – разговор, решивший, что он существует* – первоначально следовало другое окончание (зачеркнуто):

Четвертый собеседник подходит к окну и раздвигает занавески. За стеклом еще пустой город и бледная плоскость неба.

Четвертый собеседник: Разговор не повторится. Вы все знаете, почему. Но все ли привели себя в готовность и знают, что нас сейчас ожидает?

Маленький грек: Все.

Четвертый собеседник: Ну, тогда простимся.

ИССЛЕДОВАНИЕ УЖАСА

Впервые: Jaccard J.-Ph. Страшная бесконечность Леонида Липавского // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd. 27. S. 229 – 247. Авторская машинопись – РНБ.

С. 31. *Ганглии* – киста на суставах.

С. 33. 12 – пункт 11 автором пропущен.

С. 37. ...*в телесном сочетании* – см. далее текст Липавского под таким заглавием.

ОБЪЯСНЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Публикуется впервые. Машинопись – РНБ.

Дублиеты в нумерации и двойная нумерация некоторых позиций в Приложении – авторские.

ВРЕМЯ

Публикуется впервые. Черновой автограф – РНБ.

Настоящий незавершенный текст представляет собой тезисные наброски к предполагавшемуся Липавским исследованию.

<О ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ>

Впервые: «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. С. 95 – 106. Автограф – РНБ.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

Впервые: «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. С. 106 – 109. Автограф – РНБ.

В индийской философии термин *последовательность* означает способ познания объектов во времени (*Браман Чаттереджи*. Сокровенная религиозная философия Индии. Калуга, 1914).

<ОПРЕДЕЛЕННОЕ (КАЧЕСТВО, ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЯ, ПОСТОЯНСТВО ИЛИ ИЗМЕНЯЕМОСТЬ)...>

Впервые: «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. С. 110 – 132. Автограф – РНБ.

С. 93. *Praesus perfectum* – совершенное настоящее время (лат.).

С. 106. *Reiz* — возбуждение; привлекательность (нем.).

С. 112. *Tat tvam asi* — это тоже ты (санскрит), один из важных постулатов индуизма.

С. 114. *Закон Вебера — Фехнера* основан на наблюдениях немецкого физиолога Э. Г. Вебера (1795 — 1878) и математической обработке его результатов и выведении формулы немецким физиком, психологом и философом Г. Т. Фехнером (1801 — 1887). Согласно ему основной психофизиологический закон состоит в соотношении между интенсивностью ощущения и силой раздражения, действующего на какие-либо органы чувств.

СТРОЕНИЕ КАЧЕСТВ

Публикуется впервые. Черновой неоконченный автограф — РНБ.

Текст представляет собой обоснование и некоторые результаты предпринятого Липавским экспериментального изучения строения качеств.

На обороте обложки с заглавием настоящего труда Липавский оставил следующие записи:

Общая интенсивность:

1. сила **I**. 2, (4, 5).

2. частота **З**. 1, 2, (3).

3. количество **A**. 1, — 2, 3.

4. охват тела **B**. 1, — 2, 3.

5. длительность **Ц**. 1, 2 (3).

C. 1, — 2.

Здесь и далее используемые Липавским в тексте литературные обозначения качеств расшифровываем следующим образом: **T** — температура, **C** — сила, **Ц** — цвет, **З** — звук, **B** — вкус; неясным остается значение **A**.

С. 137. *Сантонин* — вещество, содержащееся в листьях и соцветиях цитварной полыни.

С. 137. *Энтоптические цвета* — эффект, возникающий от субъективной оценки движения светлых и темных пятен.

С. 137. *Пуркинье* (Пуркине) Ян Эвангелиста (1787 — 1869) — чешский естествоиспытатель, исследователь физиологии зрительного восприятия.

СОЗЕРЦАНИЕ ДВИЖЕНИЯ

Публикуется впервые. Черновой неоконченный автограф — РНБ.

Текст представляет собой наброски к неосуществленной работе.

С. 140. *Глиссандо* — от *glissando* (итал.), быстрое скольжение пальцами по струнам или клавишам музыкального инструмента.

С. 143. *Стробоскопический эффект* — зрительная иллюзия, создающаяся при периодическом, с интервалами, наблюдении предмета, когда при определенных условиях такое наблюдение может ощущаться как непрерывное.

С. 145. *Закон Вебера* — см. примеч. к «<Определенное...>».

С. 147. *Закон и диск Тальбота* — Уильям Генри Фокс Тальбот (Толбот; 1800 — 1877), один из изобретателей фотографии, автор работ по физике, математике, астрономии и археологии.

С. 147. *Эйдетика* — характер памяти, позволяющий длительное время сохранять полученные образы и зрительные впечатления.

О ТЕЛЕСНОМ СОЧЕТАНИИ

Впервые: «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. С. 132 — 161. Авторская машинопись с пометой Т. А. Липавской о незавершенности текста — РНБ.

С. 148. *...говорится в «Песни Песней»* — приводим библейский текст: «Заклинаю вас, дочери Иерусалимские: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно» (Песн. 8. 4); и далее: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она — пламень весьма сильный» (Песн. 8. 6).

С. 149. *Современный нам писатель говорит: «Самое страшное в мире — женские ноги»* — имеется в виду З. Фрейд, писавший о женских ногах, как одном из сексуальной фетишей.

С. 158. 14 — пункт 13 автором пропущен.

С. 177. *... дань Минотавр* — для пропитания мифологического древнегреческого чудовища Минотавра афиняне

должны были периодически доставлять по семь юношей и девушек.

С. 179. ...*человеку быть одному* — «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2. 18).

С. 182. 50 — пункт 49 автором пропущен.

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Впервые: «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. С. 92 — 94. Авторская машинопись — РНБ.

СНЫ

Впервые: De visu. 1993. № 6 (7). С. 30 — 38. Автограф — РНБ.

С. 198. 15 — далее у автора ошибка в нумерации.

С. 202 — *НАЗ* — возможно, один из друзей Липавского поэт Николай Алексеевич Заболоцкий (1903 — 1958) (см. далее: «Разговоры»).

С. 205. — ...в романе *Беляева* — имеется в виду роман А. Беляева «Роковая ошибка» (1930).

С. 206. 29 — далее у автора ошибки в нумерации.

С. 208. *Т.* — Тамара Александровна Липавская (урожд. Мейер; 1903 — 1982), жена Липавского с 1931 г. (см. далее: «Разговоры»).

С. 209. *Утесов* Леонид Осипович (1895 — 1982) — артист эстрады.

С. 209. ...*высчитывал, что мне 28 лет* и далее — этот фрагмент дает основание датировать настоящий текст 1932 г.

С. 210. — *АИ* — вероятно, редактор Детгиза, фольклорист Александра Иосифовна Любарская (1908 — 2001).

ТЕОРИЯ СЛОВ

Впервые: «Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. С. 254 — 320. Машинопись с правкой — РНБ.

Многочисленные отсылки в настоящей работе к древнерусскому языку сделаны Липавским, по-видимому, на основании изучения им «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (В 3 т. М., 1893 — 1909).

С. 259. *Некоторые приписывают каждой букве...* и далее — имеются в виду языковые изыскания Хлебникова, например, в работах «Художники мира!» и «Наша основа».

С. 300. *Один писатель объяснял его всерьез как «чело века»* — имеется в виду Хлебников.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Диалогическая поэма

Впервые: Альманах Цеха поэтов. Книга вторая. Пг., 1921. С. 52 — 56.

Солнце зашло в чужие страны...

Впервые: Цех поэтов. Книга третья. Пг., 1922. С. 40 — 42; перепеч.: Цех поэтов. II — III. Берлин, 1923. С. 13 — 15.

С. 305. *Араукария* — род хвойных деревьев, растущих преимущественно в Австралии, Южной Америке и на Кавказе.

С. 305. *Валгалла* (Валхалла) — в скандинавской мифологии дворец верховного бога Одина, куда попадают павшие воины и где они продолжают прежнюю героическую жизнь.

РАЗГОВОРЫ

Впервые: Логос. 1993. № 4. Фотокопия с несохранившейся машинописи — РНБ.

Как отмечено в преамбуле к примечаниям, в фотокопии с машинописи текстов «Разговоров», по которой подготовлена настоящая публикация, Я. С. Друскиным сделаны многочисленные купюры: некоторые фрагменты густо зачеркнуты или перечеркнуты. Астериксом отмечаем, что за соответствующим текстом следует фрагмент, который не поддается прочтению.

Собеседниками Липавского (в тексте обозначен: *Л. Л.*) были его друзья, фигурирующие под инициалами: *Н. М.* — писатель Николай Макарович Олейников (1898 — 1937); *Н. А.* — писатель Николай Алексеевич Заболоцкий (см. примеч. к «Снам»); *Д. Х.* — писатель Даниил Иванович Хармс (1905 — 1942); *Я. С.* — религиозный философ, музыковед Яков Семенович Друскин (1902 — 1980); *А. В.* — писатель Александр Иванович Введенский (1904 — 1941); *Д. Д.* — филолог-

германист Дмитрий Дмитриевич Михайлов (1892 – 1942; по другим сведениям: 1891 – 1941); Т. А. – Тамара Александровна Липавская (см. примеч. к «Снам»).

С. 307. «Александро Гриновщина» – имеется в виду писатель Александр Степанович Грин (наст. фам.: Гриневский) (1880 – 1932).

С. 307. *озарение* – так называется стихотворение Олейникова (1932).

С. 308. *...пути достижения* – во второй половине 1920-х гг. Хармс читал книгу Рамачараки (псевд.; наст. имя и фамилия В. У. Аткинсон) «Пути достижения индийских йогов». (Изд. 2-е. Пг., 1915).

С. 308. *Числа, особенно не связанные порядком* – этими словами начинается один из неозаглавленных квазитрактатов Хармса (1933).

С. 308. *Естественные мыслители* – Хармс коллекционировал в своем окружении людей, которые обладали независимой, подчас алогичной, точкой зрения на самые разные проблемы жизнеустройства.

С. 310. *У Чехова в одном рассказе* – имеется в виду рассказ Чехова «Обыкновенная история».

С. 310. *Л. Л. нашел в еврейской энциклопедии* – Еврейская энциклопедия. Т. 5. С. 685.

С. 315. «*На удаление зуба*» – прозаическое произведение Введенского «Заболевание сифилисом, отрезанная нога, выдернутый зуб» (1933).

С. 320. «*Облака*» – не сохранившееся произведение Заболоцкого.

С. 321. «*Вестники*» – имеется в виду философское сочинение Друскина «Вестники и их разговоры» (1933).

С. 323. *...критику разума – более основательную, чем та, отвлеченная* – имеются в виду «критические» работы И. Канта «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790).

С. 325. *...по учебнику Киселева* – имеются в виду стандартные учебники алгебры и геометрии для средней школы педагога-математика Андрея Петровича Киселева (1852 – 1940).

С. 327. «*Чем я противен*» – пропавшая работа Друскина.

С. 334. *Фалес* (ок. 625 — ок. 547 до н. э.) — родоначальник античной философии и науки; его именем Друскин оперирует в дальнейшем в работе, условно называемой «Как меня покинули вестники» (1937).

С. 334. «*Когда для смертного умолкнет шумный день...*» — из «Воспоминания» Пушкина.

С. 337. «*Похвалу изобретателям*» — имеется в виду стихотворение Олейникова «Хвала изобретателям» (1932).

С. 338. ...*списывать теории с академика Марра!*.. — об истинном отношении Липавского к яфетической теории востоковеда, языковеда Николая Яковлевича Марра (1864/65 — 1934) см. подробнее в произведении «Теория слов».

С. 338. ...*провозгласил мудрость кузнечика и начертил на знамени жука* — имеется в виду стихотворение Олейникова «Хвала изобретателям» (1932).

С. 339. *Шлегель* Август Вильгельм (1767 — 1845) и его брат Фридрих (1772 — 1829) — немецкие филологи, критики, писатели; *Новалис* (наст. имя и фамилия Фридрих фон Хандерберг) (1772 — 1801) — немецкий поэт и философ; *Шлейермахер* Фридрих (1768 — 1834) — немецкий богослов и философ.

С. 341. *Фламарион* Камиль (1842 — 1925) — французский астроном; наиболее популярными в России были его книги: «Неведомое» (СПб., 1901), «Жители звезд, или Многочисленность обитаемых миров» (1909) и «Звездная книга» (Л., 1929).

С. 342. *Книга Джинса* — по-видимому, речь идет о книге английского астрофизика Джеймса Хопвуда Джинса (1877 — 1946) «Вселенная вокруг нас» (русское изд.: Л., 1932).

С. 343. *Лао Цзы* (наст. имя Ли Эр) — автор древнекитайского трактата «Лао-цзы», которое ко времени «Разговоров» было известно по-русски в двух изданиях: Толстой Л. Н. Изречения китайского мудреца Лао-Тзе, избранные Л. Н. Толстым (<М.>, 1910); Лао-цзы. Тао-те-Кинг, или Писание о нравственности / Под ред. Л. Н. Толстого; пер. с китайского; примеч. С. Н. Дурылина (М., 1913).

С. 343. *О номогенезе, книге Берга* — так называлась книга (Пг., 1922) биолога и физикогеографа Льва Семеновича Берга (1876 — 1950), выдвинувшего эволюционную концепцию номогенеза.

С. 343. Французский философ Анри *Бергсон* (1859 – 1941) – автор теории интуитивизма и философии жизни (витализма), популярной среди друзей Липавского, особенно у Хармса.

С. 345. ...*о билетах на Реквием* – речь идет о «Реквиеме» Моцарта.

С. 346. ...*из повести Гоголя* – имеется в виду «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

С. 348. ...*жалобу на несовершенство человеческой природы* – стихотворение Введенского «Мне жалко, что я не зверь...» (1934).

С. 349. «*звери, когда они любят...*» – из стихотворения В. Хлебникова «Люди, когда они любят...».

С. 349. «*Еще у меня есть претензия...*» и далее – из названного выше стихотворения Введенского.

С. 349. «*Учение о цветах*» – имеется в виду «Учение о цвете» И. В. Гете.

С. 349. ...*есть у Лейбница замечательные мысли* – вероятно, Олейников читал труды немецкого философа Готфрида Вильгельма Лейбница (1646 – 1716) в связи со своими занятиями математикой.

С. 351. ...*вы, конечно, Тик* – Людвиг Тик (1773 – 1853), немецкий писатель-романтик.

С. 352. ...*представляется одному человеку* – имеется в виду сон Брахмы, в индуизме – творца Вселенной и всего сущего.

С. 353. *Я прочел роман А. В.* – вероятно, речь идет о несохранившемся романе Введенского «Убийцы вы дураки».

С. 355. Джованни Батиста *Пиранези* (1720 – 1778) – итальянский гравер.

С. 355. *Лиссабонское землетрясение* произошло 1 ноября 1755 г.; ему посвящена «Поэма о гибели Лиссабона, или Проверка аксиомы “Все благо”» Вольтера (1756), обращенная против теорий Лейбница (см. примеч. выше) о предустановленной гармонии; сюжет с лиссабонским землетрясением использован также Достоевским в статье «г-н Бо-в и вопрос об искусстве».

С. 358. *Декарт имел такую принцессу* — французский философ, математик, физик и физиолог Рене Декарт (1596 – 1650) преподавал философию шведской королеве Христине.

С. 358. *Я вроде того ребенка, который заметил, что король гол* — из сказки датского писателя Ханса Кристиана Андерсена (1805 — 1875) «Голый король».

С. 358. Карл Теодор Вильгельм *Вейерштрасс* (1815 — 1897) — немецкий математик; разработал теорию логического обоснования математического анализа.

С. 359. Николай Александрович *Морозов* (1854 — 1946) — за участие в революционной деятельности был приговорен к заключению в Петропавловскую и Шлиссельбургскую крепости, где провел 1882 — 1905 гг.; летом 1885 г. в Шлиссельбургской крепости на совместных прогулках подружился с будущим отцом Хармса И. П. Ювачевым; автор большого числа трудов по математике, физике, истории и др., многие из которых проникнуты пафосом ниспровержения общепринятых теорий; возможно, в данном случае имеется в виду книга Морозова «Христос или Рамзес? Попытка применения математической теории вероятности к историческому предмету» (М.; Пг., 1924).

С. 359. *Райты* — Уилбер (1867 — 1912) и Орвилл (1871 — 1948) — американские авиаконструкторы и летчики; возможно, речь о них зашла в связи с вышедшей только что книгой: Зенкевич М. Братья Райт. М., 1933.

С. 360. *...одна — против Локка* — в опровержение работы английского философа Джона Локка (1632 — 1704) «Опыт о человеческом разуме» (1690) Лейбниц написал «Теодицею» (1710).

С. 362. *...о всех, живших до нас Агафонах* — возможно, аллюзия на «Евгения Онегина» Пушкина а также фольклорную травестийную традицию, связанную с этим именем (см.: Гин Я. И. Из комментариев к «Евгению Онегину»: *Агафон* // Временник пушкинской комиссии. Вып. 25. СПб., 1993. С. 135 — 143).

С. 365. *П.* — имеется в виду Владимир Яковлевич Пропп (1895 — 1970), литературовед, фольклорист; в 1928 г. издал книгу «Морфология сказки», положения которой и другие идеи ученого обсуждаются далее.

С. 367. *Книга мертвых* — древнеегипетский свод заупокойных текстов.

С. 369. Борис Александрович *Тураев* (1868 – 1920) – востоковед, автор классических работ по истории Древнего Востока.

С. 369. *Разговоры Гете с Эккерманом* – речь идет о только что, в 1934 г., вышедшей по-русски в полном объеме книге «Разговоры с Гете в последние годы его жизни (1837 – 1848)».

С. 370. ...*умер Андрей Белый* – это произошло 8 января 1934 г. (похоронен 10 января).

С. 371. ...*одной из вещей Гайдна* – имеется в виду «Прощальная симфония» австрийского композитора Франца Йозефа Гайдна (1732 – 1809).

С. 371. ...*историю сторожа скотобойни, словавшего руку* – имеется в виду «Американский рассказ» Хармса (см.: Хармс Д. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. СПб., 2002. Кн. 2. С. 85 (Хармс Д. Полн. собр. соч. Т. 6).

С. 371. «*Признаки вечности*» – работа Друскина (1934).

С. 374. *Знаете, Гейне рассказывает* – этот эпизод в тексте Г. Гейне передан так: «Однажды в прекрасный звездный вечер стояли мы вдвоем у окна, и я, двадцатидвухлетний юнец, только что хорошо поужинавший и попивший кофе, мечтательно говорил о звездах и назвал их обителью блаженных. Но учитель проворчал себе под нос: “Звезды, гм, гм! Звезды – только светящаяся сыпь на небе!”» (Гейне Г. Признания // Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1956 – 1959. Т. 9. С. 113 – 114).

С. 380. ...*о точках и об окрестностях вещей* – работы Друскина: соответственно «Классификация точек» и «Окрестности вещей» (обе 1934).

С. 380. «*На холмы Грузии...*» и далее – правильно: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (Пушкин).

С. 384. ...*двадцать четыре песни* – «Илиада» Гомера.

С. 384. ...*получили за это Нобелевскую премию* – австрийский физик-теоретик Эрвин Шредингер (1887 – 1961) и английский физик Поль Адриен Морис Дирак (1902 – 1984) получили в 1933 г. Нобелевскую премию за создание квантовой механики.

С. 388. Франсуа *Дельсарт* – педагог, пропагандист синтеза искусств на основе выразительного движения; его система получила широкое распространение, в том числе в России.

С. 389. Правильно: *Дхармакирти* (VII – VIII вв.) и *Дигнага* (между 480 и 540) – буддийские философы, создатели системы логики и эпистемологии.

С. 394. ...*всю жизнь говорит прозой* – персонаж пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве» Журден.

С. 396. ...*описанная Фабром* – имеется в виду книга французского энтомолога Жана Анри Фабра (1823 – 1915) «Осы» (М.; Л., 1927).

С. 406. *Я исследовал деревья* – работа Друскина «Разговоры вестников».

С. 406. ...*спас французское шелководство* – имеется в виду книга Фабра «Инстинкт и нравы насекомых» (В 2 т. М., 1914).

С. 407. ...*Вересаева о Пушкине* – по-видимому, речь идет о только что вышедшей книге В. Вересаева «Спутники Пушкина» (Вып. I. Л., 1934).

С. 407. ...*о «гортензии»* – из стихотворения Введенского «Мне жалко, что я не зверь...».

С. 410. «*Какой простор!*» – картина И. Репина.

С. 413. *Помнишь у Пушкина* и далее – из «Песен западных славян».

С. 414. «*Парижанка*» – фильм Ч. Чаплина (1923).

С. 418. ...*своего воображаемого брата Ивана Ивановича* – фото, где Хармс изображает этого своего брата, бывшего приват-доцента Санкт-Петербургского университета, см.: Хармс Д. Полет в небеса. Л., 1988. С. 352.

Мыслящий тростник, или Екклесиаст 1930-х годов

Нынешний читатель Леонида Липавского (1904 – 1941), выхватив взглядом из перечня его сочинений наименование «Исследование ужаса», взглянув на дату написания: 1930-е, — да бегло пробежавшись по тексту и углядев суждения о том, что ужас вызывает у человека все, связанное с потерей им индивидуальности (личности), — охотно экстраполирует эти детали на общеизвестные советские реалии и оценит философа как одного из проницательных оппозиционных мыслителей того времени.

Между тем непредубежденное прочтение всего сохранившегося литературного наследия писателя неизбежно выявит мизерность сопряжения его суждений с повседневной социальной реальностью, и что в тех случаях, когда он употребляет понятие «современность», имеется в виду совершенно иное пространство, нежели то, которое составляла непосредственно сопутствовавшая Липавскому повседневная советская жизнь. Свой путь в это пространство он обозначил как выход за пределы обычного здравого смысла.

Философствование свойственно было Липавскому с отрочества. Уже в отзыве за 1917/18 учебный год Л. В. Георга, преподавателя русского языка Петроградской гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской, отмечалось: «Липавский. Мальчик-философ. Умница. Громадная духов-

ная взрослость при маленьком теле и малых летах вызыва^{ет} его большую нервность. *Лучший ученик гимназии*¹. В первом полугодии следующего учебного года тот же Георг писал: «Липавский. Чрезвычайно интеллигентный мальчик. В этом году стал еще привлекательнее, чем в прошлом, — стал душевно-теплее, нежнее и поэтичнее — это буквально — он одарен к поэзии. Ярко выраженный гуманитарный тип. Товарищами любим и уважаем. Большая внутренняя работа приводит его за последнее время к пессимизму (теоретически), но уверенность его в собственных творческих силах, спокойная и добродушная, уводит его к артистизму, который поможет ему пережить кризис. От эрудиции не по летам он уже устает, у него теперь просыпается интерес к самой жизни»². По окончании учебы в 1921 г.³ появилась первая литературная публикация Липавского: «Диалогическая поэма»⁴ — своеобразная рецепция платоновских представлений о душе, написанная в диалогической форме, которая, как легко увидеть, стала излюбленным творческим жанром Липавского (и его друзей). В следующем году были напечатаны еще два его стихотворения⁵. По воспоминаниям Я. Друскина, в 1923 г. Липавский «перестал писать стихи»⁶.

Он учился на философском отделении факультета общественных наук Петроградского университета, параллельно

¹ А. Сажин, В. Дмитренко. Краткая история «чинарей» // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: Л. Липавский. А. Введенский. Я. Друскин. Д. Хармс. Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. Б. м. 1998. Т. 1. С. 11.

² Там же. С. 11 — 12.

³ Гимназия к тому времени стала называться Петроградской 10-й Трудовой школой имени Л. Д. Лентовской.

⁴ Альманах Цеха поэтов. Пг., 1921. Кн. 2. С. 52 — 56. Рец.: *Поэт. Поэзия изломов: (О творчестве цеховых поэтов) // Жизнь искусства*. 1921. 25 октября. № 814. С. 4.

⁵ Цех поэтов. Пг., 1922. Кн. 3. С. 13 — 15.

⁶ Друскин Я. «Чинари» // Аврора. 1989. № 6. С. 104. Несколько отличающиеся друг от друга иные варианты этого текста см.: *Wiener Slawistischer Almanach*. 1985. Bd. 15. S. 381 — 404; «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. С. 46 — 64.

посещая лекции по санскриту в Институте живых восточных языков. По-видимому, в 1923 г., уклонившись от предложения осудить своего учителя, высланного из России в ноябре 1922 г. философа Н. О. Лосского, Липавский был вынужден оставить университет. Он работал преподавателем обществоведения в ленинградских школах, воспитателем в школе для трудновоспитуемых детей, четыре года — редактором Ленинградского отделения Госиздата, откуда был уволен, как можно предположить, в 1932 г., после того как Иракий Андроников на следствии по делу Хармса, Введенского и других дал показания о тесной дружбе Липавского с подследственными⁷. С 1926 г. под псевдонимом Л. Савельев появляются его книги на историко-революционную тематику для детей (об Октябрьской революции), о происхождении жизни на земле («Следы на камне». Л., 1936). Он начинал писать для детей книгу по физиологии, но эта работа была прервана Великой Отечественной войной: в 1940 г. он был зачислен в части ПВО Балтийского флота. В ноябре 1941 г. под Петергофом Липавский погиб⁸.

По-видимому, после увольнения со службы в издательстве Липавский стал систематически заниматься теми исследованиями, которые в разной форме воплотились в текстах, составляющих настоящую книгу. Одной из ипостасей такой работы явились «Разговоры». На протяжении 1933 — 1934 гг. он вовлекал своих друзей в обсуждение в своей излюбленной диалогической форме того множества вопросов, которые, как очевидно, занимали не только его одного⁹, в резуль-

⁷ Дело № 4246-31 г. // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 2. С. 567 — 568.

⁸ См.: Советские детские писатели: Биобиблиографический словарь. М., 1961. С. 328; *Александров А.* Автор первых книг об Октябре // Звезда. 1968. № 2. С. 213 — 216; Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1962 — 1978. Т. 6. С. 589.

⁹ См. наст. изд.: «Разговоры», преамбула к примеч. Друскин и Введенский были его соучениками по гимназии: с первым он подружился еще в 1918 — 1919 гг., со вторым — в 1922 г.; с Олейниковым и Хармсом Липавский сдружился в период работы в изда-

тате чего многие темы и сюжеты этих бесед не только напрямую (как в произведениях Друскина), но и опосредованно отразились в сочинениях его собеседников¹⁰.

Липавский был страстным классификатором. Поле для такой классификаторской деятельности в его представлении было абсолютно безграничным, и сама эта безграничность точно так же подлежала интерпретации и классификации: он намеревался «объяснить видимую картину мира» и исследовать (назвать) «неизвестный мир». О масштабе поставленной Липавским перед собой задачи свидетельствует текст, не имеющий отдельного заглавия: <«Определенное (качество, характер изменения, постоянство или изменяемость...»> – своеобразный компендиум тем, о которых он собирался писать, конспект будущего собрания сочинений.

В мире живого, относящегося к человеческому существованию, он исследовал:

типы любви («О телесном сочетании»), и даже предложил одну из возможных схем измерения разных степеней этого чувства;

вариации и формы ужаса (страха) («Исследование ужаса») и причины, вызывающие его¹¹;

тельстве. Они называли себя «чинарями» (слово придумано Введенским и служило для обозначения их интеллектуально-философской общности). Об этом см.: Сажин В. Чинари – литературное объединение 1920 – 1930-х годов (источники для изучения) // Четвертые тыняновские чтения: Тезисы. Рига, 1988. С. 23 – 24; Друскина Л. Было такое содружество... // Аврора. 1989. № 6. С. 100 – 102; Сажин В. Н. «...Сборище друзей, оставленных судьбою» // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 194 – 201; Jaccard J.-Ph. Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. Bern, Berlin... 1991. P. 131 – 207. (по-русски: СПб., 1995).

¹⁰ О таких связях см.: «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд.

¹¹ Об этой работе Липавского см.: Jaccard J.-Ph. Daniil Harms et la fin... Указ. изд.; Цивьян Т. В. Леонид Липавский: «Исследование ужаса» (опыт медленного чтения) // Т. В. Цивьян Семиотические путешествия. СПб., 2001. С. 102 – 118.

классифицировал состояния и намеревался осуществить классификацию чувств и построить «дерево» настроений.

В мире живой природы, которому он дал наименование «соседнего», сосуществующего наряду с миром людей, но по своим, пока неизвестным, законам, он хотел изучить:

«как чувствует мир дерево, коралл, медуза, рыба, червь, младенец во чреве матери, составить для каждого из них язык» и утверждал присутствие «сладострастия» у идущей на нерест рыбы.

В непредметном (тоже «соседнем») мире он предполагал также наличие особых способов и свойств самостоятельного существования; его, например, интересовало: «...вот душа круга встречается с душой треугольника, у них завязывается разговор. О чем они могут говорить, что они могут сообщить друг другу?»

Точно так же и языковые процессы он исследовал, исходя из презумпции наличия самостоятельной жизни слов, интерпретируя их, эти процессы, в универсальных категориях «существования»: «сто родоначальников дали жизнь бесчисленному ныне населению языка»; для образования некоторых слов «языку приходится прибегать к обходным путям, так сказать, к хитрости»; возникновение пола (рода) у слов Липавский описывает буквально по платоновскому «Пиру»: первоначально отсутствовало такое разделение, затем выделились активный (мужской) и пассивный (женский) типы, но сохранился и исходный — средний — род¹².

Именно в связи с «Теорией слов» Липавский дал трактовку своего метода, которая может служить универсальной характеристикой всех его сочинений: «Я не рассчитываю, что моя теория может быть признана. Она противоречит не каким-либо законам, а, что хуже, самому стилю современной науки, негласным правилам, управляющим ее нынешним ходом». И далее: «Я не верю, что для того, чтобы понять мир,

¹² Интерпретацию этой работы см.: Цивьян Т. В. Происхождение и устройство языка по Леониду Липавскому (Л. Липавский. «Теория слов») // Т. В. Цивьян. Семиотические путешествия. СПб., 2001. С. 232 – 243.

нужно читать философские книги или заниматься в физической лаборатории. Мир, очевидно, устроен так, что его суть сквозит в любом его кусочке»¹³. И, наконец, еще одно принципиальное положение: «...не надо гоняться за доказательствами. Это только иллюзия, достоверность от них не увеличивается. В самом деле, что такое доказательство? “То, что я говорю, вполне соответствует тому, что вы признали за правильное прежде”. Но это прежде признанное совсем недостоверно и новое может ему противоречить. Лучше сказать: “Я вникнул и увидел, что это так; вникните и вы”».

С точки зрения даже не строго научной, но житейского «здорового смысла» легче всего поддаются ревизии положения, сформулированные и схематически изображенные Липавским в работе «О телесном сочетании»: почему в браке больше уважения, чем у любовников; почему раньше (когда?) в мужской дружбе была нежность, а теперь ее нет; почему в любви к отцу меньше нежности, чем в любви к матери?.. Так же открыты критике с точки зрения общепринятой логики положения Липавского о селективности любви: «Ее требования таковы: получить себе как любовницу или жену здоровую особь — с плотными и не слишком тощими ногами и грудями, с более или менее правильным изгибом тела и целыми передними зубами. Хочется еще, чтобы от нее не шел гнилой запах. Этого достаточно, чтобы возникло желание телесного сочетания».

За вненаучностью сочинений Липавского — безусловно, познание разнообразных философских и естественнонаучных концепций¹⁴. Прежде всего и более всего, это теория

¹³ Этот пафос неприятия претензий современной науки на всестороннее осмысление мира был общим для Липавского и его собеседников: иронические «антинаучные» стихотворения писал Хармс, в том же ключе работал Друскин, который, вместе с тем, первым дал характеристику «бессмыслице» в творчестве Введенского (см.: *Друскин Я. Звезда бессмыслицы // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»*. Указ. изд. Т. 1. С. 549 — 642.)

¹⁴ Только что приведенным, например, рассуждениям Липавского о селективности предшествует пассаж о том, что ею «пытаются даже объяснить видоизменение животных, говорят о “половом подборе”», отсылающий к дарвиновской теории.

относительности А. Эйнштейна. Можно сказать, что, как ни парадоксально звучит, все сочинения Липавского представляют собой возведенную им в абсолют тотальную реализацию теории относительности¹⁵: в его представлении, в мире нет ничего абсолютного, есть только отношения (разность) вещей, предметов, явлений, качеств, и только из соотношения все они — вещи, предметы, явления, качества — приобретают свою существенность. Формула теории относительности Липавского: «Существовать — это значит просто отличаться».

Помимо прямых указаний на знакомство с сочинениями З. Фрейда¹⁶, над многими текстами Липавского витает его тень¹⁷: интерпретация снов, констатация страха, вызываемого женскими ногами и вообще самостоятельным существованием отдельных членов живого существа — всё это параллель фрейдовским психоаналитическим интерпретациям. Но Липавский низводит их едва ли не до уничтожения — не принцип наслаждения и утверждения своего «Я», лежит по Липавскому, в основе полового влечения: «Половое влечение — это стремление к деиндивидуализации, стремление избавиться от aberrации индивидуальности. Поэтому: <...> 3) Половое чувство — это просто чувство; 4) Половые органы — это просто органы (неспециализировавшиеся; поэтому низшие, в особенности морские животные, чем-то неприличны)».

Микроанализ произведений Липавского даст возможность соотнести его теории с трудами, например, А. Бергсона, О. Шпенглера, М. Хайдеггера¹⁸, гипотезами о возникновении

¹⁵ «Нелепо было бы думать, — пишет Липавский, — что принцип относительности — физический. Но только в физике он осознан до конца».

¹⁶ См. также рассуждения Друскина о своем «бессознательном» и «подсознательном».

¹⁷ И Л. фон Захер-Мазоха: см. рассуждения о страхе, вызываемом женщиной, в его «Любви Платона» (М., 1887. С. 201; благодарю М. Золотоносова за указание на это произведение).

¹⁸ Т. Цивьян приводит примеры из Р. Музиля, М. Элиаде, Н. Шатле, фольклора (*Цивьян Т. В.* Леонид Липавский: «Исследование ужаса» // Указ. изд. С. 110, 112, 113, 117).

мира и зарождении жизни¹⁹ в трудах Л. Пастера, К. Мережковского, Н. Опарина. Но всякий раз это соположение будет указывать (употребим понятие Липавского) на разность, отличие и, значит, самостоятельность существования его постулатов.

В «Разговорах» Липавского есть один фрагмент, в котором мне хочется видеть ключ не только ко всем его умозрительным построениям, но и к самому мироощущению. Это рассуждения о шахматной доске: «...она представляет особый замкнутый мир, вариантный нашему миру. Так же есть в ней время, но свое, пространство, предметы, сопротивление, — все свое. Там механика, точная и не худшая, чем наша, которую изучаем на земле и на небе. И с этим особым миром можно проделать решающий опыт: дематериализовать его.

Начать с того, что видимые фигуры заменить тем, что они на самом деле есть, силовыми линиями на доске. Затем разрезать шахматную доску на поля, составить колоду, разыграть шахматную партию в карты. Затем заменить эту колоду подобранной по соответствующей системе таблицей знаков; превратить ее в одну формулу, в которой при изменении одного знака претерпевают изменения все. Обозначить конечный вид этой формулы, то, что зовется в партии матом, и вывести законы преобразования формулы из начального вида в конечный.

Так один из миров превратится в саморазворачивающийся рассказ неизвестно о чем».

Подобно описанной операции с шахматной доской Липавский осуществлял интеллектуальную дематериализацию (деиндивидуализацию) мира и готов был превратить ее из частной в тотальную.

Но перспектива выполнения такой задача приводила его в ужас.

Сознание того, что мир представляет собой неисчислимое множество частных миров, которые создаются ежесекундно (стоит проткнуть иглой яблоко — и это уже новый мир), и, следовательно, задача его классификации должна быть

¹⁹ У Липавского: «мировой кисель».

уподоблена работе вечного двигателя; неукротимая, «ужасная, плюющая на все непристойная живучесть» окружающего мира; безрассудное стремление «человеческого кристалла» к индивидуализации и самосохранению («Почти все переполнены паразитами, недоразвиты, разнообразно искривлены, ободраны, подточены недоеданием или постоянным раздражением, изуродованы и отуплены, в их жилах течет отравленная кровь»)²⁰ — все это вызывало у Липавского едва ли не вскрик негодования: «Невероятно огромное пространство мира — оскорбление».

Эта огромность мира и постоянная незавершенность любой попытки его описать были для Липавского личной драмой, которая осознавалась им как «невообразимая жестокость жизни»²¹.

Валерий Сажин

²⁰ Подобно этому Липавский хвалит работу Друскина «Чем я противен» за «отвращение к индивидуальности, к ее неизбежной нечистоте».

²¹ Нельзя не вспомнить еще раз отзыв учителя о Липавском-подростке: «Большая внутренняя работа приводит его <...> к пессимизму» (см. выше).

Содержание

Трактат о воде	5
Исследование ужаса	18
Объяснение времени	41
Время	60
<О преобразованиях>	66
Последовательности	83
<Определенное (качество, характер изменения, постоянство или изменяемость)...>	88
Строение качеств	117
Созерцание движения	138
О телесном сочетании	148
Головокружение	189
Сны	193
Теория слов	211
Стихотворения	301
Разговоры	307
Примечания	424
<i>В. Сажин. Мыслящий тростник, или Екклесиаст 1930-х годов</i>	<i>437</i>

Леонид Липавский

Исследование ужаса

Ведущий редактор *А. Иванов*
Художник *А. Бондаренко*
Корректор *Е. Рабкина*
Компьютерная верстка *М. Гришина*

Подписано в печать 16.03.05.
Формат издания 80×100¹/₃₂.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага писчая. Тираж 3000 экз.
Заказ № 187.

ООО «Издательство Ад Маргинем»
113184, Москва, 1-й Новокузнецкий пер., д. 5/7,
тел./факс: 951-93-60, e-mail: ad-marg@rinet.ru

ИД № 06255 от 12.11.2001

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru